
Месса Лина
Пышка особого взыскания
18+

Месса Лина
Пышка особого взыскания

https://litres.ru/74305428
SelfPub; 2026

Аннотация

В шестьдесят лет я, обычная земная женщина, умерла от болезни, но получила возможность начать все заново и вторую молодость. Правда, другой мир забыл выдать мне деньги и магический дар, поэтому пришлось устроиться на работу.

Теперь я стажер в агентстве по взысканию безнадежных магических долгов. Мой напарник — хмурый и бессовестно привлекательный тифлинг, который мечтает от меня избавиться. Напрасно! За годы земного стажа я научилась договариваться с теми, кто не желает договариваться, и читать документы до самой последней строчки.

Здесь это полезнее, чем кажется. Особенно — когда в дело вмешиваются властный дракон, предприимчивый некромант и покойники с весьма спорными условиями труда.

Я собираюсь устроить свою новую жизнь и наконец пожить в удовольствие. Раз уж судьба вернула мне молодость, тратить ее только на работу было бы непростительным расточительством!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	34
Глава 5	43
Глава 6	52
Глава 7	61
Глава 8	72
Глава 9	84
Глава 10	95
Глава 11	104
Глава 12	115
Глава 13	124
Глава 14	133
Глава 15	145
Глава 16	159
Глава 17	173
Глава 18	186
Глава 19	195
Глава 20	207
Конец ознакомительного фрагмента.	212

Месса Лина
Пышка особого взыскания

Глава 1

Кольцо я выложила на стойку первым. Не потому что было не жалко, а потому что знала себя: начну с сережек — до кольца сегодня не дойду. Поэтому оно со звонком покатилось по исцарапанной деревянной стойке и замерло, тускло блеснув в свете масляных ламп.

— Полновесное, — пробормотал оценщик, щуря желтоватые глаза через ювелирную лупу. Он был похож на сморщенную грушу, одетую в засаленный сюртук не по размеру. — Но работа топорная. Магии ноль. Грамм на двадцать, не больше. Дам за него три серебряных.

Я молча смотрела на свои руки, лежащие на прилавке. Тонкие пальцы, гладкая кожа без единого пигментного пятна, идеальная форма ногтей. Никаких вздутых вен. Никакой сухости. И, что самое главное, никакой изматывающей, тянущей боли в суставах. Тело двадцатилетней девушки слушалось безупречно, но внутри него по-прежнему сидела шестидесятилетняя женщина, которая слишком хорошо знала, что чудес не бывает, а за все в этой вселенной нужно платить.

За последние три дня я усвоила это особенно четко. Мое

личное чудо закончилось ровно в тот момент, когда я очнулась в чужом лесу — живая, здоровая, без единого метастаза, но абсолютно пустая. Три дня скитаний, ночевок на сырой земле и дикой рези в желудке, которую я пыталась заглушить кислой синей ягодой с подозрительных кустов.

А теперь я продавала символ тридцати пяти лет брака. Брака с человеком, который собрал чемоданы через месяц после того, как врач озвучил мой диагноз. «Я не вынесу этого, ты же знаешь, у меня слабое сердце», — сказал он тогда, отводя глаза.

Сердце у него, может, и слабое, а вот у меня теперь его вообще нет. По крайней мере, для жалости к себе, прошлому и предателям. В том мире меня больше ничего и никто не держал, в том мире я, кажется, больше не существовала. А в этом мне нужны были деньги на нормальную еду.

— Пять серебряных, — мой голос прозвучал удивительно звонко, но тон был таким, каким я обычно общалась с налоговой инспекцией: холодным, канцелярским и не терпящим возражений. — Плюс мои серьги. И мы оба знаем, что вы не найдете здесь вашей магической пробы, потому что это другая работа. Эксклюзив из-за гор. Десять серебряных за все, или я собираю вещи и иду в лавку напротив.

Этого бы мне хватило на ночлег на неделю в небольшой таверне за городом, что я вчера нашла, и на горячий ужин на несколько дней.

Оценщик скривился, открыл было рот, чтобы возмутить-

ся наглости двадцатилетней соплячки, но не успел.

Входная дверь ломбарда не просто открылась — она слетела с петель, с жутким грохотом рухнув на грязный дощатый пол.

Внутрь кубарем вкатилось нечто тощее, покрытое серой чешуей и истошно вопящее. Существо вскочило на ноги, дико озираясь, и в ту же секунду его безумный взгляд упал на меня.

Рывок — и я даже не успела моргнуть, как оказалась прижата спиной к воняющему тиной телу, а к моему горлу прижалось что-то острое и ржавое.

— Ни с места! — завизжал чешуйчатый прямо мне в ухо, брызгая слюной. — Шаг сделаете, и я вскрою девчонке шею!

Я скосила глаза на лезвие. Только этого не хватало. Умереть от рака, воскреснуть в другом мире, три дня давиться кислыми ягодами и получить заточкой в местной скупке краденого. Воистину, ироничный финал.

В дверном проеме, аккуратно перешагнув через выбитые створки, появилась фигура. Точнее, фигурка.

Мужчина был ростом мне едва по грудь. Густые каштановые кудри, жилетка из темно-бордового шелка, поверх которой был небрежно накинут идеально скроенный сюртук, и брюки с безупречными стрелками. В руках он держал элегантную трость из черного дерева с массивным серебряным набалдашником.

Он посмотрел на чешуйчатого с таким ледяным высоко-

мерием, словно перед ним была не критическая ситуация с заложником, а досадная лужа на тротуаре, в которой он очень боялся испачкать свои начищенные до зеркального блеска ботинки.

— Контракт номер четыреста двенадцать, — голос невысокого франта оказался неожиданно глубоким, бархатистым, с легкой, почти снобистской растяжкой слов. — Просрочка три месяца. Имущество подлежит изъятию в пользу кредитора.

— Отвали! — истерично дернулся чешуйчатый, сильнее вдавливая ржавое лезвие мне в кожу. Я почувствовала, как по шее потекла тонкая горячая струйка. Больно. — Я сказал, убью ее!

Халфлинг чуть склонил голову набок. Его глаза — удивительно пронзительного стального цвета — скользнули по мне. И я что-то сочувствия не почувствовала в его взгляде, скорее наоборот, он как-то слишком уж безэмоционально просканировал территорию и меня вместе с ней.

— Никаких контрактов. Никаких родовых печатей. Никакой ауры, — медленно констатировал он, чуть приподняв бровь. — Не зарегистрирована в реестрах. Юридически, милейший, вы держите в заложниках пустоту. Очередная иномирянка.

Он сделал неспешный шаг вперед, изящно опираясь на трость.

— А значит, и статьи за убийство не будет. Можете резать.

У чешуйчатого отвисла челюсть, рука с заточкой предательски дрогнула.

Этого мига мне хватило. Опыт не пропьешь и не забудешь, даже если твоему телу снова двадцать. Я резко ударила каблуком чужой обуви, которую вчера стянула с чьего-то крыльца, точно по подъему его стопы, а острым локтем со всей силы двинула назад, метя в солнечное сплетение.

Существо сипло охнуло, хватка ослабла.

В ту же долю секунды халфлинг шагнул вперед. Движение было настолько быстрым и текучим, что воздух возмущенно свистнул. Трость взмыла вверх и с сухим, безжалостным хрустом опустилась прямо на коленную чашечку чешуйчатого. Тот взвыл, сгибаясь пополам, а серебряный набалдашник уже летел выше — короткий, выверенный удар под челюсть отбросил моего несостоявшегося убивца к стеллажам. Он рухнул на пол и затих в ворохе старого тряпья.

Халфлинг невозмутимо поправил белоснежные кружевные манжеты на запястьях. Достал из кармана жилета серебряный жетон и, брезгливо поморщившись, приложил ко лбу стонущего должника. Тот коротко вспыхнул синим светом, окончательно обмякая.

Лишь после этого стальные глаза снова остановились на мне.

— Ни печатей, ни ауры, ни инстинкта самосохранения, — повторяясь, произнес он, оглядывая меня с ног до головы, словно диковинную, но не слишком чистоплотную букашку.

— Кто вы такая, леди?

— Клиентка этого заведения, которую вы чуть не угробили своей непрофессиональной этикой, — я вздернула подбородок, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрожал от отката адреналина. Пальцы машинально прижали пульсирующую ранку на шее. — И я требую компенсацию за производственную травму.

Халфлинг издал короткий звук — не то смешок, не то вежливое покашливание.

— Компенсацию? От агентства по взысканию безнадежных долгов? — он изящно крутанул трость и оперся на нее обеими руками. Его тонкие губы изогнулись в саркастичной усмешке. — Леди, вы либо клинически безумны, либо у вас совершенно потрясающая деловая хватка.

Он подошел к стонущему чешуйчатому и присел рядом на корточки, стараясь не запачкать брюки о грязный пол.

— Долг есть долг, милейший.

Он достал из кармана сложенный лист плотной бумаги, приложил ко лбу существа и произнес короткую фразу на незнакомом, режущем слух языке. Бумага вспыхнула синим. Чешуйчатый выгнулся дугой, открыв рот в беззвучном крике. Я смотрела, как его серая чешуя тускнеет, покрываясь белесым налетом, а кожа на шее и вокруг глаз собирается в глубокие, сухие складки.

Халфлинг поднялся, спрятал погасший лист обратно в карман и повернулся ко мне.

— Семь лет жизни в счет непогашенной ссуды, — пояснил он тоном клерка, закрывшего квартальный отчет. — Раз уж из-за наших издержек вы лишились возможности заложить эти железки, агентство может предложить вам ужин. И чистую повязку на шею. Идемте.

На улице моего спутника ждал наемный экипаж. Мы молча загрузились в него и также молча поехали неизвестно куда. Мой спутник всю дорогу молчал, просто глядя в окно. Я же смотрела, как он постукивал пальцами по серебряному набалдашнику и гадала, повезло ли мне оказаться в ломбарде в тот момент, когда они влетели туда, или я попала в еще большую западню.

Агентство занимало небольшое здание в узком переулке. При входе, за широким столом, заваленным стопками папок, сидела орчиха. У нее была зеленоватая бугристая кожа, массивная нижняя челюсть с выступающими клыками и очки в тонкой проволочной оправе, съехавшие на самый кончик носа.

— Морти, что за спутница? — спросила она.

Халфлинг снял шляпу и слегка поклонился, демонстрируя явное уважение к хозяйке кабинета.

— Неучтенная, Хангри. Попала в заложники во время изъятия. Без ауры, без магии, в реестрах не числится. Из-за меня пострадала, так что я предложил ей ужин и медицинскую помощь.

— Сильное ранение? — судя по всему, Хангри не в пер-

вый раз сталкивалась с подобным.

— Царапина, — фыркнул он в ответ и указал мне на стул напротив Хангри. — Подожди здесь, я сейчас вернусь.

— Значит, иномирянка? — орчиха поправила очки и внимательно посмотрела на меня карими глазами.

— Да… наверное.

— Редкость, но не исключение из правил, — выдохнула Хангри. — Как зовут?

— Вика.

— Вика, — повторила она, словно смакуя мои имя на губах. — Сколько лет Вике?

— Шестьдесят, — честно сказала я и поджала губы.

— Запишем двадцать. Где проживаешь?

— Нигде, — снова пришлось говорить правду. — Несколько дней слонялась по лесу, пока не вышла на ваш город.

— В прошлой жизни…

— Кажется, я умерла от болезни.

— Тоже не исключение из правил. Сожалею, — в дверях появился Морти с баночками и чистыми тряпочками в руках.

— Значит так, Вика, — Хангри сняла очки и протерла глаза. — Чисто из женской солидарности в этом поганом мире могу тебе помочь, чтобы тебе не пришлось идти к мадам Кляйн за помощью.

— Мадам Кляйн это…? — с опаской спросила я.

— В дом утех, там таких красивых, как ты, с руками оторвут, — влез в разговор Морти и приложил тряпочку к моей шее.

— Так вот, могу предложить тебе подработку у нас в качестве помощницы одного не очень приятного типа, — Хангри покосилась на удивленного Морти. — В качестве компенсации за вредность — один процент от долга в денежном эквиваленте тебе, плюс кровать на чердаке.

Не золотые хоромы, конечно, но уже лучше, чем я могла ожидать.

— Спасибо огромное, — я была искренне благодарна за помощь. К мадам Кляйн что-то мне не хотелось идти. — Я готова приступить к работе прямо сейчас.

— Мортимер, позови Вейла.

Халфлинг вышел, а уже через минуту вернулся с высоким тифлингом. В комнатке сразу стало тесно. Он был высоким, с широкими плечами и темной кожей глубокого ежевичного оттенка. От висков назад уходили гладкие черные рога. Резкие скулы, прямой нос, темные волосы, собранные на затылке в небрежный узел.

Одет он был в просторную черную рубашку с закатанными рукавами и плотные рабочие брюки.

А если говорить в целом, то выглядел он достаточно уставшим.

— Это твой новый напарник, — Хангри указала на меня концом пера.

Вейл остановился у стола и посмотрел на меня, а затем перевел взгляд на орчиху и скривился.

— Я же говорил. Я не работаю с напарниками, Хангри.

Орчиха развела руками.

Я молча ждала приговора. Если он сейчас упрется, то подработка и чердак могут достаться кому-то другому, а мне придется возвращаться в лес к синим кислым ягодам.

— Я не буду мешать, — сказала я, глядя ему в лицо. — Я умею хорошо торговаться и считать.

— Мы не на рынке, – ответил Вейл, даже не повернув головы в мою сторону.

Хангри вытащила из кипы бумаг сложенный вдвое лист и протянула ему.

— Просто докажи мне, что вы справитесь.

Глава 2

Вейл взял сложенный лист двумя пальцами. Развернул, пробежался взглядом по строчкам и тяжело вздохнул, потирая переносицу.

— Лайвэн? Серьезно, Хангри? Я был у него на прошлой неделе. Остроухий снова ткнет меня носом в свой веник, и мы уйдем ни с чем. Выбивать из него долг силой — прямое нарушение контракта. Гильдия нас сожрет за неустойку.

— Вот и пусть твоя новая напарница посмотрит на дело свежим взглядом, — орчиха вернула очки на нос и придвинула к себе стопку папок. — Выполняйте.

Тифлинг посмотрел на меня. Без злости, но с раздражением. Он явно был не рад, что на него повесили стажера. Вейл вздохнул, молча развернулся и вышел из кабинета, а я поспешила за ним.

После нашего маленького переулка мы вынырнули на более широкую улицу. На город уже опускались сумерки, и рабочий люд вовсю спешил по домам. Вейл быстро и размашисто шагал, явно не делая скидку на мой маленький шаг, поэтому мне приходилось идти почти вприпрыжку, чтобы просто держаться рядом с ним.

— Далеко нам? — спросила я, слегка запыхавшись.

Он промолчал. Смотрел строго вперед, поверх голов прохожих, словно меня вообще не существовало.

— Я спросила, далеко ли нам идти? — повторила я чуть громче.

Тифлинг даже не повернул головы.

Я мысленно досчитала до трех. В прошлой жизни у меня были студенты, которые пытались притворяться глухими на экзаменах, и коллеги, которые игнорировали прямые вопросы на кафедральных собраниях. Этот прием на меня давно не работал.

Я резко остановилась.

Вейл прошел еще несколько шагов, прежде чем понял, что звук моих шагов стих. Он замер, медленно обернулся и посмотрел на меня с нескрываемым раздражением.

— Чего ты встала?

— Жду, когда ты вспомнишь, что у тебя есть рот не только для того, чтобы кривиться, — спокойно ответила я. — Я понимаю, что ты не в восторге от напарницы. Я тоже не планировала сегодня навязываться кому-то на шею. Но раз уж мы идем на дело, я должна знать, куда мы идем и с кем будем говорить.

Он сделал шаг ко мне.

— Мы идем к должнику. Ты стоишь в углу, молчишь и не путаешься у меня под ногами. Вот и весь твой функционал на сегодня. Понятно?

— Вполне, — я протянула раскрытую ладонь. — Дай посмотреть контракт.

— Нет.

— Почему?

— Потому что это юридический документ гильдии, — он отвернулся и снова зашагал по улице. — Ты в нем ничего не поймешь, а мне потом отвечать перед Хангри, если ты его порвешь или испачкаешь.

Я догнала его и снова пошла рядом.

— В прошлой жизни я половину своего времени тратила на то, чтобы читать тексты, в которых, по задумке составителей, никто не должен был разобраться. Дай мне этот лист.

Вейл остановился на перекрестке, пропуская громыхающую телегу. Он смерил меня тяжелым взглядом. Затем полез во внутренний карман куртки, достал сложенный вдвое лист плотной бумаги и всучил мне в руки.

— Только не порви. Это оригинал.

Я подошла к ближайшему газовому фонарю и развернула бумагу. Текст пестрел сносками, мелким шрифтом и витиеватыми формулировками. После долгих лет возни с учебными планами, методичками и бесконечными рабочими программами, местная бюрократия читалась почти как легкая беллетристика. Суть была простой.

Некий эльф по имени Лайвэн занял у агентства триста золотых. В качестве гарантии возврата средств он указал редкое растение — Лунную лозу. Пункт 4.2 гласил: «Взыскание долга в полном объеме вступает в силу не позднее третьего дня после начала цветения залогового имущества».

— Он утверждает, что лоза не цветет, — сказал Вейл, под-

ходя ближе и глядя на контракт через мое плечо. — И я не могу применить к нему магию взыскания. По бумагам время выплаты не наступило. Мы торчим у его дома и выпрашиваем эти деньги уже полгода.

— А она правда не цветет? — уточнила я, возвращая ему документ.

— Это куст из сухих палок. На нем даже листьев нет. Лайвэн каждый раз разводит руками и говорит, что природа не терпит суеты.

Мы свернули в более богатый квартал — фасады домов здесь уже украшала вычурная лепнина и они были сами по себе более помпезные, чем дома в том райончике, где находилось агентство. Вейл остановился перед кованой калиткой, за которой виднелся большой стеклянный купол оранжереи. Внутри горел приглушенный желтый свет.

Тифлинг толкнул калитку, и мы зашли внутрь теплицы. Влажный, спертый воздух сразу осел на коже.

В центре оранжереи, возле стола с керамическими горшками, стоял эльф. Высокий, с длинными светлыми волосами, перехваченными кожаной лентой. На нем был плотный рабочий фартук поверх хорошей рубашки. Он аккуратно подрезал листья небольшого деревца.

Заметив нас, эльф отложил ножницы и снисходительно улыбнулся.

— Господин Вейл. Вы зачастили.

— Лайвэн, — Вейл проигнорировал приветствие. — Я

пришел закрыть контракт.

Эльф вздохнул, вытер руки о тряпку и указал тонким пальцем в дальний угол теплицы. В большой медной кадке торчали переплетенные голые ветки. Растение действительно выглядело мертвым.

— Как видите, Лунная лоза еще не распустилась. Боюсь, вам снова придется подождать.

Вейл сжал челюсти так, что желваки перекатились под кожей. Рука в кармане брюк явно сжала жетон сборщика долгов.

Я посмотрела на эльфа, потом на голые ветки в медном тазу. А затем мой взгляд зацепился за массивную железную трубу, которая тянулась вдоль стены прямо за горшком с растением. Расстояние от трубы до кадки было не больше ладони.

— Скажите, господин Лайвэн, — я сделала шаг вперед, вставая перед тифлингом. — А какая температура в этой теплице поддерживается ночью?

Эльф удивленно приподнял светлую бровь, переводя взгляд с тифлинга на меня.

— А вы, простите, кто?

— Стажер, — бросил Вейл, сделав шаг и пытаясь задвинуть меня плечом себе за спину. — И она уже уходит…

— Оценщик залогового имущества, — перебила я, не сдвинувшись с места. — Так что с температурой, господин Лайвэн? Вы греете трубу круглые сутки?

Эльф снисходительно хмыкнул.

— В оранжерее поддерживается стабильный климат, необходимый для редких видов.

Я подошла к кадке. От железной трубы ощутимо несло жаром. Земля в горшке с лозой была абсолютно сухой, почти потрескавшейся.

— Стабильный климат, — кивнула я. — Только лунная лоза, судя по названию, завязана на ночные или прохладные циклы. Чтобы зацвести, ей нужен перепад температур, период отдыха. А вы поставили ее вплотную к печной трубе и, судя по состоянию грунта, пересушиваете. Вы намеренно держите растение в состоянии стресса, чтобы оно не распустилось.

Лайвэн перестал улыбаться. Он выпрямился, скрестив руки на груди.

— В контракте нет ни слова о том, где именно должен стоять горшок, леди. Я содержу его в теплице. Условия не нарушены. Ждите цветения.

Он снова повернулся к Вейлу, ожидая, что тифлинг сейчас привычно скрипнет зубами и уйдет с пустыми руками.

Но я не собиралась уходить. В моей прошлой жизни студенты точно так же пытались доказывать, что если в методичке не написано «не списывать из учебника», значит, что списывать не запрещено.

— Вейл, — я повернулась к напарнику. — Дай контракт еще раз.

Тифлинг молча смотрел на меня. Он не стал спорить, просто достал бумагу и протянул мне.

Я развернула лист, хотя и так прекрасно запомнила нужный абзац.

— Пункт первый, раздел об общих обязательствах, — я провела ногтем по строчке. — «Заемщик обязуется обеспечивать надлежащие условия хранения залогового имущества, не допуская его порчи, истощения или умышленного снижения стоимости».

Я сложила бумагу и посмотрела на эльфа.

— Искусственная блокировка биологического цикла растения с целью уклонения от выплаты долга — это умышленное истощение залога. Мы фиксируем прямое нарушение контракта.

Лайвэн побледнел.

— Вы не можете этого доказать! Это просто слова девчонки!

— Нам и не нужно доказывать это в суде, — вдруг подал голос Вейл. Он шагнул ко мне, встал рядом и посмотрел на эльфа сверху вниз. — Нам достаточно зафиксировать факт порчи.

Тифлинг достал из кармана серебряный жетон.

— Порча залогового имущества аннулирует отсрочку, Лайвэн. Долг переходит в статус немедленного взыскания. Триста золотых. Плюс пеня за полгода. Плюс штраф гильдии за мошенничество.

Эльф отшатнулся от кадки, словно она вдруг стала раскаленной. Весь его снобизм разом испарился.

— Подождите. У меня нет такой суммы прямо сейчас.

— Значит, будем изымать годами жизни, — ровным тоном ответил Вейл. — По текущему курсу это...

— Я заплачу! — эльф нервно замахал руками. — Триста золотых у меня есть. В сейфе. Но без пени! Вы не имеете права…

— Имеем, — я шагнула чуть в сторону, перекрывая ему путь к выходу. — Но, так и быть, пойдем вам навстречу. Триста золотых долга, пятьдесят за работу агентства по факту нарушения, и мы забираем лозу. Вернем, когда зацветет.

Эльф открыл рот, закрыл его, понял, что спорить бесполезно, и поплелся вглубь оранжереи за деньгами.

Вейл стоял молча. Он перевел взгляд с удаляющейся спины должника на меня и спрятал жетон в карман.

— Оценщик залогового имущества? — тихо спросил он.

— Первое, что пришло в голову, — честно ответила я.

Тифлинг подошел к кадке. Без особых усилий подхватил тяжеленный медный горшок одной рукой и прижал к боку.

— Идем, стажер. Пока он не передумал.

Глава 3

Мы вернулись в агентство, когда на улице уже совсем стемнело.

Вейл молча поставил тяжелую медную кадку с сухими ветками прямо на стол Хангри. Следом лег тугой мешочек с монетами.

Орчиха оторвалась от своих папок, сдвинула очки на кончик носа и перевела взгляд с горшка на золото, а затем на нас.

— Триста золотых. Плюс полтинник сверху за нарушение условий хранения залога, — отрапортовал тифлинг.

Хангри развязала мешочек, заглянула внутрь и довольно хмыкнула, затем откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди.

— Ну вот! А ты упирался, Вейл. Я как в воду глядела, что толк от вашего союза будет. Смотри, как добротно получилось. Полгода этот эльф нам мозги пудрил, а с Викой ты его за один вечер его расколол.

Вейл скривился, но спорить не стал.

— Завтра в восемь, — бросил он мне, направляясь к выходу. — Не опаздывай.

Когда за ним закрылась дверь, Хангри кивнула мне на узкую лестницу в углу кабинета.

— Твоя комната наверху. Завтра оформим тебе долю с

этого штрафа, а пока иди спи.

Чердак оказался крошечным и со скошенным потолком. Из мебели тут поместились только узкая кровать, поцарапанный стол и небольшой комод у окна. Никакого уюта, зато чисто.

На одеяле лежала стопка вещей: простая светлая рубашка, темные брюки и шерстяной кардиган. Женская солидарность в действии. Я стянула с себя украденное и грязное чужое платье, в котором скиталась по лесу, переоделась в чистое и легла на кровать.

Матрас скрипнул. Я закрыла глаза, по привычке ожидая тянущей боли в пояснице, которая всегда накрывала меня к вечеру в последние годы. Но спина не болела. Тело было послушным и пугающе здоровым. Я перевернулась на бок, подтянула колени к груди и уснула раньше, чем успела придумать план на завтрашний день.

Утром я спустилась вниз ровно без пяти восемь.

Вейл уже ждал. Он сидел на краю стола Хангри, перелистывая тонкую папку. Увидев меня в новой одежде, он лишь коротко кивнул и сразу протянул бумаги.

— Оперная певица, — сказал он, пока я открывала контракт. — Аделина Валери. Месяц назад перед большим туром она подхватила болотную лихорадку и сорвала голос. Гастроли срывались. Она пришла в гильдию Артефактов и взяла в долг голос сирены на тридцать дней.

Я пробежалась глазами по строчкам, автоматически про-

считывая в уме сроки:

— Тридцать дней истекли вчера.

— Именно. По контракту она должна была выпустить голос в специальный артефакт-накопитель в полночь. Но мадам Валери наотрез отказалась это делать.

— Почему?

— Ссылается на форс-мажор по здоровью, — Вейл раздраженно постучал пальцем по столешнице. — Утверждает, что ее собственные голосовые связки до сих пор не восстановились. Якобы, магия сирены срослась с ее физиологией. Если мы извлечем долг прямо сейчас, она навсегда останется немой. Прикрывается медицинской справкой от гильдии целителей. А по местным законам мы не имеем права изымать долг, если это приведет к необратимому увечью должника.

Я вчиталась в приложенную копию медицинской выписки. Складывалась знакомая картина. В университете у меня каждый семестр находились студенты, которые приносили совершенно легальные на вид справки о сотрясении мозга ровно за день до экзамена.

— То есть она просто купила бумажку у целителей, чтобы оставить чужой дар себе, — резюмировала я. — Значит, нам нужно доказать, что она симулирует, и ее настоящий голос в порядке. Или найти юридическую дыру в самой справке.

— Сирены поют так, что собирают полные залы, а Валери всегда была посредственностью, — Вейл забрал у меня папку. — Поехали в театр. Послушаем, как наша больная гото-

вится к утренней репетиции.

Мы тряслись в наемном экипаже, который вез нас в сторону театрального квартала. Дорога выдалась неровной, колеса то и дело попадали в выбоины на брусчатке, из-за чего меня слегка подкидывало на жестком сиденье.

Вейл сидел напротив. Он скрестил руки на груди, вытянул длинные ноги, заняв половину прохода, и молча смотрел в окно. В утреннем свете его темная кожа казалась немного бледнее, а тени под глазами выдавали хронический недосып.

— Ты всегда такой разговорчивый по утрам, или мне просто повезло? — зачем-то нарушила я тишину.

Тифлинг медленно перевел взгляд на меня.

— Я работаю с долгами. Обычно это ночные смены или рейды в такие места, где лучше вообще не открывать рот. Утро придумали исключительно для того, чтобы портить мне настроение.

— Понимаю, — кивнула я, поправляя воротник нового кардигана. — У меня в прошлой жизни половина коллег на кафедре тоже считала первую пару личным оскорблением.

Вейл нахмурился.

— Кафедре? Ты кем была до того, как свалилась нам на голову?

— Скажем так, я работала в месте, где люди тратили лучшие годы своей жизни на получение бумажек, которые им потом никогда не пригождались.

Он хмыкнул и отвернулся к окну.

— Звучит как гильдия лицензий.

Диалог иссяк, но молчание хотя бы больше не казалось таким тяжелым. Я смотрела на его профиль и думала о том, что для двадцатилетней девчонки, которой я сейчас выглядела, этот рогатый мужчина должен был казаться опасным, загадочным и до дрожи привлекательным.

Но с высоты своих шестидесяти лет я видела перед собой просто очень уставшего, вымотанного человека, который привык тащить все проблемы на себе. И это вызывало у меня куда больше симпатии, чем любая загадочность, мускулы и красивое лицо.

Экипаж остановился у служебного входа в Театр оперы.

Внутри царил контролируемый хаос. Мимо нас проносили декорации, кто-то ругался из-за освещения, рабочие громко перекрикивались, устанавливая подъемные механизмы. Вейл уверенно лавировал в этой толпе, я старалась не отставать, чтобы не получить по голове какой-нибудь деревянной колонной.

Мы нашли нужную гримерку в конце длинного коридора. Дверь была приоткрыта.

Внутри перед огромным зеркалом сидела Аделина Валери — бледная, эффектная блондинка в шелковом халате. Рядом с ней, нервно теребя цепочку часов, стоял невысокий полноватый мужчина с залысинами.

Вейл толкнул дверь и вошел без стука.

— Господин Лерой, — поприветствовал он мужчину. —

Мадам Валери. Время вышло. Я пришел за голосом сирены.

Директор театра даже не вздрогнул. Он шагнул вперед, загораживая свою приму, и достал из внутреннего кармана пиджака плотный конверт.

— Господин Вейл, мы уже обсуждали это с вашим агентством. И я утром лично отправил официальное уведомление. Мадам Валери не может вернуть артефакт.

Лерой протянул конверт. Вейл с тихим цыканьем взял бумагу с тяжелой бордовой печатью Гильдии Целителей. Я видела, как весь он напрягается по мере того, как читает представленный текст.

— Это липа, — угрожающим тоном сказал тифлинг. — Вы купили ее у мастера Трента. Он торгует такими бумажками уже пятый год. Кого вы пытаетесь надурить?

— Я проигнорирую это оскорбление, — Лерой снисходительно улыбнулся. — Документ подлинный. Печать настоящая. В нем черным по белому написано: «Необратимое срастание магии артефакта с физиологией носителя. Изъятие приведет к полной немоте». Вы же знаете закон гильдий, Вейл. Вы не имеете права калечить должника.

Мадам Валери картинно прижала ладонь к горлу и издала тихий жалобный вздох, демонстрируя свою хрупкость. И совершенное нежелание расплачиваться по долгам.

Вейл стоял неподвижно. Закон действительно связывал ему руки. Бумага была официальной — чтобы ее оспорить, агентству пришлось бы инициировать независимую комис-

сию, которая, вероятно, заседала бы месяцами, как любая другая комиссия в моем мире. А гастроли начинались послезавтра.

Что ж, видимо, пора брать все в свои руки. Я кашлянула и выглянула из-за широкой спины тифлинга.

— Позвольте взглянуть, — и аккуратно вытянула справку из пальцев Вейла.

Лерой недовольно скривился:

— А это кто такая?

— Аудитор по магическим рискам, — не моргнув и глазом, ответила я.

А затем внимательно вчиталась в красивый каллиграфический почерк целителя. Формулировки были выверены идеально. Придраться не к чему.

— Какая трагедия, — я покачала головой, придавая лицу максимально сочувствующее выражение. — Мадам Валери, примите мои искренние соболезнования. Необратимое срастание... это же кошмар.

Певица трагично прикрыла глаза. Лерой победно ухмыльнулся, глядя на хмурого и притихшего Вейла.

— Вейл, — я повернулась к напарнику и заговорила деловым, но громким шепотом, который был отлично слышен всем в этой душной комнате. — Согласно межведомственному регламенту, пункт о неконтролируемых магических мутациях… Мы обязаны запустить протокол прямо сейчас.

Вейл нахмурился, явно не понимая, о чем я говорю, но,

благо, у него хватило ума просто промолчать.

Я снова повернулась к директору.

— Господин Лерой, как сотрудники лицензированного агентства, столкнувшись с фактом необратимой магической мутации, мы обязаны немедленно передать этот документ в Санитарный Магический Надзор.

Улыбка сползла с лица директора.

— Какой еще надзор?

— Карантинный, — я сочувственно вздохнула. — Ваша прима стала носителем нестабильной магии сирен. Это угроза массового гипноза. Театр будет закрыт и опечатан сегодня к обеду. Все спектакли отменены. В здании проведут полную магическую зачистку, а это займет месяцев шесть.

— Что за бред вы несете?! — голос Лероя сорвался на визг. — Какая зачистка?! У нас гастроли! Билеты проданы!

— Закон есть закон, — я развела руками. — А мадам Валери придется отправиться в изолятор Гильдии Целителей. Там условия суровые, полная изоляция на год, зато, может быть, найдут лекарство. Вейл, оформляй протокол угрозы первой степени. Я побегу за инспекторами.

Я сделала шаг к двери.

— Стойте! — истерично крикнула Аделина, вскакивая с кресла. Ее голос прозвучал удивительно звонко и мощно. Никакой хрипоты или слабости. — Никакого изолятора! Жак, сделай что-нибудь!

Лерой вытер выступившую на лбу испарину. Схема руши-

лась на глазах. Одно дело — обмануть контору по взысканию долгов, и совсем другое — получить полугодовой простой театра и потерю всех денег с гастролей из-за своей же бумажки.

— Знаете... — директор засуетился. — Мастер Трент говорил... Он упоминал, что есть крошечный шанс на отторжение. Чудесное исцеление. Возможно, связки мадам Валери как раз сегодня утром пришли в норму.

Я остановилась и посмотрела на них с вежливым ожиданием.

— Какое счастье, — Вейл наконец понял правила игры, достал из кармана небольшой стеклянный цилиндр, перехваченный серебряными кольцами, и протянул его певице. — Откройте накопитель, мадам Валери. И спойте в него ноту «ля». Прямо сейчас.

Аделина с ненавистью посмотрела на нас, подошла к тифлингу, выхватила цилиндр и поднесла к губам. Она взяла чистую вибрирующую ноту. Стеклянная колба вспыхнула изнутри ярким синим светом, который начал закручиваться спиралью.

Через пару секунд свет погас, оставив внутри стекла плотное переливающееся облако. Аделина откашлялась. Теперь ее собственный голос звучал вполне обычно — приятно, но уже без той магической и пробирающей до мурашек глубины.

Вейл забрал артефакт, спрятал его в карман куртки и мол-

ча указал мне на дверь.

Мы вышли из театра на утреннюю улицу. Солнце уже поднялось выше, согревая мостовую.

Вейл шел быстро и размашисто, снова забыв про то, что длина моих ног существенно уступала его собственным. Я почти бежала следом, прокручивая в голове прошедший разговор.

Вдруг он остановился настолько резко, что я не успела затормозить и на полном ходу влетела ему в спину.

Вейл развернулся, руками инстинктивно хватая меня за плечи, чтобы я не упала. В этот момент мы оказались слишком близко друг к другу.

Я подняла голову, щурясь от яркого утреннего света. Глаза цвета расплавленного золота напротив казались еще ярче. Вейл смотрел на меня сверху вниз, на долю секунды его взгляд перестал быть взглядом уставшего коллектора. Он скользнул по моему лицу, задержался на губах, а потом спустился к тонкой повязке на шее.

Я почувствовала, как дрогнули его пальцы, сжимающие мои плечи. А в следующую секунду он отдернул руки, словно обжегся, отступил на шаг и его лицо исказила гримаса глухого раздражения.

— Санитарный Магический Надзор? — его голос звучал низко и зло. — Какого демона это было?

— Решение проблемы, — я спокойно поправила воротник, игнорируя то, как предательски быстро забилось мое

новое двадцатилетнее сердце от этой мимолетной близости.
— Справка была настоящей. Мы бы не забрали голос иначе.

— Ты хоть понимаешь, что если бы Лерой знал устав гильдий лучше, он бы вызвал стражу? Шантаж государственными проверками — это статья. Ты поставила под удар агентство.

— Он не знал устав, — я смотрела ему прямо в глаза. В принципе, я тоже его не знала. — Такие, как он, знают только расписание своих гастролей и смету доходов. Сделаем вид, что я просчитала все риски.

Вейл сжал челюсти. Желваки снова заходили под темной кожей. Он злился. Злился на то, что я нарушила субординацию, на то, что я оказалась права, и, судя по тому, как он избегал смотреть мне ниже уровня глаз — злился на себя самого.

— Ты работаешь не одна. Если ты планируешь блефовать, ты предупреждаешь меня, ясно?

— Мигнуть тебе два раза левым глазом? В следующий раз так и сделаю.

Тифлинг тяжело выдохнул, запустил руку в волосы, немного растрепав собранный на затылке узел, и посмотрел куда-то поверх моей головы в сторону театра.

— Хангри теперь точно оставит тебя в отделе, — измученно произнес он. И прозвучало это так, словно ему только что сообщили о неизлечимом заболевании.

— Придется терпеть.

— Я не нянька, Вика. И я не собираюсь вытаскивать тебя из тюрьмы, когда твой очередной гениальный план даст осечку.

Вейл круто развернулся на пятках и зашагал по улице, всем своим видом показывая, что разговор окончен. Да, работать с ним будет сложнее, чем с самым упрямым деканом в моей прошлой жизни… Но, по крайней мере, теперь я точно знала: он не считает меня пустым местом.

Глава 4

Утро началось с того, что на мой новый рабочий стол — точнее, небольшую приставную тумбу рядом с залежами папок Хангри — легла серая картонная папка.

Вейл придвинул стул, сел напротив и коротко кивнул на документы.

— Изучай.

Я открыла папку, внутри которой лежал стандартный договор займа на внушительную сумму — полторы тысячи золотых. Кредитором выступал некий лорд Дейн, а заемщиком — владелица заведения под названием «Дом орхидей», мадам Кляйн. Я привычно пробежалась по срокам выплат, процентным ставкам и дошла до раздела об обеспечении долга.

«В случае невыплаты долга в указанный срок, залоговое имущество — девица по имени Элисанди, девятнадцати лет, светловолосая, без магического дара, принадлежащая Дому орхидей на правах контракта пожизненного найма, — переходит в полную собственность кредитора».

Я перечитала этот абзац. Потом еще раз.

Вейл сидел напротив, откинувшись на спинку стула, и методично протирал куском мягкой ткани свой серебряный жетон.

— Я правильно понимаю, что в качестве залога здесь указан человек?

— Мы едем забирать залог, — не поднимая головы, ответил тифлинг. — Сроки вышли вчера в полночь.

— Залог… То есть живую девушку? Которую одна сутенерша отдала в обеспечение долга какому-то лорду, а мы теперь должны поработать курьерами и доставить товар из точки А в точку Б?

Вейл убрал жетон во внутренний карман и посмотрел на меня. В его взгляде читалась обычная профессиональная усталость без грамма сочувствия.

— Мы работаем в агентстве по взысканию безнадежных долгов, Вика. Если в контракте указано имущество и на нем стоит печать должника, то мы его изымаем.

— Это рабство!

— Это местная юриспруденция, — отрезал он. — Контракт пожизненного найма в домах утех абсолютно легален. Мадам Кляйн оценила эту девушку в полторы тысячи золотых. Лорд Дейн согласился на условия. Сделка заверена гильдией.

Я захлопнула папку. В прошлой жизни я видела много несправедливости и знала, как ломают судьбы из-за одной подписи, как вышвыривают на улицу, как пользуются чужой слабостью. Я сама пережила предательство, когда стала неудобной и больной. Но вот так, официально, с печатями, передавать живую женщину из одних рук в другие... Мое новое тело буквально потряхивало от злости.

— И тебя это вообще не смущает? — я сжала картонную

обложку в руках. — Тебе плевать, что этот лорд сделает с ней, когда мы притащим ее к нему в особняк?

Вейл подался вперед, опираясь локтями о поверхность тумбы:

— Мне плевать на все, что выходит за рамки контракта. И тебе советую научиться тому же. Если ты начнешь жалеть каждого должника или залог в этом городе, Хангри выставит тебя за дверь к концу недели. Берешь папку, идешь за мной, молчишь и оформляешь акт передачи. Все.

Он поднялся со стула и направился к выходу. Я несколько секунд смотрела ему в спину, борясь с желанием швырнуть эту папку прямо в него. Затем глубоко вдохнула. Эмоции здесь не помогут, мне нужно увидеть все своими глазами.

В экипаже мы ехали молча. Я смотрела в окно на проплывающие мимо улицы, прокручивая в голове условия контракта.

«Дом орхидей» находился в престижном районе. Фасад здания ничем не выдавал специфики заведения — просто дорогой, ухоженный особняк. Внутри царила тишина, нарушаемая лишь тихим тиканьем внушительных напольных часов. Нас встретила сама мадам Кляйн — женщина в строгом темном платье и гладко зачесанными волосами. На ней не было ни перьев, ни глубоких декольте. Она выглядела как управляющая банком.

— Сроки вышли, мадам, — сказал Вейл, протягивая ей

копию договора. — Мы пришли за залогом.

Мадам Кляйн даже не взглянула на бумагу. Она сложила руки на животе и снисходительно улыбнулась.

— Боюсь, господин Вейл, забрать Элисанди вы не можете. Условия контракта изменились.

Вейл нахмурился.

— Подпись ваша. Печать гильдии на месте. Изменений не зафиксировано.

— Все верно, — кивнула хозяйка. — Только в контракте четко прописаны параметры залога. Девица девятнадцати лет, оцененная в полторы тысячи золотых. Но ровно в полночь Элисанди исполнилось двадцать. По официальным тарифам моего заведения с возрастом ее стоимость упала. Теперь она стоит тысячу двести. Залог больше не покрывает сумму долга лорда Дейна.

Я удивленно приподняла брови. Эта женщина нашла идеальную юридическую лазейку. Она приравняла живого человека к скоропортящемуся товару, чтобы сорвать сделку?!

— Но я не отказываюсь платить по счетам, — мадам Кляйн сделала легкий приглашающий жест рукой. — У меня есть другая воспитанница. Лия. Ей девятнадцать, она в прекрасной форме, не имеет изъянов и стоит ровно полторы тысячи. Забирайте ее, передавайте лорду — и мы в расчете.

Вейл шумно выдохнул сквозь зубы. Юридически Кляйн была абсолютно права. Залог обесценился, математика не сходилась. Агентство не имело права изымать имущество,

если его заявленная стоимость больше не соответствовала размеру долга, без прямого распоряжения кредитора.

— Мы не можем забрать другую девицу без согласия лорда Дейна, — сухо сказал тифлинг, забирая копию договора. — Никого никуда не отправляйте. Мы скоро вернемся.

Вейл не стал дожидаться ответа от мадам Кляйн и направился к выходу. Я в очередной раз тяжело вздохнула и поспешила за ним.

Особняк лорда Дейна находился в нескольких кварталах от «Дома орхидей». Слуги провели нас в просторный и богато обставленный кабинет на втором этаже.

Лорд оказался молодым и болезненно бледным мужчиной с идеально прямой спиной. Он выслушал рапорт Вейла, стоя у окна и глядя на улицу.

— Я не приму замену, — его голос звучал глухо и напряженно. — Мне нужна Элисанди.

— Милорд, — Вейл говорил с подчеркнутым спокойствием, хотя я прекрасно понимала, что спокойствия в нем ни на грамм. — Залог потерял в цене. Если вы хотите изъять именно эту девушку, вам придется официально оформить списание трехсот золотых как убыток по контракту. Либо вы забираете ту, что предложила мадам Кляйн, и мы закрываем ваш долг в ноль.

— Мне не нужна другая. Я сказал — Элисанди.

Я смотрела на этого аристократа. Богатый, избалованный сноб, которому принципиально получить конкретную

игрушку. Меня снова накрыла волна раздражения. В прошлой жизни я видела достаточно людей, наделенных властью и деньгами, которым было плевать на окружающих, лишь бы удовлетворить свой каприз. Для них люди были просто строчками в смете.

— А какая вам разница, милорд? — громко спросила я, сделав шаг вперед.

Вейл резко повернул голову, бросив на меня уничтожающий взгляд, но я не остановилась.

— Вам предложили аналогичный товар. За те же деньги. Не все ли равно, какую именно рабыню покупать, если по бумагам у вас все сходится идеально?

Лорд Дейн медленно повернулся ко мне. Я ожидала надменного взгляда, холодного презрения или приказа вышвырнуть меня вон за дерзость. Но вместо этого я увидела, как на его бледных скулах проступает румянец. Он покраснел до самых корней волос.

Дейн открыл рот, чтобы что-то сказать, но не произнес ни звука. Он просто стоял, судорожно сжимая край бархатной портьеры так, что у него побелели костяшки пальцев, и смотрел на меня загнанным взглядом. Никакого высокомерия в нем не осталось.

— Я сказал Элисанди. И точка, — лорд Дейн наконец справился с дыханием, хотя красные пятна на его шее так и не прошли. — Три сотни разницы пусть Кляйн вернет монетами. Сегодня же.

Вейл коротко кивнул. Этот вариант его полностью устраивал, потому что юридически не оставлял мадам Кляйн никакого пространства для маневра.

— Оформлю дополнение к акту, милорд.

Мы покинули особняк. Всю дорогу обратно к «Дому орхидей» Вейл молчал, но я чувствовала исходящую от него ауру напряжения. Он явно готовился высказать мне все, что думает о моей субординации, как только мы окажемся в конторе.

В борделе нас встретила та же идеальная тишина и легкий аромат сладких духов. Пока тифлинг доставал из папки бланки, чтобы вписать новые условия, мадам Кляйн подошла ко мне.

Она окинула меня очень внимательным и профессиональным взглядом — от самой макушки до мысков туфель.

— Хорошая осанка. И взгляд не пустой, — задумчиво произнесла она. — Не хочешь бросить эту нищую работу на побегушках? У меня всегда есть места для умных девочек. Платят здесь золотом, а не медяками из гильдейской кассы.

Я обвела взглядом просторный холл. В дверях соседней комнаты тихо переговаривались две девушки, облаченные в платья из дорогого струящегося шелка. Ухоженные волосы, здоровая кожа, никаких синяков или следов истощения из-за изнурительной работенки. Мадам Кляйн и правда пеклась о здоровье и комфорте своих подопечных. В конце концов, это был ее капитал. Золотая клетка с хорошим питанием и

шелковыми простынями. Но замок на этой клетке от этого не переставал быть настоящим.

— Я предпочитаю сама решать, когда мне увольняться, мадам.

Вейл бесцеремонно появился между нами, прерывая этот странный диалог:

— Лорд Дейн согласен только на Элисанди. Остаток долга в триста золотых вы обязаны выплатить монетами. Срок — прямо сейчас.

Лицо женщины пошло красными пятнами. Она сжала кулаки с такой силой, что хрустнули суставы.

— Чертов ублюдок! — выругалась она, забыв про манеры светской леди. — Он провел меня вокруг пальца!

Она резко обернулась к лестнице и крикнула кому-то наверху:

— Подготовьте Элисанди! И скажите казначею, чтобы выдал вексель на триста золотых!

Через пару минут на ступенях показалась юная и хрупкая блондинка с огромными голубыми глазами. Она остановилась на середине лестницы, сжимая в руках перила. Услышав от одной из товарок, стоявших рядом, что ее выкупили, девушка сильно побледнела. Ее губы задрожали, а по щекам покатились слезы. Она стояла и беззвучно плакала, не в силах сделать ни шага вниз.

Две другие девушки тут же подхватили ее под руки, что-то успокаивающе зашептали и увели наверх — собирать вещи.

Я смотрела им вслед, чувствуя, как внутри закипает ярость.

— Пройдемте в кабинет, Вейл. Подпишем бумаги, — мадам Кляйн изящно махнула рукой в нужную сторону.

Тифлинг кивнул и, перед тем как отправиться в офис хозяйки, предупредил меня с хитрым прищуром:

— Стой здесь. И постарайся больше никуда не влезать.

А потом скрылся за дверью кабинета, оставив меня одну в пустом холле.

Глава 5

Я осталась стоять у подножия лестницы. С верхнего этажа доносились приглушенные всхлипы Элисанди и взволнованные голоса других девушек, которые помогали ей собираться.

Да уж, не позавидуешь девчонке…

Я не успела погрузиться в свои безрадостные мысли, как со стороны главного входа раздались тяжелые шаги. Обернувшись, я увидела мужчину в богато расшитом бархатном камзоле. На его пальцах блестели перстни с крупными камнями. Он небрежно швырнул плащ подоспевшему слуге — и тогда его взгляд почти сразу остановился на мне.

На его лице появилась самоуверенная улыбка, он неспешно подошел ближе, явно привыкший с легкостью получать все, на что упадет взгляд.

— Какая необычная находка, — с усмешкой произнес он таким тоном, что у меня по коже пробежали нехорошие мурашки. — Мадам Кляйн прятала такую красоту? Удивительная осанка. И этот строгий взгляд... Ты здесь первый день?

Я промолчала, глядя на него с тем же холодным равнодушием, с которым в прошлой жизни смотрела на зарвавшихся чиновников из проверяющих комиссий. Обычно моего молчания хватало, чтобы люди понимали, что разговор окончен.

Но этот лорд расценил тишину по-своему — полез во

внутренний карман камзола, чтобы потом заявить:

— Сто золотых за ночь.

За моей спиной кто-то громко ахнул. Я скосила глаза и увидела двух девушек, которые стояли в дверях соседней гостиной. Они смотрели на мужчину абсолютно круглыми от шока глазами.

Сто золотых?

Даже с моим скудным знанием местных цен я понимала, что это целое состояние. На эти деньги можно было снять хороший дом и вкусно питаться несколько месяцев кряду.

— Вы ошиблись, — мне пришлось осадить этого наглеца. — Я здесь не работаю.

Я сделала шаг в сторону, чтобы обойти его, но он преградил мне путь своей внушительной фигурой.

— Мне нравится эта игра, — он рассмеялся. — Мадам Кляйн отлично вас дрессирует. Люблю, когда девка знает себе цену, но не советую переигрывать. Я сказал, что покупаю тебя.

— Я из гильдейского агентства по взысканию долгов, — пришлось смотреть ему прямо в глаза, чтобы он точно понял — я не такая и жду трамвая по имени Вейл. — Отойдите с дороги.

Самодовольная улыбка сползла с его лица, а взгляд как-то недобро пробежался по моему телу, задерживаясь на бедрах и груди. Ему явно не понравилось, что какая-то местная содержанка, с которой он меня явно перепутал, смеет ему от-

казывать.

— Хватит ломаться, — он резко схватил меня за запястье. — Пошли наверх.

Он грубо и с силой дернул меня на себя. Я едва не упала, потеряв равновесие. Мое новое тело было здоровым и молодым, но против массы взрослого и разъяренного мужчины у меня не было ни единого шанса.

Я уперлась ногами в пол и попыталась выдернуть руку, но он только крепче сжал пальцы, перехватил меня за талию и потащил к лестнице. Ситуация складывалась не в мою пользу…

— Пустите! — я ударила его свободным кулаком по плечу, но с тем же успехом можно было бить кирпичную стену.

— Тихо, дрянь, — он навалился на меня своим весом, придавливая к резным деревянным перилам. И зашипел в лицо: — За эти деньги ты будешь делать все, что я скажу.

Мужчина не стал тратить время на препирательства в холле — просто втолкнул меня в приоткрытую дверь соседней комнаты. Я не удержалась на ногах, споткнулась о край ковра и с размаху рухнула на широкую кровать.

Он захлопнул дверь ногой и шагнул ко мне, на ходу торопливо расстегивая пуговицы своих брюк.

— Мне нравится, что ты играешь в неприступность, — на его губах расползлась мерзкая предвкушающая улыбка. — Это добавляет азарта.

Я перекатилась на спину и подтянула колени к груди, рас-

считывая траекторию для удара в пах. Поддаваться панике я не собиралась, рассчитывая на свой гнев и упорство. Слезы и мольбы только раззадорят того, кто привык к безнаказанности.

— Если вы сейчас же прекратите, — мой голос прозвучал без единой истеричной ноты, хотя стены местного борделя наверняка привыкли к другим звукам. — Я спущу это на тормозах. И вы уйдете отсюда на своих ногах.

Лорд хрипло усмехнулся:

— Отпустить такую красотку? Я что, похож на психа?

Он резко подался вперед, наваливаясь на меня всем своим тяжелым телом и придавливая ноги к матрасу. Одной рукой попытался перехватить мои запястья, а второй потянулся к вороту рубашки.

Я кое-как смогла вывернуть ладонь и нащупала на прикроватной тумбочке тяжелый бронзовый канделябр. Пальцы крепко обхватили металлическую ножку. Я замахнулась, целясь тяжелым основанием прямо ему в висок…

Но ударить не успела — дверь комнаты распахнулась с таким грохотом, что с потолка посыпалась штукатурка.

Какая-то сила буквально оторвала мужчину от меня. Лорд сдавленно пискнул, пролетел несколько метров по воздуху через всю комнату и с тошнотворным хрустом впечатался спиной в противоположную стену.

Этого Вейлу показалось недостаточно: он подошел к сползающему по стене мужчине, схватил его за грудки и одним

рывком вздернул на ноги, впечатывая обратно в обои.

Я думала, что он сейчас начнет на него кричать или хотя бы объяснять, что так себя вести с незнакомыми дамами ну никак нельзя, но Вейл молча сомкнул пальцы на чужом горле. Мужчина захрипел, судорожно цепляясь за руки, что его душили. Холеное лицо начало стремительно багроветь от нехватки кислорода.

Я кое-как пришла в себя и медленно села на кровати. Только сейчас меня накрыло осознанием: если бы не мой вовремя подоспевший коллега, то я бы оказалась в весьма недвусмысленном положении… Сердце сделало тревожный кульбит в груди. Я поставила тяжелый канделябр обратно на тумбочку с глухим стуком, который в тишине прозвучал на удивление громко. Поправила мятый воротник рубашки и позвала:

— Вейл, хватит.

Но он не отреагировал, продолжая с гневом смотреть на покрасневшее лицо клиента мадам Кляйн так, словно прикидывал, сколько еще секунд понадобится, чтобы сломать ему шею или окончательно придушить. Желваки ходили ходуном под темной кожей.

— Вейл, отпусти его, — мне стало немного жутко от вида тифлинга, но я не могла позволить себе накалять обстановку. — Он того не стоит, а нам еще нужно забрать залог.

Тифлинг словно пришел в себя и нехотя разжал пальцы. Мужчина рухнул на пол, жадно хватая ртом воздух и держась

за горло. Вейл повернулся ко мне.

Я ждала, что он спросит, в порядке ли я. Или, наоборот, начнет отчитывать за то, что я спровоцировала конфликт, как сделал бы любой типичный начальник. Но вместо этого его взгляд скользнул по моему лицу, расстегнутой верхней пуговице и бронзовому канделябру на тумбочке. В его глазах бушевало что-то темное и тяжелое, с чем он сам явно не мог справиться. А потом сжал челюсти так плотно, что я, ей богу, испугалась за его зубы.

Мы вышли в холл, где нас уже ждала Элисанди, сжимая свой жалкий узелок, и мадам Кляйн с недовольно изогнутыми губами.

Вейл все так же молча забрал со столика подписанные бумаги, сунул их во внутренний карман и вышел на улицу, даже не оглянувшись. Нам с девушкой пришлось поспешить за ним.

В наемном экипаже мы ехали в абсолютной тишине.

Элисанди забилась в самый дальний угол сиденья и старательно прятала заплаканное лицо в воротник плаща. Я же устроилась рядом с ней.

Вейл расположился напротив. Всю дорогу он смотрел исключительно в окно. Я физически чувствовала исходящее от него напряжение.

Он злился на этого ублюдка из спальни, злился на мадам Кляйн, злился на грязные правила этого мира. Но больше всего, судя по тому, как старательно он избегал смотреть в

мою сторону, он бесился из-за самого себя. Что потерял контроль и почему именно это произошло. Мужчина, который привык быть отстраненным и решать любые проблемы ссылками на пункты договора, только что чуть не убил человека голыми руками.

Я не стала лезть к нему с разговорами. Пусть переваривает. В прошлой жизни я давно усвоила правило: если мужчина не знает, как справиться с собственными эмоциями, лучше дать ему время посидеть в углу и подышать.

Экипаж свернул на нужную улицу и затормозил у особняка лорда Дейна.

Я спустилась на брусчатку, а следом, мелко дрожа, выбралась Элисанди. Мне было ее искренне жаль: она цеплялась за свой узелок, как утопающий за последнюю соломинку, и упорно не поднимала головы, опасаясь встречи со своим новым хозяином.

Мы еще даже не подошли к дому, как на улицу выскочил лорд Дейн, напрочь забыв про свою аристократическую сдержанность и манеры. Он замер на верхней ступеньке, жадно всматриваясь в фигуру девушки.

Элисанди вздрогнула от звука шагов и наконец подняла глаза.

Но вместо того, чтобы зарыдать в голос или броситься наутек, она удивленно хлопнула ресницами. На бледном лице отразилось абсолютное недоумение. Тоненькие пальцы задрожали и выронили тряпичный узелок.

— Ты... — только и смогла выдохнуть она.

Дейн сбежал по ступеням, полностью игнорируя нас с Вейлом, и буквально сгреб девушку в охапку, прижимая ее к своей груди.

— Я же обещал, — услышала я его глухой шепот. — Обещал, что вытащу тебя оттуда.

Элисанди уткнулась носом в его плечо и разрыдалась в голос, цепляясь пальцами за ткань дорогой рубашки.

Я стояла в стороне и удивленно смотрела на эту парочку. Дейн не был самодуром, покупающим себе живую игрушку. А слезы Элисанди в борделе были вызваны тем, что мадам Кляйн, мстя за сорванный контракт, намеренно не сказала ей, *кто*именно ее выкупил, позволив девушке думать о самом страшном. По сути — это был единственный способ спасти любимую женщину из места, откуда по доброй воле не отпускают. А не то, что я представляла в своей голове.

Вейл терпеливо дождался, пока лорд Дейн чуть отстранится от девушки, и протянул ему документ:

— Распишитесь в получении залога.

Дейн, не глядя, черкнул пером по бумаге. Он смотрел только на Элисанди, бережно стирая слезы с ее щек. Снова и снова тянулся к ней, словно боялся отпустить даже на одно мгновение.

— Спасибо, — тихо сказал нам лорд и, обняв девушку за плечи, осторожно повел в свой дом.

Двери особняка закрылись, а мы, невольные свидете-

ли этого трогательного воссоединения влюбленных сердец, остались вдвоем на улице. Поднявшийся ветер бросил пару листиков нам под ноги.

Вейл аккуратно убрал подписанную бумагу и наконец обратил на меня внимание. В его глазах больше не было той пугающей чертовщины, что буйствовала в спальне мадам Кляйн, но глухая стена между нами, казалось, стала еще толще.

— Контракт закрыт. Возвращаемся в контору.

Нанимать обратный экипаж он не стал — просто отправился вниз по улице. А мне в очередной раз пришлось едва ли не бежать следом.

Глава 6

Остаток пути мы прошли в напряженном молчании, думая каждый о своем. Вейл, как обычно, шагал впереди и не оглядывался, а я больше не пыталась его догнать.

Едва мы переступили порог агентства, как я сразу направилась к узкой лестнице в углу.

На своем крошечном чердаке я стянула кардиган и подошла к тазу с водой. Руки слегка дрожали. Я ополоснула лицо ледяной водой, смывая с себя липкое ощущение чужих грубых пальцев и запах тяжелых духов борделя. На запястьях уже наливались сизым два четких отпечатка от хватки того «покупателя». Я растерла их полотенцем, сделала несколько глубоких вдохов, успокаивая пульс, и застегнула рубашку под самое горло.

Пора возвращаться к работе. Эмоции эмоциями, но контракт сам себя в архив не подошьет.

Я начала спускаться по лестнице, когда снизу, из кабинета, раздался грохот. Кто-то со всей силы ударил кулаком по столу.

— Этого мало, Хангри! Мало! — я узнала недовольный голос Вейла и замерла на середине пролета, скрытая тенью от косого потолка.

— Я знаю, что мало, — устало отозвалась орчиха. — Но это хоть что-то. Триста золотых от Лайвэна и остаток от Дей-

на. Мы закроем текущие пени.

— Пени не спасут нас от поглощения! — тифлинг мерил шагами небольшое пространство кабинета, из-за чего половицы скрипели под его тяжелыми ботинками. — Гильдия Казначейства прислала последнее уведомление. Если мы не выплатим налоги и не закроем квоту до конца месяца, они аннулируют нашу лицензию и заберут здание за долги!

— Мортимер сегодня вернулся ни с чем. Его должник сбежал за пределы города… А Эвелина до сих пор не вернулась из командировки в северные провинции. Связи с ней нет. Мы с тобой остались вдвоем на весь городской реестр, Вейл. Мы и так работаем на износ.

— Значит, нужно работать в два раза усерднее! — упрямо возразил тифлинг. — Времени почти не осталось. Неделя, Хангри. Всего одна неделя, прежде чем сюда придут судебные приставы!

В повисшей паузе было слышно, как шуршат бумаги — видимо, орчиха перебирала папки на столе.

— Если нам так нужны большие деньги прямо сейчас... — медленно начала она. — Вейл, у нас есть один крупный контракт. Он перекроет всю квоту разом. Мы могли бы попробовать взыскать долг у Золотого Дракона.

— Нет! — рявкнул тифлинг так резко, что я вздрогнула.

— Вейл, это почти пять тысяч золотых...

— Я сказал — нет, Хангри! — он снова ударил по столу. — Этот ящер будет юлить, изворачиваться и сыпать юриди-

ческими формулировками! У него штат адвокатов больше, чем весь наш реестр. Мы просто потеряем на него время, которого у нас и так нет! Это самоубийство!

— Самоубийство — это сидеть и ждать, пока Казначейство вышвырнет нас на улицу! — впервые повысила голос орчиха.

— Я найду другие заказы. Выбью долги из мелких гильдий. Но к Дракону мы не сунемся!

Вейл резко развернулся, намереваясь, видимо, подойти к шкафу с документами, и в этот момент его взгляд метнулся к лестнице. Он увидел меня.

Его глаза, и без того потемневшие от ярости, вспыхнули. Тифлинг схватил со стола ближайшую серую папку, с силой швырнул ее обратно на столешницу так, что разлетелись листы, и, не сказав ни слова, выскочил из агентства на улицу, с грохотом захлопнув за собой дверь.

Я спустилась по оставшимся ступенькам и подошла к столу.

Хангри сидела, откинувшись на спинку кресла. Она сняла свои очки в тонкой оправе и массировала переносицу крупными зеленоватыми пальцами. Вся ее внушительная и грозная фигура сейчас казалась какой-то сдувшейся и невероятно уставшей.

Я молча наклонилась, собрала рассыпанные по полу листы из брошенной папки и положила их перед ней.

— Он не злится на тебя, — тихо сказала орчиха, не от-

крывая глаз. — Он злится на собственное бессилие.

— Я поняла, — я придвинула стул и села напротив. — Гильдия Казначейства. Звучит как местный аналог налоговой службы с неограниченными полномочиями. Что будет, если они нас поглотят? Нас просто уволят?

Хангри наконец открыла глаза, надела очки и посмотрела на меня тяжелым взглядом.

— Если бы просто уволили, Вика. В этом мире никто не прощает долгов. Если агентство банкротится, его долги распределяются между сотрудниками.

Она тяжело вздохнула и кивнула на дверь, за которой скрылся тифлинг.

— Вейл... Для таких, как он, в городе не самые лучшие условия. Тифлингов в столице не жалуют. Их считают непредсказуемыми, агрессивными. Если Гильдия заберет его контракт, его отправят отрабатывать долг в шахты или сошлют в приграничный город на грязную черную работу. Он потеряет статус полноправного гражданина. Мортимеру тоже достанется — таких шустрых ребят Казначейство любит использовать для самой грязной коллекторской работы, где долго не живут.

Она замолчала, поправляя стопку бумаг.

— А ты? — спросила я.

Хангри криво и горько усмехнулась.

— А я вернусь в клан. Я обещала отцу: если у меня не получится построить карьеру в столице и доказать, что жен-

щина-орк может быть управленцем, а не инкубатором, я вернусь домой. И выйду замуж за того, на кого он укажет. Стану примерной женой вождя какого-нибудь степного племени.

Я смотрела на эту сильную, умную женщину, которая блестяще жонглировала законами и цифрами, и представляла ее запертой в шатре, стирающей пеленки. Картинка не складывалась.

Это агентство не было просто конторой по выбиванию долгов. Это был приют для изгоев. Место, где каждый из них получил шанс жить так, как хочет, и быть кем-то значимым. И теперь эта крыша над головой рушилась. Моя крыша, к слову, тоже — чердак с чистой постелью и хоть какая-то работа планировали накрыться медным тазом.

— Ясно. Значит, мотивация у нас железобетонная, — я сцепила руки в замок и положила их на стол. — Нам нужны деньги. И быстро. Тогда что не так с этим Золотым Драконом? Кто это вообще такой, если Вейл так его боится?

Хангри открыла рот, чтобы ответить, но не успела — в контору вернулся Вейл. Он тяжело дышал, словно пробежал пару кварталов без остановки, а на лице снова появилась привычная холодная маска, скрывающая любые эмоции.

— Никто, — ответил Вейл на мой вопрос вместо Хангри.

Он прошел мимо меня к столу, на ходу расстегивая верхние пуговицы рубашки, словно ему вдруг стало невыносимо душно.

— Забудь это имя, стажер. Этого контракта для нас не

существует.

Тифлинг оперся обеими руками о столешницу и тяжело посмотрел на орчиху.

— Я прошелся по улицам. Кое-что вспомнил, кое с кем поговорил. У меня есть на примете три долга. Гнилые, безнадежные «висяки», за которые никто в гильдии не хочет браться. Но если мы выбьем все три за эту неделю, плюс те деньги, что уже есть, нам хватит, чтобы закрыть минимальный налог. Казначейство даст отсрочку еще на месяц.

— Отсрочка — это не решение проблемы, — спокойно заметила я, не вставая со стула. — Это просто продление агонии. Через месяц мы окажемся в той же самой точке, только еще более уставшие и с еще меньшим запасом времени. Вы пытаетесь потушить лесной пожар из садовой лейки.

Вейл медленно повернул голову ко мне. В его глазах начало закипать раздражение.

— Если ты не заметила, аудитор, у нас тут нет пожарной бригады. Мы работаем с тем, что есть.

— Значит, вы работаете недостаточно эффективно, — я перевела взгляд на Хангри. — У вас есть общий реестр? Бухгалтерская книга со всеми нашими активными, просроченными и безнадежными делами?

Орчиха удивленно моргнула, поправила сползшие очки и кивнула на массивный железный сейф в углу кабинета.

— Гроссбух там. Но в нем сотни записей, Вика. Мы с Вейлом и Морти знаем их почти наизусть. Если бы там было что-

то легкое и крупное, мы бы уже давно это забрали.

— Мне не нужно легкое. Мне нужно рентабельное, — я протянула вперед раскрытую ладонь. — Давайте его сюда.

Вейл громко и саркастично фыркнул:

— Серьезно? Ты собираешься найти золото между строк?

— В прошлой жизни я выбивала финансирование на ремонт целого учебного корпуса у министерства, которое клялось всеми святыми, что в бюджете нет ни копейки. Поверьте, господин Вейл, я умею читать бумаги так, как вам и не снилось.

Хангри тяжело вздохнула, но спорить не стала, достала из кармана связку ключей, подошла к сейфу и вытащила огромную увесистую книгу. Гроссбух с глухим стуком лег на стол передо мной, поднимая в воздух облачко пыли.

— Развлекайся.

Я открыла плотную кожаную обложку. Страницы были исписаны разными почерками — где-то убористым, где-то размашистым. Я пробежалась глазами по нескольким столбцам, вникая в систему записей, и внутри меня мгновенно проснулся старый добрый методист, увидевший неправильно оформленную дипломную работу.

— Какой кошмар, — совершенно искренне возмутилась я. — Вы что, архивируете долги по дате выдачи займа? А не по сроку истечения пени или ликвидности залогового имущества? Да у вас тут половина контрактов наверняка пересекается по штрафным санкциям, о которых вы даже не

помните, потому что они записаны на разных страницах!

Вейл закатил глаза, всем своим видом показывая, что его лимит терпения на сегодня исчерпан.

— Я спать, — бросил он Хангри. — Завтра в восемь мы отправляемся к алхимику Боргу. Он торчит нам пятьсот золотых.

— Борг забаррикадировался в своей башне и пускает ядовитый газ во всех, кто подходит к его двери ближе, чем на десять шагов, — напомнила орчиха.

— Значит, наденем маски, — отрезал тифлинг и вновь направился к выходу. У меня от его мельтешений туда–сюда уже рябило в глазах. Взявшись за массивную ручку на двери, Вейл вдруг остановился и бросил через плечо: — И не сиди над бумажками до утра, стажер. Мне завтра нужна помощница с ясным умом, а не та, что будет страдать из-за недосыпа.

Дверь за ним в который раз закрылась.

Я осталась сидеть перед раскрытой книгой под сочувствующим взором орчихи.

— И правда, иди спать, Вика, — мягко сказала Хангри, собирая свои документы. — Вейл говорил, что ты сегодня пережила неприятный инцидент… Тебе бы отдохнуть.

— Я возьму это с собой на чердак, — я с трудом подняла тяжеленный гроссбух со стола и решительно припечатала к своей груди, на что Хангри цокнула. — Мне нужно успокоить нервы. А в моей жизни ничто так не успокаивало нервы,

как наведение порядка в хаосе документов. Спокойной ночи, Хангри.

Глава 7

Ночь я провела в компании огарка свечи, стопки чистых листов, которые предусмотрительно стащила со стола Хангри, и агентского гроссбуха.

Моя интуиция меня не подвела. Местные коллекторы (даже такие эффективные, как Вейл) работали грубо. Они видели сумму долга, видели срок и шли выбивать деньги напрямую. Они не анализировали скрытые активы должников, не сопоставляли контракты между собой и совершенно не умели работать с перекрестными обязательствами гильдий.

К утру у меня были исписаны четыре листа мелким почерком, а в голове сложилась четкая, хоть и рискованная схема. Алхимик Борг с его газами мог подождать. Я нашла кое-что поинтереснее.

Я спустилась в кабинет ровно без пяти восемь, сжимая в руках свои записи.

Вейл уже ждал меня. Он стоял у окна, скрестив руки на груди, и смотрел на улицу. За ночь он явно не стал выглядеть более отдохнувшим. Увидев меня, он молча бросил на стол две плотные кожаные полумаски с фильтрами, похожие на жутковатые респираторы.

— Надевай, — скомандовал он. — Башня Борга на другом конце города. Экипаж нас довезет только до половины пути, дальше сами.

— Мы не пойдем к Боргу, — спокойно сказала я, отодвигая маски в сторону и кладя на стол свои исписанные листы.

Тифлинг медленно повернулся ко мне.

— Что ты сказала?

— Я сказала, что тратить день на то, чтобы травиться газом сумасшедшего алхимика ради пятисот золотых, когда у нас горит квота — это нерационально, — я постучала пальцем по своим записям. — Я нашла другой долг. Точнее, целую цепочку.

Хангри, которая как раз заваривала чай в углу кабинета, заинтересованно подошла к столу.

Вейл сузил глаза и попытался прогнуть меня так, как делала мама в моей юности:

— Вика. Я не собираюсь играть в твои детские игры. Либо ты берешь маску и мы едем вместе, либо остаешься здесь.

— Господин Кавендиш, — громко произнесла я, игнорируя его тон. — Владелец трех текстильных мануфактур. По вашему гроссбуху он числится в списке «безнадежных», потому что официально объявил себя банкротом два года назад. Его долг перед нами — тысяча двести золотых.

— И он действительно банкрот, — раздраженно ответил тифлинг. — Гильдия Казначейства описала все его имущество. Его станки опечатаны. С него нечего взять, закон защищает должников без имущества от изъятия жизни. Ты потратила ночь на то, чтобы найти пустышку.

— Он банкрот *как физическое лицо*, — на моих губах рас-

плылась торжествующая улыбка, которую я не смогла сдержать, как бы ни старалась напрягать лицевые мышцы. — Но я почитала сноски мелким шрифтом в его карточке. Три года назад он передал права на патент нового красителя своей младшей дочери. В качестве свадебного подарка.

Хангри нахмурилась, поправляя очки.

— И что с того? Подарок не подлежит изъятию за долги дарителя.

— Верно. Но только в том случае, если патент не начал приносить коммерческую прибыль, превышающую стоимость самого дара, — я вытащила нужный лист из своих записей и пододвинула к ним. — Дочь Кавендиша вышла замуж за лорда... Угадайте, кого? За лорда Лероя. Директора того самого Театра оперы, где мы были.

Вейл замер, глядя на бумагу.

— Я видела декорации в театре. Они были выкрашены невероятно ярким и люминесцентным синим цветом, — продолжила я излагать свой гениальный план. — Это тот самый краситель из патента. Лерой использует подарок тестя в коммерческих целях, чтобы ставить свои шоу. А это значит, что патент является активным капиталом, и по статье 48 семейного кодекса гильдий...

— Долги прямого родственника могут быть взысканы с прибыли от подаренного актива, — закончил за меня Вейл, но голос прозвучал тихо и как-то завороженно. Что для его натуры несвойственно.

— Тысяча двести золотых, — я сложила руки на груди. — Никаких ядовитых газов и риска. Просто пара правильно оформленных бумаг и один очень наглый визит в оперный театр. Заставим господина Лероя заплатить по счетам тестя. Ну что, Вейл? Берем маски или идем в театр?

Хангри рассмеялась сначала тихо, а потом ее рокочущий смех по нарастающей заполнил весь кабинет. Она сняла очки и вытерла выступившие от веселья слезы.

— Клянусь предками, Вейл, если ты не заберешь эту женщину себе в постоянные напарники, я сама пойду с ней на выезды! Она же из них душу через бумажки вытрясет!

Вейл хмуро смотрел на мои исписанные листы так, словно это была не бухгалтерская выкладка, а подробная карта минных полей, о которых он даже не подозревал. Но в конечном итоге сгреб со стола кожаные полумаски и небрежно швырнул их в открытый ящик стола.

— Оформляй ордер на взыскание по смежным активам, Хангри, — хрипловато произнес он, не сводя с меня своих невозможных золотых глаз. — Идем в театр, аудитор.

Солнце только начало припекать, когда наш экипаж остановился у служебного входа Театра оперы. В этот раз я чувствовала себя куда увереннее. У меня был план, у меня была железобетонная доказательная база, а за спиной возвышался рогатый аргумент, который в случае чего мог впечатать любого несогласного в стену. Идеальная команда и высшая степень эффективности.

Мы прошли по уже знакомым коридорам прямо к главной сцене.

Там вовсю шла монтировка декораций к завтрашней премьере. Рабочие натягивали огромные полотна, расписанные под ночное небо и морские волны. Цвет у них был воистину потрясающий — насыщенный синий, который, казалось, слегка светился даже в полумраке. Тот самый люминесцентный краситель Кавендиша.

Господин Лерой стоял в партере, нервно размахивая свернутым в трубку сценарием, и кричал на осветителей.

Увидев нас, спускающихся по проходу между бархатными креслами, директор выпучил глаза.

— Вы?! — взвизгнул он на весь зал. — Что вам опять нужно?! Мы отдали голос! У нас больше нет перед вашим агентством никаких обязательств! Стража!

— Остыньте, Лерой, — уверенный голос Вейла эхом прокатился по пустому залу, заставив рабочих на сцене замереть. Тифлинг остановился в паре шагов от директора и достал из кармана свежий ордер с красной печатью. — Мы здесь не по поводу мадам Валери. Мы пришли по делу господина Кавендиша. Вашего тестя.

Директор театра нервно сглотнул, но попытался сохранить лицо:

— Мой тесть официально признан банкротом. Его долги списаны. Вы не имеете права...

— Ошибаетесь, — настал мой черед вершить правосудие,

чем я и воспользовалась. — Долги физического лица не аннулируются, если у него обнаруживаются скрытые или переданные активы, приносящие коммерческую прибыль. Патент на люминесцентный краситель номер 74-Б, переданный вашей супруге три года назад.

Я выразительно кивнула на сцену, где переливались синим цветом огромные волны.

— Использование запатентованного состава в коммерческих постановках гильдейского театра приносит прямую прибыль. Значит, согласно статье сорок восемь семейного кодекса гильдий, мы имеем полное право взыскать долг дарителя с этих доходов...

Лерой покрывался испариной по мере того, как я озвучивала их дальнейшие перспективы. Он затравленно оглянулся на своих рабочих, которые с интересом прислушивались к разговору, и понизил голос до шепота:

— Вы ничего не докажете! Это другой краситель! Мы купили его на восточных рынках!

В моей прошлой жизни один ушлый завхоз точно так же пытался доказать, что закупил для университета нужную краску, а не дешевую вместо дорогой, и что разницу в карман никакую не положил.

— Замечательно, — я растянула губы в вежливой, но абсолютно не предвещающей ничего хорошего ухмылке. — В таком случае, Вейл, мы обязаны прямо сейчас наложить судебный арест на эти декорации. Вызовем алхимическую экс-

пертизу. Они возьмут соскобы, проведут анализ... Процедура наверняка займет дней тридцать, не меньше. На это время сцена будет опечатана как улика по делу о мошенничестве.

Я видела, как расширяются зрачки Лероя. Премьера назначена на завтра — опечатанная сцена означала не просто срыв сезона, а грандиозные иски от недовольных аристократов и полное разорение театра. По простому — полный крах бизнеса.

Он понял, что оказался в идеально выстроенной бюрократической ловушке, из которой больше не было иного выхода.

— Сколько? — хрипло спросил директор, доставая из кармана платок и вытирая влажный лоб.

— Тысяча двести золотых, — спокойно ответил Вейл. — Наличными или банковским векселем на предъявителя.

Лерой молча развернулся и на негнущихся ногах пошел в сторону своей конторы.

Через пятнадцать минут мы вышли из театра на залитую солнцем улицу. В кармане куртки Вейла лежал завизированный банковский вексель Гильдии Казначейства на полную сумму.

Тифлинг, к моему удивлению, не мчался вперед, заставляя меня бежать вприпрыжку. Так что мы шагали плечом к плечу в ровном и спокойном ритме, довольные произведенным фурором.

— Тысяча двести золотых за одно утро. Плюс вчерашние, — задумчиво произнес он, глядя на мостовую. — Мы закры-

ли треть месячной квоты за сутки. Не свернув при этом ни одной челюсти и не потратив ни капли магии.

— Бумага и чернила — самое страшное оружие в мире, если знать, куда бить, — философски заметила я, жмурясь на теплом солнышке.

Вейл внезапно остановился, повернулся ко мне и внимательно, как-то по-новому изучил мое лицо. Без раздражения и без опостылевшей мне глухой враждебности. В его глазах появилось то, чего я никак не ожидала там увидеть — искреннее уважение.

— Откуда ты это знаешь? Кодексы гильдий, статьи, уязвимости в патентах? Ты не могла выучить это за ночь, просто листая гроссбух.

— Я не учила ваши законы, Вейл, — я пожала плечами. — Я просто знаю, как работают системы. Люди везде одинаковы. И бюрократия везде одинакова. Если кто-то передал ценный актив перед банкротством, он обязательно попытается на нем заработать. Нужно было только сложить два и два.

— Знаешь, аудитор... — Вейл сделал паузу, словно подбирая нужные слова. Я прям видела, как ему физически дискомфортно это произносить, но он закончил: — Я должен тебе завтрак еще со вчерашнего дня. Здесь за углом есть неплохое заведение. Там пекут отличные мясные пироги. Пойдем.

Мы свернули в переулок. Вскоре я уловила удивительно стойкий аромат свежей выпечки и жареного мяса. Мой желу-

док, который последние несколько дней питался в основном стрессом и адреналином, недвусмысленно заурчал от таких благоуханий.

Мы заняли небольшой столик у окна. Вейл заказал еду и горячий травяной отвар. Когда перед нами поставили тарелки, он молча придвинул ко мне корзинку с горячим хлебом.

— Значит, треть квоты, — произнесла я, отламывая хрустящую горбушку. — Сколько нам еще нужно, чтобы Казначейство от нас отстало?

Вейл помрачнел от упоминания насущных проблем. Легкая атмосфера совместного завтрака тут же улетучилась, уступив место суровой реальности.

— Еще три тысячи. До конца недели.

— Три тысячи, — я прикинула цифры в уме. — Это много мелких дел или два-три крупных. Я успела просмотреть только несколько десятков страниц в вашем гроссбухе. Там есть пара перспективных зацепок, но они не перекроют такую сумму быстро.

Я отпила горячий отвар и внимательно посмотрела на тифлинга, приготовившись к новой словесной битве на мечах из упрямства:

— Вейл. Что за долг у Золотого Дракона?

Его рука с вилкой замерла над тарелкой.

— Я же сказал, Вика. Мы не берем этот долг.

— Ты сказал, что он юлит и натравливает адвокатов. А я сегодня доказала тебе, что я ем адвокатов на завтрак, — я

постучала пальцем по столу. — Хангри упомянула пять тысяч золотых. Это перекроет всю квоту разом! И еще останется на ремонт двери. Почему мы не можем просто попытаться?

Вейл тяжело вздохнул и медленно положил вилку на стол. Он не пытался отмахнуться от назойливого стажера. Мне даже показалось, что сейчас тифлинг говорит со мной, как с равной.

— Потому что Золотой Дракон — это не метафора и не название гильдии, Вика. Это буквально настоящий дракон. Его зовут Аргенто. Он контролирует теневой банковский сектор столицы, держит половину игорных домов и скупает долги аристократов. Он взял у агентства ссуду в пять тысяч три года назад, когда расширял свое влияние. И знаешь, зачем? Просто чтобы проверить, сможем ли мы заставить его платить по счетам.

— И вы не смогли.

— Никто не может. По местным законам, чтобы применить магию взыскания к существу высшего порядка, ты должен находиться с ним в одной комнате и заставить его сказать слово «отказываюсь» три раза подряд на прямое требование о возврате.

Вейл откинулся на спинку стула и забыл про ароматизирующую перед нами еду.

— Аргенто никого не пускает в свой кабинет. Он общается только через секретарей и магические иллюзии. А ес-

ли кому-то чудом удается прорваться к нему лично, он просто улыбается, предлагает выпить чаю и начинает цитировать древние трактаты, ни разу не произнося слово «нет». Ты не можешь выбить долг силой, потому что он раздавит тебя одним пальцем. И ты не можешь применить магию жетона, потому что он не дает юридического отказа. Это тупик.

Я задумчиво жевала мясной пирог и одновременно с этим переваривала такую любопытную информацию.

Настоящий дракон? Глава теневого сектора? Непробиваемый бюрократ с чешуей и неограниченной властью?

Божечки, как же это интересно! Я даже перестала жалеть, что теперь нахожусь в ином мире. А еще тут удивительно вкусная еда.

Глава 8

— Давай просто попробуем, Вейл, — я отодвинула пустую чашку из-под отвара и состроила жалобное выражение лица в надежде растопить черствое сердце напарника. — Если мы упремся в секретарей или его знаменитые иллюзии — мы просто развернемся и уйдем. Потеряем час, не больше. Но если не попробуем, я буду грызть себя до конца недели. И тебя заодно.

Тифлинг явно решал, что для его нервной системы будет менее разрушительным: спорить со мной или добровольно-принудительно пойти к дракону. Взвесив все риски, он обреченно качнул головой:

— Ладно. Но учти, аудитор: если нас там превратят в пепел или вышвырнут в окно, я успею сказать «я же говорил» еще в полете.

Офис Аргенто находился в деловом центре, где обитали самые богатые гильдии. Пока мы шли по залитым солнцем улицам, я на ходу генерировала идеи для проникновения.

— А если мы скажем, что мы курьеры из Гильдии Казначейства? — предлагала я, стараясь поспевать за широким шагом Вейла. — Принесли предписание лично в руки… По закону они не имеют права не пустить госслужащих.

— Его иллюзии на входе сканируют ауры и документы, — зарубил этот вариант на корню Вейл, даже не глядя на меня.

— Хорошо. Тогда пожарная инспекция? Санитарный надзор? Вчера с театром это отлично сработало. Скажем, что у нас жалоба на... Несанкционированные выбросы дыма. Он же дракон, в конце концов.

Уголок губ тифлинга едва заметно дернулся вверх.

— Вика, это теневой банкир. Он сам кого хочешь проинспектирует. Туда нельзя просто заявиться и сказать: «мы из санитарного надзора». Там три линии охраны, магические барьеры и секретари, у которых вместо сердец — счетные машинки.

Мы свернули на широкую аллею и остановились перед массивным зданием из черного мрамора. Оно выглядело монументально, подавляюще и кричало о деньгах своего владельца каждой деталью на фасаде.

— Ладно, действуем по ситуации, — я расправила плечи и потянула вниз подол кардигана. — Сначала попробуем взять их наглостью и моим бюрократическим напором, а если не выйдет...

Я не договорила. Мы поднялись по широким каменным ступеням и подошли к огромным дверям. Я уже набрала в грудь воздуха, готовясь выдать самую ледяную интонацию из своего арсенала, как вдруг раздался тихий щелчок.

Тяжелые створки распахнулись сами собой.

Внутри я не увидела никаких секретарей, магических иллюзий, сканирующих ауры. Или даже намеков на охрану. Перед нами открылся прямой и устланный толстым ковром ко-

ридор, ведущий прямиком в залитый светом кабинет.

Вейл мгновенно напрягся, рука рефлекторно скользнула к карману, где лежал жетон. Он прекрасно знал, что двери в таких местах просто так не открываются.

Мы осторожно переступили порог.

Кабинет дракона поражал: полки из красного дерева, заставленные древними фолиантами, тяжелые бархатные портьеры и огромное панорамное окно, из которого открывался вид на всю столицу. И у этого окна стоял мужчина.

Он обернулся на звук наших шагов, отчего я невольно замерла. Если я ожидала увидеть сурового и покрытого чешуей монстра, то жестоко ошиблась.

Это был мужчина потрясающей и почти пугающей красоты. Высокий, статный, одетый в безупречно скроенный костюм-тройку глубокого графитового цвета. Его темные волосы были идеально уложены, а на висках серебрилась благородная седина. Но главным отличием от людей стали янтарные глаза с вертикальным зрачком.

Он не стал ждать, пока мы заговорим. Аргенто отставил в сторону бокал с каким-то напитком, плавно пересек кабинет и подошел прямо ко мне, полностью игнорируя тифлинга.

— Я увидел вас из окна, когда вы только свернули на аллею, — голос дракона оказался низким, бархатистым и обволакивающим. На губах играла галантная, чуть лукавая улыбка.

Он плавно взял мою руку, которую я даже не успела от-

дернуть, и, склонив голову, едва ощутимо коснулся губами костяшек. От его кожи исходило легкое тепло и едва уловимый запах дорогого табака.

— Редкая удача для моего унылого кабинета. Я распорядился пропустить вас без задержек. Не мог же я позволить столь очаровательной девушке тратить время на препирательства с моими секретарями?

Я только открыла рот, чтобы ответить, как между нами буквально вклинилась темная скала.

Вейл шагнул вперед, жестко оттесняя меня плечом себе за спину и разрывая дистанцию между мной и драконом. Я заметила знакомую перемену в его настроении — глаза потемнели от едва сдерживаемой ярости.

— Мы здесь не для светских бесед, Аргенто, — слишком уж враждебно заявил Вейл хозяину помещения. — Мы из агентства. И мы пришли за взысканием долга.

Аргенто мягко усмехнулся, ничуть не смутившись напору тифлинга. Его глаза при этом смотрели только на меня, словно Вейла в комнате вообще не существовало.

— Я наслышан о новой сотруднице агентства. О рыжей бестии, которая с потрясающим изяществом помогает трясти деньги с самых упрямых должников столицы. Рад приветствовать вас в своей скромной обители, Вика.

Он плавно отпустил мою руку, но его взгляд продолжал скользить по моему лицу, изучая и оценивая с пугающей проницательностью.

— Мое почтение вашей находчивости, — продолжил Аргенто, чуть склонив голову. — Ваша комбинация с патентом Кавендиша и беднягой Лероем... Это было воистину блестяще. Статья сорок восемь? Изумительно. Редко встретишь такой острый аналитический ум в столь юном и прекрасном создании.

Дракон сделал приглашающий жест в сторону глубоких кожаных кресел, стоящих у изящного столика из темного стекла.

— Прошу, присаживайтесь. Вы наверняка устали с дороги. Не желаете ли выпить чаю? У меня есть превосходный сорт, собранный на южных склонах, он отлично снимает напряжение...

— Мы пришли не чаи гонять, — резко оборвал его Вейл.

Тифлинг не сдвинулся с места, по-прежнему жестко загораживая меня от хозяина кабинета. Рука так и осталась лежать на кармане с гильдейским жетоном.

— У тебя истекает срок по ссуде, Аргенто. Пять тысяч золотых. Мы здесь за долгом.

Вместо того, чтобы разозлиться на дерзость коллектора в собственном доме, мужчина вдруг рассмеялся. А потом Аргенто неспешно подошел к своему креслу, опустился в него и закинул ногу на ногу, всем своим видом излучая абсолютную власть над ситуацией.

— Долг? Ах, да. Разумеется, — дракон сцепил пальцы в замок, не переставая улыбаться. — Знаете, Вейл, я сегодня в

исключительно хорошем настроении. Я готов вернуть агентству все до последней медной монеты. Хоть сейчас заверить вексель, снять все претензии и даже сверху накинуть весьма щедрые проценты за ваше потраченное время.

Вейл недоверчиво прищурился, а я инстинктивно подобралась. В прошлой жизни я усвоила одно железобетонное правило: если человек с безграничной властью вдруг предлагает тебе все и сразу без долгих торгов, значит, капкан уже захлопнулся.

— Но, — Аргенто выдержал театральную паузу, во время которой глаза цвета расплавленного золота снова метнулись ко мне, сузившись до хищных вертикальных щелей. — С одним ма-а-а-аленьким условием. Вика уходит из агентства и остается у меня.

Вейл медленно изогнул бровь. Жест получился обманчиво спокойным, но я стояла совсем рядом и видела, как напряглись его плечи и спина.

Я же просто удивленно пялилась на расслабленного мужчину в кресле, не зная, как реагировать. С губ сорвался вполне закономерный вопрос:

— Зачем вам это?

Липкий драконий взгляд с откровенным мужским интересом скользнул по моей фигуре, задержался на округлых, мягких линиях моего нового тела, к которым я сама еще не до конца привыкла. Для него моя фигура с ее аппетитными формами и огненно-рыжие волосы, судя по всему, склады-

вались в идеальную эстетическую картину.

— Вы видели себя? Я коллекционирую разные золотые безделушки. Королевские скипетры, массивные перстни, старинные золотые тарелки... Я привык забирать все, что мне нравится. Но живое золото... Такого в моей коллекции еще не было.

Чем больше он говорил, тем ниже отвисала моя челюсть.

— Она не продается, — ледяным тоном осадил его Вейл. Я бы, может, и обрадовалась такой его реакции, но в моей голове происходил хаос из-за услышанного.

Он всерьез сравнил меня с золотыми… Безделушками?!

Аргенто снисходительно усмехнулся, глядя на тифлинга с высоты своего превосходства.

— Я и не предлагаю ее купить, коллектор. Я предлагаю ей стать моей спутницей.

Дракон чуть склонил голову вбок, чтобы снова поймать мой ошалевший взгляд.

— Думаю, вы, как женщина с острым аналитическим умом, прекрасно понимаете, Вика, что лучшей жизни, чем та, которую предлагаю я, вы вряд ли найдете. У вас будет все, о чем только можно мечтать…

Я недоверчиво прищурилась, рассматривая этого холеного, бесконечно уверенного в собственной неотразимости хищника. В моей прошлой жизни мужчины тоже пытались покупать мое время и лояльность, считая, что за деньги можно приобрести все и даже больше.

— Почему бы вам просто не отдать долг агентству без всяких условий? — ровно спросила я, скрестив руки на груди. — Мы закроем контракт, вы больше никогда не увидите ни нас, ни кредиторов.

Аргенто рассмеялся с искренним весельем, словно я только что рассказала ему отличную шутку.

— Видите ли, в чем проблема... Теперь, когда у вашего скромного агентства появилась такая роскошь, — он выразительно кивнул в мою сторону. — Я не хочу, чтобы вы исчезали. Напротив. Я готов приглашать вас к себе каждый день.

Он засунул руки в карманы безупречных брюк и растянул губы в откровенно издевательской улыбке.

— Приходите. Я буду поить вас чаем и отдавать долг. Ровно по одному золотому за визит.

Смысл его слов обрел в моей голове явные очертания. Пять тысяч золотых. По одной монете в день — это почти четырнадцать лет ежедневных визитов. Гениальная бюрократическая ловушка.

Аргенто перевел торжествующий взгляд на моего напарника:

— От выплаты долга я не отказываюсь, как вы уже поняли, Вейл.

Золотая монета сверкнула в воздухе. Аргенто небрежным щелчком пальцев бросил ее в нашу сторону.

Вейл поймал монету на лету. Кулак сжался с такой силой, что, казалось, плотный металл сейчас сплющится между его

пальцами.

По сути, передо мной стоял выбор без выбора. Я могла бы прямо сейчас сказать «да». И тогда наше маленькое агентство получило бы всю сумму разом и смогло бы рассчитаться с Казначейством. Хангри осталась бы при своем кресле, а Вейла не сослали бы в приграничные шахты. Я могла бы вернуть им долг за эти несколько дней ночлежки, за горячий ужин, за чистую одежду... И жить дальше жизнью настоящей королевы в золотой клетке. У меня было бы все, о чем только может мечтать любая женщина в этом мире.

Проблема была в том, что внутри я не была наивной девчонкой. Я была взрослой женщиной, которая хорошо усвоила одну простую истину: если мужчина покупает тебя как красивую безделушку, то и относиться он к тебе будет как к вещи. А вещи очень легко убирают в пыльный шкаф, когда они надоедают.

Я расправила плечи и посмотрела прямо в эти мерцающие глаза.

— Мое решение не изменилось, милорд. Я не продаюсь.

Аргенто не разозлился, ни единый мускул не дрогнул на его безупречном лице. Наоборот, его улыбка стала только шире и как будто чуть острее.

— Какая принципиальность, — протянул он с предвкушением долгой и интересной игры. — Что ж, Вика. Тогда я жду вас завтра. И послезавтра.

Он махнул ладонью в сторону выхода, давая понять, что

аудиенция окончена.

— Не можете же вы отказаться и не прийти взять с меня очередную часть долга? Агентство ведь нуждается в каждой монете. До завтра, господа.

Мы вышли из черного мраморного особняка под палящее солнце. И только на улице Вейла окончательно прорвало. Воздух вокруг тифлинга, казалось, искрился от еле сдерживаемой злой энергии. Следуя его логике, мы впустую потратили драгоценное время. План провалился, у нас по-прежнему не было денег для Казначейства. А я оказалась на расстоянии одного шага от лап древнего опасного хищника.

И... Наверное, совсем капельку, в глубине души, он метался от бессилия. Мужчина, привыкший решать проблемы силой или жестким гильдейским законом, только что стоял перед Аргенто и не мог сделать абсолютно ничего.

Он молча швырнул меня в наемный экипаж, впрыгнул следом и с силой захлопнул дверцу.

Едва карета тронулась с места, тифлинг уперся локтями в колени, сжал голову руками и процедил сквозь зубы:

— Это было самое идиотское решение за весь месяц. Ты хоть понимаешь, во что мы влипли?!

Я молча сидела напротив, давая ему выговориться, хоть меня распирало от желания высказать ему все, что я думаю о таком обращении с собой.

— Дракон не отвяжется, Вика! — Вейл со злостью и отчаянием поднял голову, но так и не выпутав пальцы из своих

темных волос. — Ты думаешь, он поиграет в эту чушь с одним золотым и успокоится? Он почувствовал азарт! Он теперь будет давить, выжидать, искать твои слабые места. Мало нам было Казначейства и банкротства конторы, так теперь мне еще тебя от этого ящера спасать?!

Вейл выругался на незнакомом языке, проклиная себя за то, что вообще поддался на мои уговоры и позволил мне войти в этот кабинет.

Я подождала пару секунд, пока спадет первая волна его гнева, и спокойно произнесла:

— Ты прав.

Вейл осекся на полуслове и недоверчиво уставился на меня.

— Что?

— Ты прав, Вейл, — повторила я, ровно выдерживая его взгляд. — Я переоценила свои силы и недооценила Аргенто. Нам нужно было сразу идти по твоему плану и выбивать твои гнилые «висяки». Прости. Больше никаких авантюр.

Тифлинг тяжело выдохнул и откинулся на спинку сиденья. Мое неожиданное согласие сбило с него спесь, оставив только привычную усталость.

— Черт с тобой, аудитор, — уже тихо и хрипло произнес он. — Сохрани свое раскаяние для Хангри.

— И что делаем дальше? Возвращаемся в контору за твоей буквой «В»?

Вейл посмотрел в окно на проплывающие улицы и заявил:

— Поспать сегодня не получится, Вика. Времени у нас нет. Вечером едем к ведьме. После нее визит к Аргенто покажется тебе милым светским чаепитием.

Глава 9

Вернувшись в контору, мы не стали тратить время на объяснения перед Хангри и передышку. Вейл сходу направился к шкафу с картотекой, вытянул нужную папку и тут же бросил привычным командным тоном:

— Собирайся.

Вечера мы тоже не дождались. Пока тряслись в очередном экипаже, направляясь к окраинам столицы, тифлинг ввел меня в курс дела.

— Морту Дес, — Вейл произнес это имя с явным раздражением. — Ночная ведьма. Год назад она взяла в кредит у Гильдии Артефакторов прялку для кошмаров. По договору обязалась выплатить стоимость либо чистым золотом, либо концентрированным сонным эфиром.

— И теперь заявляет, что она банкрот? — уточнила я, вспоминая недавний случай с Кавендишем.

— Хуже. Она заявляет, что стала меценатом, — скривился коллега. — Ей нечем платить, потому что весь добытый сонный эфир она бесплатно тратит на то, чтобы отгонять кошмары от больных детей в приютах. Благотворительность чистой воды. Гильдия Артефакторов не может просто прийти и отобрать прялку, потому что изъятие инструмента, спасающего детские жизни, вызовет жуткий скандал в обществе.

— Умно, — признала я. Прикрываться детьми — классический и всегда рабочий ход для любого должника. — А почему этот долг висит у нас в «гнилых»? Ты же ходил к ней?

Вейл помрачнел, отводя взгляд к темнеющему за окном небу.

— Ходил дважды. И оба раза приходил в себя утром, сидя на тротуаре за дверями ее дома. Абсолютно без воспоминаний о том, что произошло ночью. И я не один такой. Все сборщики, которые к ней совались, засыпали прямо во время разговора.

Он полез в карман куртки и достал две тонкие красные ленты. На каждой тускло блестел маленький серебряный колокольчик. Вейл молча перехватил мое запястье и крепко завязал ленту на моей руке, а вторую так же ловко затянул на своей.

— Магия ночных ведьм действует мягко, — проинструктировал он, проверяя узел. — Ты даже не замечаешь, как проваливаешься в сон. Если почувствуешь, что глаза слипаются, мысли путаются, или все вокруг плывет — изо всех сил тряси рукой. Иногда резкий звук артефактного серебра помогает сбить этот морок.

Дом Морту Дес находился в самом конце узкой кривой улочки. Это было приземистое каменное здание, густо увитое плющом. Не совсем так я представляла себе обитель ведьмы… Ну и ладно.

Едва мы шагнули внутрь, нас окутал густой и сладкова-

тый запах сушеных трав и теплого воска. В пристанище ведьмы оказалось неожиданно уютно: мягкие ковры, кресла с бархатной обивкой и множество свечей. Но самое странное украшение висело под потолком. Это были десятки стеклянных мотыльков на тонких нитях. Внутри хрупких фигурок бился о стекло густой темный дым. Я поежилась, поняв, что это, скорее всего, и есть те самые вытянутые кошмары.

— О, какие гости в моем скромном жилище! — раздался мелодичный голос.

Из соседней комнаты вышла хозяйка. Морту Дес совершенно не походила на страшную старуху из сказок. Это была миловидная, полнотелая женщина средних лет с мягкой улыбкой и копной темных волос, небрежно заколотых на затылке. Она вытирала руки полотенцем, глядя на нас с искренним дружелюбием.

Ее взгляд скользнул по Вейлу и остановился на мне. Ведьма удивленно приподняла брови.

— Надо же... Нити судьбы молчат, ауры нет. Иномирянка? Как интересно. И что же такое необычное создание пришло взыскивать с бедной женщины? Неужели мои детские кошмары? Больше у меня ничего нет.

Она тяжело вздохнула, прижав руки к груди в жесте безграничной скорби.

— Морту, мы оба знаем, что это ложь, — сухо и по-деловому начал Вейл. Он достал из папки сложенный лист и развернул его. — Я потратил пару часов в архиве гильдии ма-

гов. Это прейскурант ваших официальных услуг за последний квартал. Любовные привороты, снятие родового сглаза, персональные ловцы снов для аристократии. Раз вы зарабатываете такие деньги на частной практике, значит, у вас есть средства погасить долг за прялку.

Ведьма мягко улыбнулась, ничуть не смутившись.

— Бумаги, бумаги, бумаги… Цифры на листе — это одно, а реальные расходы на травы, свечи и налоги — совсем другое. Я на мели, господа. Но вы, должно быть, ужасно устали с дороги. Присаживайтесь, отдохните.

Она плавным движением подошла к небольшому столику и протянула мне стакан с чистой прозрачной водой.

— Выпей, милая. День у тебя выдался тяжелый, я же вижу.

В горле и правда пересохло, поэтому я по привычке приняла стакан из ее рук. В этот момент я поймала взгляд Вейла, который стоял чуть позади ведьмы. Лицо было напряжено, он едва заметно, но очень категорично покачал головой.

«Не пей», — читалось в его глазах.

Я аккуратно, стараясь не привлекать внимания, поставила нетронутый стакан на край столика.

В этот самый момент в тишине комнаты раздался оглушительный звук. Бом-м-м.

Массивные напольные часы в углу комнаты начали отбивать время. С каждым ударом звук становился все тяжелее, словно он бил не по ушам, а прямо по сознанию.

Бом-м-м.

Сладкий запах трав внезапно стал удушливым. Границы комнаты дрогнули. Лицо Вейла, который стоял всего в двух шагах от меня, начало стремительно размываться, теряя четкость. Мои веки внезапно налились свинцом, а ноги стали ватными. Я попыталась поднять руку, чтобы тряхнуть колокольчиком, как учил тифлинг, но мышцы меня не слушались. Движение вышло вялым, словно я находилась под толщей воды, и колокольчик издал лишь жалкий глухой звук, мгновенно утонувший в звоне часов.

Бом-м-м.

Сквозь накатывающий густой туман я услышала тихий смех Морту Дес.

— Какая глупость, — ее голос доносился словно издалека. — Травить воду зельями? Ну кто сейчас так делает, милая? Это так банально... Засыпайте. Завтра утром вам станет гораздо легче.

Туман сгустился, затапливая сознание липкой тьмой. А когда он рассеялся, я обнаружила себя сидящей на до боли знакомом мягком диване в нашей старой гостиной. В нос ударил знакомый запах лекарств.

— Вика, ну куда ты встала? Тебе нужно лежать.

Я вздрогнула. Из кухни вышел мой муж в своей любимой домашней кофте, легкой сединой на висках и тем самым обеспокоенным выражением лица, которое я когда-то так любила.

Он подошел ближе, усадил меня обратно, поправил плед на моих ногах и поставил на журнальный столик чашку горячего чая.

— Врачи же сказали: полный покой и никакого стресса, — он опустился рядом, осторожно взял мою руку и прижал к своей щеке. Его глаза блестели от непролитых слез. — Прости меня. Каким же я был дураком. Испугался, смалодушничал, чуть не бросил тебя в такой момент... Но теперь все будет хорошо, слышишь? Я никуда не уйду. Мы со всем справимся.

Эта сцена была такой искренней и такой правильной. Настоящий удар под дых. То, чего я так отчаянно ждала в те страшные, темные ночи после оглашения диагноза. Иллюзия была безупречной. Идеальной, чтобы заставить меня расплакаться, обнять его и остаться в этом счастливом сне навсегда.

Я молча взяла чашку, опустила в нее ложечку и начала медленно помешивать. Дзинь-дзинь — звенело серебро о фарфор. Я отпила чай и прищурилась.

Из моей груди вырвался сначала тихий смешок, а затем он же перерос в почти истеричный смех, который казался неестественным в стенах этой комнаты. Я смеялась, не в силах остановиться, глядя на растерянное лицо мужа.

— Что смешного?

— Ничего, — я вытерла выступившую слезу, продолжая зачем-то болтать ложечкой в чашке. Сладкая жидкость кружилась водоворотом. — Простоэто так похоже на тебя. Мой

идеальный, заботливый муж, который пришел спасать меня... Но за тридцать пять лет брака так и не смог запомнить, что я пью чай без сахара.

Лицо мужа мгновенно изменилось. Мягкость исчезла, уступив место эгоистичной злобе — той самой, которую я видела в день его ухода, когда стала для него обузой.

— Ты что, совсем из ума выжила от своих таблеток?! — рявкнул он, вскакивая на ноги. — Ты хочешь уйти от меня?! После того, как я вернулся?!

— Да, — с облегчением выдохнула я, размахнулась и со всей силы швырнула чашку прямо в стену.

Звонкого удара не последовало. Фарфор просто прошел сквозь обои, как сквозь густой туман, и растворился в воздухе, не оставив ни пятнышка. Иллюзия затрещала по швам. Пространство уютной гостиной пошло дикой рябью, скручиваясь в воронку.

— Убирайся из моей головы! — крикнула я, вкладывая в эти слова всю ярость, от которой давно пора было избавиться.

Мир взорвался ослепительно белой вспышкой.

Я резко открыла глаза и шумно втянула воздух, словно наконец вынырнула из-под воды.

Сладковатый запах трав и теплого воска ударил в нос. Я сидела в том же самом бархатном кресле. Сбоку, нелепо откинув голову на спинку дивана, неподвижно спал Вейл.

Ночная ведьма стояла всего в нескольких шагах от меня.

В ее руках была зажата пустая стеклянная колба, куда она, видимо, собиралась поместить мой вытянутый кошмар.

Но сейчас Морту Дес смотрела на меня широко распахнутыми глазами. Стекляшка в ее руках мелко дрожала.

— Как... — прошептала она, отступая на шаг, словно увидела привидение. — Как ты смогла выйти из сна?!

— Не знаю, — я резко поднялась с кресла и кинулась к Вейлу. — Что с ним?!

— Спит... — пробормотала ведьма, отступая еще на полшага, словно боялась, что я на нее наброшусь. — Никто не может просто так проснуться. Как ты это сделала?

Я проигнорировала ее вопрос. Схватив Вейла за руку, на которой все еще болталась красная лента, я попыталась потрясти его, чтобы колокольчик зазвенел, но тифлинг даже не шелохнулся. Его голова безвольно откинулась назад, а брови были мучительно сведены у переносицы.

Испугавшись, что эта ведьма могла его отравить, я подалась вперед и припала ухом к его широкой груди, чтобы убедиться, что сердце бьется.

Глухой, мерный стук. Один. Второй. А на третьем звук вдруг оглушительно растянулся, превращаясь в гул ветра. Пространство вокруг меня схлопнулось.

Я больше не стояла на коленях в уютной гостиной ведьмы. Мои ноги ощутили твердую холодную брусчатку.

Я подняла голову и огляделась. Мы были в знакомом узком переулке. Прямо передо мной возвышались двери наше-

го агентства — наглухо заколоченные толстыми досками с массивными печатями Гильдии Казначейства.

— Пошли, живо!

Я резко обернулась и увидела, как Хангри и Мортимера, закованных в кандалы, грубо заталкивают в зарешеченный экипаж приставов. Орчиха выглядела сломленной, а халфлинг даже не сопротивлялся.

А потом я увидела Вейла. Он стоял на коленях посреди мостовой с тяжелыми цепями на запястьях, но не смотрел на своих коллег. Его взгляд, полный отчаяния, был прикован к другой стороне улицы.

Я проследила за ним и замерла.

Там стояла я. Точнее, не настоящая я, а девушка из его сна. На ней было роскошное струящееся платье из дорогого синего шелка, а на шее блестело тяжелое золотое колье. Рядом возвышался Аргенто. Дракон галантно подал этой фальшивой Вике руку. Она вложила свои пальцы в его ладонь, бросила последний равнодушный взгляд на стоящего на коленях тифлинга и грациозно шагнула в роскошную карету с гербом Аргенто.

Вейл дернулся в своих цепях, издав глухой рык, полный такой боли, что у меня перехватило дыхание.

Его кошмар… Потерять агентство, подвести Хангри и Морти, увидеть, как та, ради кого он сегодня готов был лезть на рожон, просто продалась за золото…

— Эй! — я бросилась к Вейлу, вставая прямо перед ним

на колени. — Эй, я тут! Очнись! Это сон, Вейл! Мы все еще у ведьмы!

Он даже не моргнул. Его глаза смотрели сквозь меня, продолжая следить за тем, как карета дракона скрывается за поворотом. Иллюзия была слишком сильной, она заперла его в самом центре его собственных страхов.

— Вейл, посмотри на меня! — я попыталась потрясти его за плечи, но мои руки прошли сквозь плотную ткань его рубашки. Я здесь была лишь гостьей.

Тогда я сделала единственное, что пришло в голову. Подалась вперед, обхватила его лицо обеими ладонями — и на этот раз контакт сработал. Мои пальцы ощутили жесткую щетину и горячую кожу. Я с силой повернула его лицо на себя, заставляя смотреть мне прямо в глаза.

— Проснись! — крикнула я, перекрывая шум чужого кошмара. — Там не я! Я никуда не ушла, я стою прямо рядом с тобой!

Расфокусированное и затуманенное отчаянием выражение на лице тифлинга вдруг начало таять. Он моргнул, фокусируясь на моих руках, крепко сжимающих его щеки.

— Какая же ты... Громкая и красивая, — хрипло выдохнул Вейл. И я, и он сам удивился тому, как искренне прозвучали эти слова. А в следующую секунду мостовая под нашими ногами треснула пополам.

Резкий толчок. Ощущение падения.

Нас с силой вышвырнуло из сна обратно в реальность, где

никто никого не предавал и где агентство продолжало свою деятельность. Я отшатнулась и едва не потеряла равновесие, когда Вейл резко распахнул глаза и с хриплым вздохом выпрямился в кресле. Мы чуть не столкнулись носами.

Глава 10

Вейл тяжело дышал и сжимал подлокотники кресла так, что материал жалобно скрипел под натиском его пальцев. Он дико огляделся, сбрасывая остатки морока, заметил меня, стоящую рядом, и его темные щеки едва заметно дрогнули. То ли от злости, то ли от того, что он вспомнил свои последние слова во сне. Но смущение длилось ровно секунду, дальше профессионализм взял верх над секундной заминкой.

Он резко поднялся на ноги, одним движением выхватывая из внутреннего кармана бланки ордеров и серебряный жетон.

— Нападение на гильдейских служащих при исполнении, — голос тифлинга рокотал, как надвигающаяся гроза. — Применение нелицензированной магии подавления. Иными словами — мошенничество.

Морту Дес вжалась спиной в стену, переводя ошарашенный взгляд с Вейла на меня.

— Это невозможно, — прошептала она, игнорируя угрозы тифлинга. — Как ты... Иномирянка. Ты не просто порвала паутину, ты вытащила его из персонального лимба!

Она сглотнула и посмотрела мне прямо в глаза с каким-то странным выражением:

— Он придет за тобой…

— Кто? — я нахмурилась, не зная, как воспринимать эти

бредни.

— Аргенто не упустит тебя. Такую силу... Он почувствует, если еще не почувствовал.

Вейл мгновенно напрягся. Одно только имя теневого банкира подействовало на него как красная тряпка на быка. Он решительно шагнул вперед, загораживая меня от ведьмы, и поднял жетон.

— Хватит заговаривать нам зубы. Я внимательно посмотрел на ваши потолочные украшения, Морту. Стеклянные бабочки с темным дымом. Вы не просто отгоняете кошмары от детей, вы вытягиваете их с помощью прялки, консервируете в эфир и продаете. Концентрированный чужой страх — элитный товар на черном рынке для темных артефакторов.

— Нет! Это неправда! — вскинулась ведьма, но ее глаза предательски забегали.

— Расскажете это следователям из Казначейства, — отрезал Вейл, прижал бланк к стене и начал быстро заполнять строчки. — Я выписываю ордер на конфискацию. Мы забираем прялку снов и всех этих ваших мотыльков прямо сейчас. Долг закрыт изъятым имуществом.

Лицо Морту Дес исказилось от неподдельного ужаса. Она бросилась к тифлингу, хватая его за рукав.

— Вы не можете! Слышите?! Бабочки сдерживают контур! Если вы заберете прялку сейчас, разорвется связь! Там дети... Они не проснутся!

Вейл замер с занесенным пером. Его взгляд стал тяжелым

и ледяным.

— Опять сказки про приютских сирот? Вы пытаетесь давить на жалость, чтобы спасти свой нелегальный бизнес и не платить по счетам?

— Это не сказки! — по щекам ведьмы покатились настоящие слезы. — Они лежат там, я лечу их прямо сейчас! Заберете прялку — и их сознание навсегда останется в изнанке снов!

Тифлинг посмотрел на меня, потом снова на ведьму, сжав челюсти.

— Немедленно предъявите пациентов.

Ведьма судорожно кивнула. Она метнулась к тяжелому книжному шкафу в углу комнаты, потянула за какой-то неприметный корешок — и массивный стеллаж бесшумно отъехал в сторону, открывая скрытый проход.

Мы шагнули следом за ней.

Внутри было прохладно, никаких ковров и свечей — только голые каменные стены. В центре комнаты стояли три узкие кровати.

На них лежали дети. Две девочки и мальчик, на вид лет восьми-десяти. Они спали, но их сон не был спокойным. Маленькие лица были искажены напряжением, веки мелко подрагивали, а пальцы судорожно комкали простыни. Вокруг головы каждого ребенка была плотно повязана тонкая мерцающая серебряная нить. Эти нити тянулись прямо к массивному, гудящему от магии веретену в углу комнаты — той

самой Прялке Кошмаров.

Вейл остановился на пороге, как вкопанный. Перо в его руке жалобно хрустнуло и сломалось пополам.

Она не врала. Если сейчас изъять артефакт, серебряные нити оборвутся, заперев этих детей в бесконечном кошмаре.

Тифлинг медленно опустил руки. Его плечи поникли, а в глазах отразилось глухое отчаяние. Закон гильдий строго запрещал изымать имущество, если это ставит под угрозу жизнь третьих лиц. Но даже если бы такого закона не было, мы оба понимали, что никогда бы не притронулись к этой прялке. Мы снова оказались в абсолютном тупике.

Я решительно шагнула вперед, вставая между отчаявшимся тифлингом и ведьмой, и уперла руки в бока.

— Значит, мы заберем деньги, — ледяным тоном заявила я. — Либо тысяча золотых прямо сейчас, либо я лично подаю в Казначейство жалобу и доказываю, что вы имеете скрытые доходы от теневой продажи концентрированных кошмаров. Выбирайте.

Морту Дес побледнела.

— Какая же вы жестокая, — прошипела она, глядя на меня с нескрываемой неприязнью.

— Ошибаетесь, — я даже не моргнула. — Жестокая женщина просто забрала бы прялку, вычеркнула вас из реестра и ушла, оставив этих детей в вечном лимбе. Я же предлагаю вам сохранить не только артефакт, но и вашу лицензию. Но при этом я не позволю обманывать ни себя, ни агентство.

Торг уместен. Начинаем.

Ведьма нервно сглотнула, оценивая мою решимость.

— Семьсот золотых.

— Тысяча.

— Восемьсот... И десять флаконов очищенного сонного эфира сверху, — Морту Дес прижала руки к груди, словно отрывала от сердца последнее.

Я вопросительно посмотрела на напарника. Вейл, наконец вышедший из оцепенения, мрачно кивнул:

— Эфир абсолютно ликвиден. Хангри продаст его алхимикам за пару часов.

— Восемьсот пятьдесят, — отчеканила я, обращаясь к ведьме. — Плюс десять флаконов эфира. Остаток долга и набежавшие проценты вы будете выплачивать равными платежами в течение месяца. И с этого дня все ваши доходы от продажи снов официально проходят через бухгалтерию нашего агентства до полного расчета.

Морту Дес поджала губы, понимая, что ее загнали в угол.

— А как же дети? — тихо спросила она, покосившись на спящих малышей.

— Продолжают лечиться бесплатно, — я старалась лишний раз не смотреть на кровати, чтобы сердце не сжималось от жалости. — Это мы пропишем отдельным пунктом в дополнительном соглашении. Чтобы ни у одной гильдии не возникло к вам вопросов.

Лицо ведьмы дрогнуло. Впервые за весь наш визит она по-

настоящему улыбнулась с усталой, но искренней благодарностью:

— Договорились.

Она подошла к противоположной стене и провела ладонью по каменной кладке. Часть деревянной панели с тихим шорохом отъехала в сторону, открывая вмонтированный в стену сейф. Внутри туго набитыми рядами лежали мешочки с золотом, стопки банковских векселей и несколько десятков хрустальных флаконов, в которых плескалась переливающаяся серебристая жидкость.

Вейл красноречиво посмотрел на содержимое сейфа, а затем перевел тяжелый взгляд на Морту.

— «Мне совершенно нечем платить», — саркастично процитировал он.

— Большая часть этого золота принадлежит моим клиентам! — возмутилась ведьма, всплеснув руками.

— Разумеется, — хмыкнул тифлинг.

Пока Вейл пересчитывал восемьсот пятьдесят золотых монет и проверял каждый флакон с эфиром своим гильдейским жетоном на подлинность, я устроилась за письменным столом ведьмы и быстро набросала текст дополнительного соглашения. Морту Дес молча прочитала бумаги и поставила размашистую подпись черными чернилами.

Когда с бюрократией было покончено, а Вейл начал убирать добычу в свою безразмерную рабочую сумку, ведьма вдруг подошла ко мне вплотную.

— Вы ведь могли бы избавиться от своего кошмара, Вика, — почти интимно произнесла она.

— От какого именно?

— От того промозглого утра, когда он собрал чемоданы и ушел. От белых стен кабинета врача. От последних месяцев изматывающей боли, — ее глаза блеснули потусторонним светом. — Я могу вытянуть это. Забрать все, что тянет вас на дно, и запереть в стекле. Вы будете помнить только хорошее.

Я на мгновение замерла. Искушение было велико. Просто стереть из памяти предательство, унижение, запах больничных коридоров и ту липкую, разъедающую жалость к самой себе.

Но затем я покачала головой.

— Нет.

— Почему? — искренне удивилась Морту.

— Потому что это не мой позор, — твердо ответила я. — Это его позор. А моя память — это единственное доказательство того, что я пережила все это и не сломалась. Мне не нужно прятать свои шрамы в стеклянные банки.

Ведьма долго смотрела на меня. В конечном итоге по ее лицу промелькнула тень уважения.

— Как пожелаете. Но тогда хотя бы примите один бесплатный совет, — она понизила голос до шепота. — Дракон не станет покупать вас силой. Аргенто слишком умен для этого. Он все обставит так, что его клетка покажется вам аб-

солютной свободой.

— Я не люблю клетки, из какого бы золота они ни были сделаны.

— Все так говорят, — Морту Дес грустно усмехнулась. — Ровно до тех пор, пока не увидят размер спальни и толщину ковров.

Молния на сумке Вейла застегнулась с резким звуком.

— Мы закончили, — сказал тифлинг и подошел ко мне.

Ведьма перевела на него свой проницательный взгляд:

— Вы боитесь не того, что Аргенто заберет ее силой, Вейл.

— Не советую продолжать эту тему, Морту, — предупредил он угрожающим тоном.

— Вы боитесь, что она сама, по доброй воле выберет его дом, — безжалостно закончила ведьма, игнорируя угрозу. — Потому что там ей предложат абсолютную безопасность, роскошь и свободу от долгов. А вы... Вы можете предложить ей только пыльный чердак, опасную работу, где ее в любой момент могут убить, и собственное дурное настроение.

Вейл никак не реагировал на эти заявления, только лишь его длинные пальцы мелко дрогнули, удерживая ручку сумки.

— И самое печальное в этой истории, господин Вейл, — тихо добавила ведьма. — Что вы уже заранее решили за нее, какой именно выбор она сделает.

Вейл не сказал ни слова, просто взял меня за локоть —

крепко, но осторожно — и почти силой вывел из комнаты, а затем и из дома ведьмы на улицу.

Утро уже вступило в свои права, но воздух был зябким и пропитанным сыростью. Только оказавшись на улице, я поняла, что меня бьет мелкая дрожь — то ли от утренней прохлады, то ли это был запоздалый откат после пережитого в мороке кошмара.

Несколько секунд Вейл стоял молча, глядя куда-то поверх крыш. Затем резко стянул с себя плотный рабочий плащ и молча набросил его мне на плечи. Ткань хранила тепло его тела, поэтому я инстинктивно закуталась в нее поплотнее.

— Спать, — глухо бросил он, не глядя мне в глаза. — Возвращаемся в контору. До полудня никаких выездов и контрактов. Это приказ.

Я устало кивнула, чувствуя, как адреналин окончательно покидает тело, оставляя после себя звенящую пустоту.

— А потом? — спросила я, стараясь, чтобы зубы стучали не слишком громко.

Вейл остановился у края тротуара, выискивая глазами свободный экипаж, и его губы тронула мрачная усмешка.

— А потом мы пойдем в гости к некроманту.

— Надеюсь, он хотя бы не будет укладывать нас спать и копаться в чужих мозгах.

— Он работает с мертвыми, Вика, — философски заметил тифлинг. — Поверь, у него найдутся совершенно другие, куда более изобретательные способы испортить нам день.

Глава 11

После визита к Морту Дес я поднялась на свой чердак, практически не чувствуя ног. Упала на узкую кровать и мгновенно провалилась в тяжелый сон, даже не найдя в себе сил снять одежду.

Мне казалось, что я только-только закрыла глаза, как в дверь деликатно постучали:

— Вика, просыпайся, — донесся из-за досок приглушенный голос Хангри. — Уже полдень.

Я с трудом разлепила веки. В памяти тут же непрошенной кинолентой всплыла старая квартира и бывший муж с чашкой чая в руках. Но этот образ почти сразу перекрыла другая картинка: Вейл, стоящий на коленях на холодной брусчатке, закованный в тяжелые цепи.

И, к моему собственному удивлению, последняя фантазия расстроила меня куда сильнее. Может быть, потому что Вейл, в отличие от бывшего мужа, был здесь? Не в прошлой, законченной жизни, а в этой, настоящей. И его отчаяние в том мороке было слишком реальным, чтобы от него просто отмахнуться.

Я села на кровати, с силой потерла лицо ладонями, прогоняя остатки сна, и вдруг заметила на спинке поцарапанного стула плащ Вейла. Вчера я так замерзла, что принесла его сюда на автомате, а тифлинг ушел, не став забирать.

Я протянула руку и провела пальцами по плотной темной ткани. От нее едва уловимо пахло уличной прохладой, дымом, потертой кожей и какими-то терпкими травами. Я прикрыла глаза, на секунду замирая и вдыхая этот запах.

— Совсем с ума сошла, — пробормотала я себе под нос, резко одергивая руку. — Мужскую одежду нюхаю... В шестьдесят-то лет!

Я быстро умылась ледяной водой из таза, привела себя в порядок, привычно одернув рубашку на своих мягких и округлых формах, к которым еще предстояло привыкнуть, и спустилась вниз.

В кабинете Хангри царил привычный рабочий хаос. Орчиха сидела за своим широким столом и методично пересчитывала золотые монеты, полученные от ночной ведьмы, аккуратно складывая их в блестящие столбики. Рядом суетился Мортимер: халфлинг сосредоточенно ставил хрустальные флаконы с сонным эфиром в деревянный ящик, бережно перекладывая их сухой соломой, чтобы не разбились.

А у окна обнаружился Вейл… Он спал, откинув голову на стену и скрестив руки на груди. Его изогнутые темные рога упирались в деревянную панель. Во сне вечно хмурое и напряженное лицо казалось обманчиво спокойным, но резкие тени под глазами на ежевичной коже выдавали крайнюю степень измотанности. Казалось, что в них даже можно провалиться, как в черные дыры, настолько они были контрастными.

Я замерла на последней ступеньке.

— Он что, даже не ложился? — тихо спросила я.

— Ложился, — так же шепотом ответила Хангри, не отрываясь от пересчитывания монет. — На этот стул. Полчаса назад.

— Почему он не пошел домой?

— Потому что этот рогатый трудоголик сначала составлял подробный отчет о взыскании, потом дважды перепроверял флаконы, а потом еще трижды перечитал твое дополнительное соглашение, чтобы убедиться, что ведьма не оставила в нем магических лазеек.

Я покачала головой, подошла ближе и аккуратно положила темный плащ на край стола.

Шорох ткани был едва слышным, но Вейл распахнул глаза мгновенно, словно внутри него сработала сигнализация, и он вовсе не спал, а просто сидел с закрытыми глазами.

Его взгляд — ясный, сфокусированный и острый — сначала остановился на моем лице, а затем медленно опустился на сложенный плащ.

— Ты должна была отдыхать до полудня, — хрипловатым со сна голосом сказал он. Это что за внезапные проявления заботы?

— Так уже полдень.

Тифлинг повернул голову к настенным часам. Убедившись, что стрелки действительно сошлись на цифре двенадцать, он тяжело вздохнул и раздраженно размял затекшие

плечи.

Я с любопытством проследила, как Вейл поднялся на ноги и привычным маршрутом зашагал в сторону стола Хангри, вытянул из стопки очередную папку — на этот раз из плотного мрачноватого черного картона — и бросил ее передо мной, коротко зевнув.

— Гаспар, — представил он нашу следующую проблему. — Местный некромант. Два года назад он занял у агентства семьсот золотых на приобретение редкого артефакта — Колокола возвращения.

Я открыла папку, привычно вчитываясь в ровные строчки договора под объяснение Хангри:

— С помощью этого колокола можно ненадолго пробуждать умерших и поднимать их тела для исполнения черной, тяжелой физической работы.

Я дошла до раздела об обеспечении долга и вчиталась в формулировки. «В качестве залогового имущества выступают: Колокол возвращения, оборудование похоронного дома, транспортные средства и доходы, полученные в результате коммерческой эксплуатации поднятых работников».

Я на секунду запнулась и перечитала последнюю строчку вслух:

— Поднятых работников?

— Скелеты, — жизнерадостно пояснил Мортимер, забивая крышку ящика с эфиром маленьким молоточком. — Ну, и немного зомби. У него, например, один покойник без го-

ловы работает кучером на катафалке. Очень аккуратно водит, кстати! Ни разу правила не нарушил.

Я представила себе эту картину и мысленно содрогнулась, но деловая хватка быстро взяла верх над брезгливостью.

— Хорошо, допустим. И что мешает нам просто забрать этот колокол или оборудование, если он просрочил выплаты?

— Городской закон, — мрачно ответил Вейл, присаживаясь на край стола. — Кладбища и похоронные дома относятся к объектам общественной необходимости первой категории. Мы не имеем юридического права изымать оборудование, если без него прекратятся регулярные захоронения. Казначейство нас сожрет, если в столице начнется санитарная катастрофа из-за невывезенных тел.

— Значит, изымаем доходы, — логично рассудила я. — Доходы-то не являются объектом общественной необходимости.

— В том-то и проблема. Официально доходов у него нет, — вздохнула Хангри. — Гаспар на голубом глазу утверждает, что все мертвецы работают на него исключительно добровольно. А сам похоронный дом и вся его выручка принадлежат не ему лично, а артели усопших.

Я медленно подняла взгляд от договора и посмотрела на орчиху, надеясь, что ослышалась.

— Мертвые... Создали артель?

— Гаспар создал ее от их имени, — поправила Хангри.

— По документам он вообще не владелец бизнеса. Он всего лишь скромный бессменный управляющий. А все деньги, которые зарабатывает похоронный дом, якобы уходят в фонд артели: на сохранение тел, оплату новых участков для могил, ремонт склепов и благотворительные похороны бедняков.

— Благородно-то как, — я скептически выгнула бровь. — А сам-то он живет на что? Святым духом питается?

— На скромное вознаграждение управляющего, — усмехнулся Вейл. Но усмешка получилась злой, у меня от нее пробежал холодок по спине. — В трехэтажном особняке из черного мрамора. С золотой ванной и штатом живой прислуги.

— Очень скромный человек, — кивнула я, перелистывая приложения к договору.

Под основным контрактом была подшита пухлая стопка листов — устав той самой «Артели добровольно трудящихся усопших». Документ был просто огромным, с десятками перекрестных пунктов, подпунктов, витиеватых ссылок на прецедентное право, красными и синими печатями и целой горой приложений. Это был шедевр бюрократического словоблудия, созданный для того, чтобы запутать любого аудитора.

— Кто это вообще составлял? — спросила я, чувствуя, как от одного вида этого текста у меня начинает ныть затылок.

— Сам Гаспар, — ответила Хангри, пряча монеты в сейф. — До того, как обнаружить в себе дар некроманта, он пять лет отучился на юридическом факультете в столичном уни-

верситете.

Я смерила устав долгим взглядом.

— Юрист-некромант. Какая отвратительная комбинация.

Вейл оттолкнулся от стола и выпрямился.

— Именно поэтому мы пойдем туда, заберем у него все, до чего сможем дотянуться юридически, и уйдем до наступления темноты, — сказал он, проверяя, на месте ли жетон.

Я стала застегивать пуговицы на кардигане, попутно пытаясь понять его тайминг.

— А почему именно до темноты? Боишься, что он вызовет адвокатов, работающих в ночную смену?

Мортимер, который до этого весело насвистывал, вдруг перестал улыбаться. Он очень серьезно посмотрел на меня своими круглыми глазами.

— После заката главные ворота городского кладбища запирают снаружи на тяжелые засовы, Вика.

— От посетителей? — не поняла я.

— От обитателей, — тихо ответил Вейл.

У ворот городского кладбища нас встретил скелет в форменной фуражке. На его шейных позвонках болталась деревянная бирка с номером «27», а перед ним на кафедре лежала пухлая книга посетителей.

Скелет скрипнул суставами, макнул перо в чернильницу и выжидательно уставился на нас пустыми глазницами. Вейл привычно вписал наши имена.

Костлявый палец постучал по графе «Цель визита».

— Взыскание долга, — тут же пояснила я.

Перо в руке скелета замерло. Затем он медленно повернул череп в сторону виднеющегося вдалеке похоронного дома и выразительно постучал пальцами по столу: *Тук. Тук-тук. Тук.* А затем провел ребром ладони себе по шейным позвонкам, имитируя перерезанное горло.

— По-моему, он пытается нам что-то сказать…

— У него нет языка, Вика, — Вейл махнул рукой и прошел мимо. — Это просто остаточный мышечный рефлекс.

— Знаешь, у некоторых моих бывших коллег на кафедре язык тоже был чисто декоративным органом. Но это не мешало им выступать на заседаниях часами.

Скелет номер двадцать семь энергично закивал. *Тук-тук-тук-тук-тук,* вторили косточки.

Территория кладбища больше напоминала оживленную стройку. Двое зомби тащили мраморную плиту. Еще один покойник увлеченно подметал дорожку, периодически теряя левую кисть, чертыхаясь (судя по жестикуляции) и вставляя ее обратно.

— Они всегда молчат? — спросила я, разглядывая номерные таблички на шеях работников.

— Большинство поднятых не сохраняют речь, — менторским тоном пояснил тифлинг. — Да она им для физической работы и не нужна. Меньше разговоров — больше дела.

Один из скелетов, красивших ограду неподалеку, очевидно, обладал отличным слухом. Он отложил кисть, повернул-

ся к Вейлу и выразительно показал ему средний палец.

Я остановилась.

— Кажется, местный профсоюз с тобой категорически не согласен.

— У него просто свело фаланги, — невозмутимости моего напарника можно было только позавидовать.

Услышав это, скелет поднял вторую руку и показал нам уже два средних пальца, сопроводив это весьма красноречивым движением таза. Тифлинг предпочел ускорить шаг.

Похоронный дом «Последний приют» оказался внушительным зданием из черного камня, чем-то напомнив мне особняк Аргенто. На крыльце красовался венок с жизнеутверждающей табличкой: *«Скидка 10% при предварительном заказе собственных похорон»*.

Внутри пахло ладаном и дорогой мастикой. За длинной стойкой кипела работа: один скелет деловито измерял живого, слегка потеющего мужчину деревянным метром, подбирая габариты гроба, а зомби-администратор оформлял накладные.

Из боковой двери к нам навстречу выплыл сам хозяин. Гаспар Мортейн выглядел как готический аристократ, который очень любит деньги. Дорогой бархатный костюм, идеальная бледность, массивные золотые перстни на пальцах и толстая цепь на шее.

— Мой любимый тифлинг! — он неожиданно расплылся в широкой улыбке, приветствуя нас. — Пришли заказать се-

мейный склеп?

— У меня нет семьи, — сухо ответил ему Вейл, качнув головой.

— Тогда персональный! С учетом специфики вашей профессии… Настоятельно рекомендую оплатить заранее. Всякое бывает, знаете ли.

Взгляд некроманта скользнул на меня, он галантно прижал руку к груди:

— А это кто? Неужели невеста? Какая потеря для брачного рынка. Рыжие вдовы так восхитительно смотрятся в черном кружеве.

— Взыскатель, — хором, не сговариваясь, ответили мы с Вейлом.

Тифлинг выложил на стойку ордер.

— Контракт номер двести девятнадцать. Семьсот золотых основного долга. Сто семьдесят пени.

Гаспар даже не взглянул на бумагу.

— Боюсь, вы проделали этот путь напрасно, господа. Я совершенно разорен. Гол как сокол.

Я выразительно посмотрела на его золотую цепь толщиной с мой палец:

— Вижу. Совсем обнищали. В золотой ванной, говорят, мыться приходится?

Гаспар на секунду запнулся, а Вейл бросил на меня быстрый одобрительный взгляд. Значит, продолжаем?

— Эти вещи мне не принадлежат, — быстро нашелся

некромант, возвращая на лицо скорбную мину. — Я всего лишь скромный наемный управляющий. Все имущество, включая здание, оборудование и пресловутую ванну, принадлежит «Артели добровольно трудящихся усопших». По городскому закону о посмертной автономии вы не можете взыскать коллективную собственность за мои личные долги.

— Идеально, — кивнула я. — Значит, взыскиваем доходы самой артели. Покажите бухгалтерскую книгу и протокол собрания, на котором эти милые люди... Простите, нелюди, назначили вас управляющим.

— Увы, архив временно закрыт.

— Почему?

— Архивариус умер, — развел руками Гаспар.

Я обвела взглядом зал, где трудилось с десяток оживших покойников.

— Судя по вашему штатному расписанию, смерть здесь вообще не является уважительной причиной для прогула. Ведите на производство. Будем проводить аудит.

Глава 12

Гаспар, скрипя зубами, повел нас в производственные цеха.

Здесь кипела работа. В первой комнате усопшие кроили саваны, во второй — полировали доски для гробов. В третьей двое скелетов собирали траурные венки: один держал цветы, а второй, старательно щелкая челюстью, привязывал черные ленты.

Мой взгляд сразу зацепился за большую доску с правилами распорядка, висящую на стене.

«Штрафы: За потерю конечности на рабочем месте — удержание стоимости ее восстановления из фонда. За самовольное прекращение движения — дополнительная смена. За попытку лечь в собственную могилу до окончания рабочего контракта — лишение выходного».

— У них есть выходные? — я искренне впечатлилась уровнем местной эксплуатации.

— Разумеется, — гордо приосанился некромант. — Один день в год. В годовщину их смерти.

— Какой щедрый соцпакет. Просто мечта профсоюза.

У стены стоял работник с выцветшей табличкой «42». В одной руке он сжимал молоток, а другой придерживал собственную голову, которая постоянно норовила съехать набекрень.

Я подошла ближе.

— Как вас зовут?

— Номер сорок два, — тут же ответил за него Гаспар. — Он не помнит имени. Поднятые тела сохраняют лишь простейшие моторные навыки. Никакой собственной воли.

— Я не вас спрашивала, — я посмотрела прямо в пустые глазницы работника. — Вы понимаете, что я говорю?

Скелет медленно, но четко кивнул.

Гаспар напрягся:

— Это просто остаточный рефлекс! Они реагируют на голос!

— Да? — я сложила руки на груди. — Тогда поднимите правую руку, уважаемый, если понимаете меня.

Сорок второй послушно поднял правую руку с зажатым в ней молотком. Остальные мертвецы в комнате замерли, прислушиваясь к нашему диалогу.

— А теперь поднимите левую, если хотите, чтобы ваш начальник наконец заткнулся и перестал отвечать за вас.

Скелет мгновенно вскинул левую руку. Голова, лишившись поддержки, тут же съехала ему на плечо.

По цеху прокатился тихий, сухой звук, подозрительно похожий на стук кастаньет. До меня не сразу дошло, что это остальные мертвецы беззвучно смеются, лязгая челюстями. Вейл демонстративно отвернулся к стене и очень внимательно принялся изучать трещину в штукатурке. Но его широкие плечи подозрительно вздрагивали.

— Это возмутительно! — голос Гаспара подскочил на пару октав вверх. — Они реагируют на прямые команды, у них нет личности!

— Если они просто безвольно выполняют команды, — я повернулась к некроманту. — То почему они не выполнили ваш приказ заплатить налоги и долги агентству? Вы же тут, вроде как, управляющий.

Пока Гаспар хватал ртом воздух, подыскивая юридические аргументы, я снова посмотрела на сорок второго:

— Вам платят жалование?

Скелет мотнул съехавшей головой.

— А что обещали за работу? Содержание могилы? Выплаты живым родственникам?

Он начал так энергично кивать, что голова едва не скатилась на пол, и застучал черенком молотка по верстаку. Тук-тук-тук. К нему тут же присоединились остальные. Зомби у двери издал глухое, крайне возмущенное мычание.

— Продолжать работу! — взвизгнул Гаспар, делая пассы руками.

Мертвецы нехотя задвигались, но теперь они делали это раз в пять медленнее, откровенно саботируя производственный процесс.

— Они вас прекрасно понимают, — констатировала я. — И мы подошли к главному логическому тупику, господин Мортейн. Ваш устав гласит, что они — полноправные дееспособные члены артели, которые владеют зданием и наняли

вас на работу.

— Посмертно дееспособны в ограниченном объеме! — нашелся бывший юрист.

— То есть, чтобы владеть зданием и бизнесом — их мозгов хватает, а чтобы получать свою зарплату — уже нет?

— Умершим не нужны деньги! — рявкнул некромант, не моргнув глазом.

Скелет номер сорок два посмотрел на него, а затем демонстративно разжал костлявые пальцы. Молоток с грохотом упал на пол. Вслед за ним инструменты бросили еще пятеро работников.

В прошлой жизни я видела достаточно кафедральных бунтов и забастовок, чтобы узнать этот момент. Тот самый момент, когда кто-то один перестает бояться начальства, и остальные понимают, что им тоже нечего терять (особенно, если ты уже умер).

Я протянула руку к напарнику:

— Вейл, дай устав.

Тифлинг с готовностью вложил пухлую папку мне в ладонь.

— Раздел восьмой, — япробежалась пальцем по строчкам. — «Внеочередное собрание созывается по требованию не менее одной трети членов артели».

Я обвела взглядом замерший цех.

— Уважаемые трудящиеся! Кто хочет прямо сейчас провести общее собрание, уволить управляющего и проверить,

куда делись ваши деньги — поднимите руку!

В воздух мгновенно взлетели десятки рук. Один из зомби, чтобы наверняка выразить свою гражданскую позицию, поднял оторванную левую руку правой.

Вейл повернулся к побледневшему некроманту. На губах тифлинга играла предвкушающая улыбка.

— Думаю, кворум собрался. Идемте в актовый зал, Гаспар.

Через двадцать минут весь трудовой коллектив «Последнего приюта» в полном составе собрался в главном зале для прощаний.

Скелеты чинно расселись на деревянных стульях, скрипя костями. Зомби, которым сидеть было тяжеловато из-за окоченения, подперли стены. Безголовый кучер устроился в первом ряду, заботливо положив свою голову себе на колени, чтобы ей было лучше видно президиум. Даже привратник номер двадцать семь покинул свой пост и пришел на собрание, прихватив амбарную книгу.

Гаспар нервно мерил шагами пространство перед пустой кафедрой.

— Это вопиющее нарушение! — вещал он, заламывая руки. — Собрание неправомерно! Вы не можете принимать решения без председателя!

Я невозмутимо перелистнула страницу пухлого устава:

— Раздел девятый, пункт третий. «Председатель собрания избирается простым большинством голосов». Итак, кол-

леги, выдвигайте кандидатуру.

— Я являюсь бессменным управляющим! — вставил свое слово некромант.

— Мы обсуждаем вашу профпригодность, господин Мортейн. Вы — заинтересованное лицо, так что у вас отвод, — я обвела взглядом зал. — Кто из присутствующих при жизни умел читать, писать и имеет опыт работы с документами?

Вверх взметнулось несколько рук. Вперед, постукивая по паркету голыми ступнями, вышел высокий скелет в истлевшем сюртуке с остатками былой роскоши. На его груди болталась бирка «17».

Он подошел к небольшой траурной доске, на которой обычно писали имена усопших, взял кусок мела и аккуратным, каллиграфическим почерком вывел:

«МАРЦЕЛЛ АВЕРИН. НОТАРИУС. СТАЖ 42 ГОДА».

Я с уважением посмотрела на специалиста:

— Идеальное резюме. Господин Аверин, согласны вести протокол нашего собрания?

Скелет-нотариус отвесил мне безупречный и до жути старомодный поклон.

— Да вы издеваетесь! — взвыл Гаспар. — Он не может вести протокол! У него на правой руке половины фаланг не хватает!

Марцелл медленно повернул череп к бывшему начальнику, поднял мел и крупно вывел на доске одно слово:

«ДОСТАТОЧНО».

По залу снова прокатился лязг челюстей. Зрители явно наслаждались внезапным шоу посреди бела дня.

— Итак, повестка дня! — громко объявила я. — Вопрос первый: подтверждение полномочий действующего управляющего. Кто считает, что господин Гаспар Мортейн должен продолжать распоряжаться доходами артели, поднимите руку!

Гаспар торопливо вскинул руку. В зале стояла гробовая (во всех смыслах) тишина. Ни одна кость не шелохнулась.

— Воздержавшиеся? — продолжила я.

Один робкий зомби в заднем ряду попытался приподнять руку, но стоящий рядом скелет угрожающе замахнулся на него лопатой, и рука спешно опустилась.

— Кто против?

Вверх взлетел лес рук. Безголовый кучер, не имея возможности поднять руку из-за занятости, поднял вверх свою голову.

— Решение принято единогласно, — я захлопнула устав. — Господин Мортейн, вы отстранены от управления до окончания финансовой проверки.

— Вы не имеете права! — Гаспар попятился, его лицо пошло красными пятнами. — Не вы решаете! Эти трупы принадлежат мне!

Зал замер.

Я медленно повернулась к некроманту.

— Повторите, что вы сейчас сказали?

Гаспар вдруг осознал, что ляпнул лишнего.

— Я... Я имел в виду, что это я их поднял! Моя магия!

Но было поздно. Вейл, который до этого с наслаждением наблюдал за процессом, отлип от стены и сделал к некроманту два широких шага, нависнув над ним темной скалой.

— Вы уж определитесь, Гаспар. Либо они — ваше имущество. И тогда мы прямо сейчас изымаем их вместе с инвентарем и колоколом в счет уплаты вашего личного долга. Либо они — самостоятельные разумные работники. И тогда они в своем полном юридическом праве сменить вороватого управляющего и затребовать проверку счетов.

— Это юридическая казуистика! — взвизгнул некромант, вжимаясь в кафедру.

— Нет, — ласково поправила я. — Это называется «выбрать одну ложь и придерживаться ее до конца». А вы попытались усидеть на двух стульях сразу.

Сзади раздался настойчивый стук. Марцелл энергично стучал мелом по доске, на которой только что появилось требование, подчеркнутое двумя жирными линиями:

«БУХГАЛТЕРСКАЯ КНИГА!».

Все мертвецы, как по команде, начали ритмично хлопать костями по подлокотникам стульев. *Тук-тук-тук. Тук-тук-тук.* Зрелище поистине ужасающее, если смотреть со стороны. Но так как я варилась в самом эпицентре событий, меня полностью захлестнул рабочий азарт.

Гаспар побледнел до цвета мела в руках нотариуса:

— Книги... Книги нет! Я же говорил, она потеряна вместе с архивариусом!

Марцелл Аверин отложил мел, спокойно подошел к стене, на которой висел парадный траурный портрет самого Гаспара, снял его с крючка и с силой нажал на неприметный деревянный завиток на панели.

Стена с тихим шорохом отъехала в сторону, открывая тяжелую железную дверь с кодовым замком.

— Моя частная собственность! — завопил Гаспар и метнулся к двери, пытаясь закрыть ее собой.

Он не успел сделать и двух шагов. Вейл перехватил его за воротник дорогого бархатного костюма и без видимых усилий приподнял над полом, заставив беспомощно болтать ногами по воздуху.

— Стоять, — ласково пророкотал тифлинг.

— Отпустите! Вы не имеете права! Это мое частное хранилище!

— Как мы только что выяснили, артель уволила вас с должности, — я подошла к железной двери. — Так что теперь это хранилище не ваше, а коллективное. Вскрываем.

Глава 13

Железная дверь поддалась на удивление легко — видимо, бывший юрист не слишком доверял магическим замкам, предпочитая старую добрую механику.

За ней оказалась небольшая комната, больше похожая на пещеру Али-Бабы. Вдоль стен выстроились сундуки, на полках теснились пухлые бухгалтерские книги, запечатанные сургучом конверты и увесистые мешочки с монетами.

Но главное сокровище находилось в самом центре. На высокой кованой подставке висел Колокол возвращения.

Он был отлит из тусклого, поглощающего свет металла и сплошь покрыт серебряной вязью некромантских рун. При коротком взгляде на него у меня заныли корни зубов. От языка колокола во все стороны тянулись десятки тончайших, почти невидимых глазу черных нитей. Они уходили прямо сквозь стены — к каждому поднятому мертвецу в этом здании.

А одна нить, серебряная и чуть более толстая, тянулась к массивному перстню на пальце Гаспара.

— Вот и наш залог, — удовлетворенно констатировал Вейл, не опуская некроманта на пол.

Гаспар дернул ногами, перестав вырываться.

— Вы не можете его забрать! Если вынесете колокол за пределы освященной земли кладбища, связь оборвется. Все

поднятые тела тут же рухнут, и в городе начнется эпидемия невывезенных трупов!

— Мы пока ничего не забираем, — я деловито подошла к полкам. — Мы пришли проводить аудиторскую проверку. Господин Аверин, прошу вас.

Марцелл с готовностью подошел к стеллажу и стянул самый толстый, переплетенный в черную кожу гроссбух. Он раскрыл его на середине, пробежался пустыми глазницами по строчкам и выразительно постучал костлявым пальцем по одной из колонок.

Записи велись с педантичной тщательностью. Доходы похоронного дома были просто астрономическими. Гаспар действительно перечислял какую-то жалкую кроху на закупку досок и лопат, но львиная доля прибыли ежемесячно утекала на счета с потрясающими, гениальными формулировками.

Я начала зачитывать их вслух, наслаждаясь моментом:

— Так-так... «Улучшение представительского облика руководителя». «Закупка антикоррозийных украшений». О, а вот это будет мое любимое: «Оздоровительные водные процедуры для поддержания магического тонуса».

Я повернулась к висящему в воздухе некроманту.

— Золотая ванна, перстни и, судя по статье «Исследование качества выдержанных жидкостей», элитный винный погреб? Исключительно необходимые производственные расходы, я полагаю?

Вейл тем временем откинул крышку одного из сундуков свободной рукой. Внутри тускло блеснуло золото. Много золота.

— Это резервный фонд! — отчаянно заверещал Гаспар с высоты тифлинговского роста. — На случай экстренных массовых захоронений во время эпидемии!

— Вот и славно. Значит, артель с легкостью выплатит наш долг прямо из этого резерва, — резюмировал Вейл и захлопнул сундук.

Но Марцелл не спешил закрывать книгу. Скелет-нотариус быстро перелистнул несколько страниц, остановился и крупно написал мелом на внутренней стороне двери сейфа:

«ВЫПЛАТЫ СЕМЬЯМ?».

Рядом он поставил огромный и жирный знак вопроса.

Я подошла ближе и вгляделась в мелкий почерк. Каждому усопшему при заключении этого жуткого посмертного контракта Гаспар обещал ежемесячно перечислять небольшую сумму его живым родственникам. Именно ради этого, чтобы их семьи не умерли с голоду, многие бедняки и согласились махать лопатой после смерти.

Но в графе выплат за последний год стояли сплошные прочерки.

Вместо сумм красными чернилами были выведены стандартные канцелярские отписки: «Родственник выбыл», «Адрес не найден», «Наследник отказался». Никаких подтверждающих документов или расписок к этим строчкам не при-

лагалось.

В хранилище протиснулся скелет номер сорок два. Его голова все еще опасно кренилась набок, но рука, которой он ткнул в раскрытую книгу, была твердой.

Напротив его номера, в графе «Получатель», значилось: «Дочь — Лорина Бест. Выплаты прекращены в связи со смертью получателя».

Скелет замер. Затем он судорожно, страшно замотал головой, выхватил у Марцелла мел и с силой, ломая хрупкий кусок, выцарапал на стене рядом с дверью:

«ЖИВА. 9 ЛЕТ».

В главном зале за стеной начался глухой, ритмичный стук. Остальные мертвецы, стоящие там, поняли, что происходит. Гаспар не просто наживался на их бесплатном труде — он присваивал деньги, которые должны были кормить их детей и вдов.

— Я не обязан разыскивать каждого нищего родственника по всем столичным трущобам! — сорвался некромант, панически глядя на обступающих его мертвецов. — Кто-то переехал, кто-то помер от лихорадки! А я поддерживаю ваши гниющие тела, чиню ваши кости, закупаю алхимические реагенты! Вы хоть представляете, сколько стоит качественная консервация трупа в этом климате?!

— И поэтому вы купили себе золотую ванну из их денег? — ледяным тоном уточнила я.

— Золото — это магически нейтральный металл! У меня

от дешевой меди сыпь и кожа шелушится!

Вейл брезгливо разжал пальцы.

Гаспар кулем рухнул на каменный пол. Тифлинг смотрел на скулящего некроманта с таким концентрированным отвращением, что даже не пытался скрыть эмоции под маской профессионализма:

— Семьсот золотых основного долга. Сто семьдесят пени. Плюс полный возврат всех незаконно удержанных выплат семьям артельщиков до последней медной монеты.

— Это же полностью разорит меня! — простонал некромант, хватаясь за голову.

Марцелл Аверин невозмутимо постучал мелком по железу, привлекая внимание, и аккуратно вывел ниже:

«ВАС УЖЕ УВОЛИЛИ».

Внезапно Гаспар рванулся с места. Прежде чем Вейл успел перехватить его, некромант допрыгнул до Колокола возвращения и дернул за язык.

Раздался тяжелый вибрирующий гул. Черные нити мгновенно натянулись, как струны. Мертвецы за дверью синхронно замерли, а в их пустых глазницах вспыхнул зловещий фиолетовый свет.

— Я их поднял! Они подчиняются мне! — истерично расхохотался Гаспар. Марцелл Аверин, дергаясь, как марионетка, против своей воли поднял костлявые кулаки и шагнул к нам.

Вейл заслонил меня широкой спиной, отшвыривая пер-

вых двух зомби, но их было слишком много. Я же лихорадочно изучала колокол. Черные нити уходили к мертвецам, но одна — серебряная — тянулась прямо к перстню на руке Гаспара. Управляющий контур!

Я схватила со стола нож для вскрытия писем и с размаху перерезала серебряную нить. Колокол жалобно звякнул. Перстень на руке Гаспара с треском разлетелся на куски.

Фиолетовый свет в глазах мертвецов мгновенно погас. Скелет номер сорок два заморгал, медленно повернулся к бывшему начальнику и многозначительно перехватил молоток поудобнее.

— Без насилия! — быстро скомандовала я. — Нам еще нужны его подписи на документах!

Сорок второй разочарованно опустил молоток, но все-таки от души пнул Гаспара по голени.

— Вейл, — вздохнула я, глядя, как мертвецы плотным кольцом обступают скулящего некроманта. — Кажется, у коллектива накопились вопросы по трудовым отношениям. Дадим им пять минут?

Новое соглашение подписывали быстро. Артель добровольно гасила долг из резервного фонда: семьсот золотых основы, сто семьдесят пени и еще двадцать сверху — за испорченный сюртук Вейла, которого пытался задушить зомби.

— Хоть это и компенсация морального ущерба, — аргументировала я, вписывая цифру. — Тебя же на самом деле чуть-чуть труп обнял.

— Тем более, — буркнул тифлинг, сгребая золото в мешок.

Гаспар, лишенный полномочий, имущества и целого рукава на рубашке, с ужасом уставился на приговор, выведенный Марцеллом на доске: *«ЛОПАТУ. ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ СРОК»*.

— Я дипломированный некромант! — всхлипнул он.

— Вот и славно, будете закапывать со знанием дела, — я не сдержалась и хихикнула в кулак.

Перед самым уходом Марцелл Аверин отвесил мне прощальный поклон и быстро написал на доске: *«ВЫ СТАРШЕ, ЧЕМ ВЫГЛЯДИТЕ. СПАСИБО»*. А сорок второй скелет сунул мне в руку бумажку с адресом своей живой дочки и три золотые монетки. Я молча кивнула и спрятала их в карман.

У ворот нас провожал привратник номер двадцать семь. Когда я проходила мимо, он потянул меня за рукав и быстро нацарапал на пыльном столе корявый кружок с чешуйками. *Аргенто.* Затем скелет ткнул костлявым пальцем мне в грудь и вывел еще два слова: *«НЕ ПУСТАЯ»*. И, отдав честь, вложил мне в ладонь крошечную золотую чешуйку.

В экипаже меня окончательно накрыло. Двое суток на ногах, стресс, ведьмы, бунтующие профсоюзы покойников... Карета подпрыгнула на кочке, а я в очередной раз клюнула носом, едва не впечатавшись лбом в стекло.

Вейл тяжело вздохнул, пересел на мое сиденье и жестко притянул меня к себе, укладывая мою голову на свое плечо.

— Я не сплю, — пробормотала я, борясь со слипающимися веками. — Я просто думаю. С закрытыми глазами.

— Очень громко думаешь. Уже храпишь, — голос тифлинга звучал прямо над ухом.

— Ты же говорил, что не нянька...

— Я и не нянька. Просто не хочу объяснять Хангри, почему наш самый проблемный взыскатель пробил головой окно. Спи, аудитор.

И он осторожно укрыл меня своим плащом.

Когда мы ввалились в кабинет агентства, Хангри дар речи потеряла от суммы в мешке. Девятьсот сорок золотых за один рейд.

— Вы что, ограбили кладбище? — ахнула она.

— Нет, мы просто провели внеочередное собрание трудового коллектива, — зевнула я.

И в этот самый момент в дверь постучали. На пороге стоял безупречно одетый лакей в ливрее с вышитым золотым драконом. Он вежливо поклонился, подошел к столу и положил ровно одну золотую монету.

И маленькую черную карточку: *«В счет долга. Буду счастлив продолжить наши финансовые операции завтра за чаем. Аргенто».*

Вейл посмотрел на монету так, словно готов был испепелить ее взглядом:

— Верните ему это. Мы не пойдем к нему.

— Платеж по действующему контракту не подлежит воз-

врату, — я не смогла сдержать улыбки, глядя на ошарашенного лакея.

— Что ж, у нас впереди четырнадцать лет плотного сотрудничества. Нам как раз не хватало постоянных клиентов.

Вейл медленно повернулся ко мне.

— На чердак, — прорычал он. — Немедленно. Пока я сам тебя туда не отнес.

— Обещаешь? — хмыкнула я.

Мортимер на заднем фоне подавился смешком, а Хангри спрятала лицо в ладонях.

Поднимаясь по лестнице, я сунула руку в карман и нащупала холодную золотую чешуйку. Дракон знал, что мы пойдем к некроманту, и начал свою игру. Но больше всего меня волновали слова скелета у ворот.

«Не пустая». Кажется, с моим новым телом все было далеко не так просто, как я думала.

Глава 14

На следующее утро я проснулась от непривычного обволакивающего тепла.

Несколько секунд я просто лежала с закрытыми глазами, наслаждаясь этим редким ощущением абсолютного уюта, и лениво пыталась понять, почему мне так удобно. А затем сквозь сон мозг зафиксировал, что поперек моего живота лежит тяжелая мужская рука.

Я резко распахнула глаза, сердце ухнуло куда-то в район желудка.

Никакого Вейла рядом, разумеется, не было.

На мне лежал всего лишь его плащ, небрежно свернутый плотным валиком. Видимо, ночью я замерзла на своем сквозняковом чердаке и во сне сама притянула его к себе, обняв вместо подушки.

— Дожила, — пробормотала я в потолок, поспешно садясь и отбрасывая вещь на край узкой кровати. — Уже чужую одежду по ночам обнимаю.

В этот момент в кармане что-то тихо, но отчетливо звякнуло.

Я замерла. Вспомнив про вчерашний подарок от кладбищенского привратника, я осторожно потянулась к карману и вытащила золотую чешуйку. В утреннем свете, пробивающемся сквозь мутное чердачное оконце, она выглядела еще

более странно. Размером с крупный ноготь, но на удивление тяжелая, словно отлитая из свинца. Вся ее поверхность была покрыта почти невидимой глазу вязью узоров.

Стоило мне провести по ним подушечкой пальца, как металл мгновенно потеплел, отзываясь на прикосновение. Обычной, пусть даже и драконьей, чешуей эта вещь точно не была. Значит, артефакт?

Я плотно завернула находку в платок, сунула в карман собственных брюк, быстро привела себя в порядок и спустилась вниз.

В кабинете агентства уже кипела жизнь. Мортимер меланхолично сортировал какие-то бланки у шкафа. Хангри нависала над раскрытой бухгалтерской книгой, хмуро водя толстым пальцем по столбцам цифр. Вейл стоял, прислонившись бедром к ее столу, и пил что-то темное из большой кружки. Судя по густому и едкому запаху, этот напиток был способен поднять на ноги не только уставшего тифлинга, но и парочку покойников из вчерашней артели.

Увидев меня, спускающуюся по ступеням, он первым делом красноречиво посмотрел на свой плащ, который я перекинула через руку:

— Ты снова его забрала.

— Он сам ко мне привязался, — я невозмутимо пожала плечами и протянула ему одежду. На какое-то неуловимое мгновение длинные пальцы Вейла задержались на ткани, словно он проверял, не осталось ли на ней чего-то посто-

роннего. Или, может быть, почувствовал, что она сохранила мое тепло.

— Ты поспала? — спросил он, отпивая из кружки.

— Часа четыре.

— Этого недостаточно.

— Ты что, теперь будешь еще и вести строгий учет моего сна?

Хангри демонстративно громко захлопнула счетную книгу, прерывая наш диалог:

— Закончили ворковать? Тогда перейдем к тому, ради чего мы все еще не отправились в ближайший трактир праздновать спасение конторы.

Она развернула тяжелый гроссбух к нам.

— После вчерашнего грандиозного взыскания, быстрой продажи части эфира Морту Дес и уплаты всех конских банковских комиссий за обналичивание нам не хватает ровно четырехсот тридцати золотых до минимального спасительного платежа Казначейству.

— У некроманта мы забрали больше девятисот, — нахмурилась я, прикидывая в уме цифры.

— Из которых семьсот принадлежали кредитору — Гильдии Артефактов, — терпеливо пояснила Хангри. — Агентство оставляет себе только комиссию за работу, набежавшую пеню и оплату накладных расходов. Так что мы еще не спасены, Вика. Мы просто стоим одной ногой над пропастью вместо двух.

Она полезла в стопку на краю стола и вытащила ту самую серую картонную папку. Я узнала ее мгновенно.

— Борг?

— Борг, — мрачно подтвердил Вейл, отставляя пустую кружку.

Мортимер у шкафа перестал перекладывать бумаги и страдальчески сморщил веснушчатый нос:

— А может, все-таки поищем кого-нибудь другого?

— Других ликвидных долгов нет, Морти, — отрезала орчиха. — Пятьсот золотых основного долга. Сто двадцать пени. Если Вейл с Викой вернут хотя бы основную сумму, мы закрываем платеж Казначейству.

— Если они вернутся оттуда сами, это уже будет огромным достижением, — философски заметил халфлинг.

Вейл молча выдвинул нижний ящик стола и достал две плотные кожаные полумаски с круглыми металлическими фильтрами по бокам. Одну он небрежно бросил на столешницу передо мной.

— На этот раз ты ее наденешь, — безапелляционно заявил он.

— А если я предложу вместо этого снова наведаться в театр? — я с сомнением покосилась на жутковатый прибор.

— Лерой после двух наших визитов наверняка спит в запертой гримерке в обнимку с сейфом и вздрагивает от слова «аудитор», — хмыкнул тифлинг.

— Это лишь значит, что наша методика работает.

— Маску, Вика.

Я со вздохом взяла полумаску в руки. Она была сделана из толстой и грубой кожи, а от фильтров отчетливо несло древесным углем и какими-то горькими травами.

Не дожидаясь, пока я разберусь с креплениями, Вейл шагнул вплотную ко мне, забрал маску из моих рук и сам накинул ремешки на затылок. Его пальцы мимолетно коснулись моих волос, затягивая пряжки. Он нахмурился, внимательно проверяя, плотно ли прилегает жесткая кожа к моим скулам.

— Дыши, — скомандовал он.

Я сделала осторожный вдох. Воздух шел туго, а после появлялся привкус аптеки во рту.

— Вроде получается.

— Еще раз и глубже.

— Вейл, я шестьдесят лет дышала абсолютно автономно без твоих ценных указаний.

— Поэтому сейчас ты, видимо, планируешь перестать это делать из чистого упрямства?

Он поднял руку и плотно прижал широкую ладонь к одному из металлических фильтров на моей щеке. Я почувствовала, как маска тут же вакуумно присосалась к лицу.

— Вдох.

Я послушно втянула воздух. Теперь он с легким свистом поступал только через второй фильтр.

Вейл убрал руку.

— Герметично.

Мы стояли непозволительно близко. Я видела каждую золотую крапинку в его радужке, как напряжена линия его челюсти, свежую тонкую царапину у самого уголка губ — видимо, сувенир от вчерашней стычки с зомби у некроманта. Мое новое и предательски молодое сердце снова сбилось с ритма, отстукивая совершенно не солидную для пенсионерки чечетку.

Вейл первым отвел взгляд и отступил на шаг, возвращая привычную дистанцию.

— Не снимай ее внутри башни, — жестко проинструктировал он, надевая свою маску на шею. — Что бы Борг ни говорил.

— Даже если он предложит выпить чаю?

— Особенно — если предложит чай.

Хангри протянула Вейлу подписанный ордер.

— Будьте осторожнее. Борг не просто сумасшедший параноик. Он умный сумасшедший. А это в сто раз хуже.

Алхимический квартал располагался на самой окраине столицы и выглядел как декорации к фильму про индустриальный апокалипсис.

Чем ближе наш наемный экипаж подъезжал к владениям Борга, тем реже на улицах встречались прохожие. Нарядные каменные дома с лепниной сменились глухими фасадами складов, гудящими плавильнями и высокими кирпичными трубами. Воздух здесь был тяжелым и сизым от смога. Он царапал горло и отчетливо вонял жженым металлом и про-

кисшим уксусом.

Возница резко натянул вожжи за два перекрестка до нужного адреса.

— Дальше не поеду, господа, — категорично заявил он, отворачиваясь.

— Мы заплатили до самых ворот башни, — нахмурился Вейл, приоткрывая дверцу.

— А я хочу дожить до сегодняшнего ужина! — тут же категорично огрызнулся кучер.

Он, не церемонясь, сбросил нашу сумку с рабочим инвентарем прямо на грязную мостовую, хлестнул лошадей и спешно развернул экипаж, уносясь прочь.

Я проводила его взглядом, поправляя ремешки маски на шее.

— У ваших должников просто потрясающая репутация в сфере услуг.

— Ты еще не видела тех, к кому даже за тройную плату ни один возница ехать не соглашается, — мрачно отозвался Вейл, подхватывая сумку. — Идем пешком.

Башня Борга вынырнула из-за поворота грязного переулка. Она была невысокой, но массивной и приземистой, сложенной из закопченного черного камня. Здание окружала двойная железная ограда, между прутьями которой была натянута частая металлическая сетка. Из труб, торчащих из крыши, как иголки из дикобраза, периодически с шипением вырывались клубы разноцветного дыма.

И мне как-то стало не до смеха.

Трава вокруг ограды отсутствовала в принципе — земля была выжжена до состояния серой корки.

На глухих воротах криво висело сразу несколько предупреждающих табличек:

«Опасность заражения».

«Зона строгого карантина».

«Вход только в защитном алхимическом костюме».

«Смерть посетителя на территории не является основанием для возврата предоплаты».

А чуть ниже, свежей красной краской, кто-то размашисто приписал:

«Коллекторы обслуживаются вне очереди. В морге».

— Похоже, нас здесь очень ждут, — хмыкнула я.

— Он всегда обновляет эту надпись в ожидании моего визита, — Вейл невозмутимо натянул маску на лицо, проверил клапаны и с силой толкнул створку ворот.

Они даже не шелохнулись — заперто намертво.

Вейл подошел к стене рядом с калиткой. Из камня там торчала изогнутая медная труба с широким раструбом. Тифлинг наклонился и рявкнул в металлическое жерло так, что я аж подпрыгнула на своем месте и прижала ладони к груди, где колотилось сердце:

— Борг! Агентство безнадежных взысканий! Откройте ворота, ордер у меня на руках!

Несколько секунд стояла абсолютная тишина. Затем из

глубины трубы донесся искаженный эхом раздраженный мужской голос:

— Я же всеобщим языком на табличке написал! Я нахожусь на строгом карантине!

— Карантин не приостанавливает долговые и финансовые обязательства, Борг!

— А я и не отказываюсь платить!

— Замечательно. Тогда открывайте и платите.

— Сейчас не могу!

— И какая же у нас причина на этот раз?

— Заражение! Опасная утечка!

Я отодвинула тифлинга плечом и сама встала перед раструбом.

— Какая именно болезнь, господин Борг? — громко и с интонацией строгой проверяющей поинтересовалась я.

На другом конце трубы повисла озадаченная пауза.

— А это еще кто такая? Вейл, ты водишь с собой женщин на верную смерть?

— Специалист по санитарным рискам и эпидемиологическому контролю, — не моргнув глазом, представилась я. Вейл рядом со мной медленно закрыл глаза рукой в перчатке. Не дождавшись ответа, я повторила с нажимом: — Так какая болезнь?

— Э-э... Алхимическое заражение третьего класса! — выпалил Борг, явно придумывая на ходу.

— Тип распространения воздушный?

— Разумеется!

— Инкубационный период?

Борг промолчал.

— Пути передачи? Степень поражения слизистых? — продолжала наседать на хитрого алхимика я.

А в ответ — снова молчание.

— Номер официального извещения, направленного вами в городской Санитарный надзор?

— Я не обязан отчитываться перед какой-то девчонкой с улицы! — огрызнулся голос из трубы.

— Передо мной не обязаны. Зато обязаны перед городскими властями, — я добавила в голос больше зловещего металла. — Незарегистрированное заражение третьего класса, скрытое от властей, означает немедленную принудительную эвакуацию всего квартала силами боевых магов. Полное уничтожение всех ваших лабораторных образцов огнеметами и бессрочное опечатывание башни…

Вейл склонился к моему уху и тихо, сквозь фильтры маски, произнес:

— Ты ведь опять это прямо сейчас из головы придумываешь?

— Частично, — так же тихо отозвалась я, на всякий случай ладонями зажав трубу. — В моем мире СанПин работал примерно так же.

Из трубы донеслось нервное покашливание.

— Послушайте... Карантин частный! Сугубо профилакти-

ческий! Никакой реальной опасности для города нет, я все контролирую!

— В таком случае вы можете открыть ворота и впустить нас, — заметил Вейл и наклонился ближе к моему плечу, чтобы алхимик наверняка разобрал его бормотание сквозь маску.

Я невольно замерла, прислушиваясь к тихому шипению.

— Не могу! Внутри все равно опасно для неподготовленных!

— Но эпидемиологического заражения нет?

— Есть... Локальное загрязнение среды.

— Какое конкретно?

— Сложное!

— Господин Борг, — я прочистила горло и вцепилась в край трубы пальцами, лишь бы не вырвать ее из стены от раздражения. — Выбирайте. Либо ваша башня тотально заражена и мы прямо отсюда идем вызывать инспекторов с огнеметами, которые сожгут ваши архивы. Либо заражения нет и вы впускаете официальных взыскателей с ордером. Время пошло.

Для пущей убедительности я начала постукивать по ржавому металлу. Борг несколько секунд тяжело дышал в переговорную трубу, а потом прошипел:

— Вы считаете себя очень умной, да?

— Мне неоднократно об этом говорили компетентные люди.

— В основном ты говоришь это себе сама, — вставил свои пять копеек Вейл.

— Не мешай сложным переговорам, Вейл!

Где-то в механизме за железной оградой громко и недовольно лязгнуло. Тяжелые створки ворот медленно и со скрипом поползли в стороны.

— Заходите! — рявкнул алхимик. — Но учтите: если с вами внутри что-нибудь случится, это будет исключительно ваша собственная вина! Я вас предупреждал!

— Наша вина, господин Борг, начнется только после полной выплаты долга по квитанции, пока что все лежит на вас. Веди, Вейл.

Глава 15

Мы миновали ворота, которые с лязгом захлопнулись прямо за нашими спинами, едва мы сделали шаг вперед за территорию. Словно только и ждали, как бы прихлопнуть нас вместе с воздухом, как двух назойливых мух, жужжащих про долги-долги-долги.

Двор Борга больше напоминал выставку достижений безумного естествоиспытателя. Вдоль узкой вымощенной камнем дорожки стояли огромные — в человеческий рост! — стеклянные резервуары, опутанные сетью медных трубок. Внутри одного из них в мутной зеленоватой жидкости лениво плавало нечто пульсирующее и многощупальцевое.

Я старалась не смотреть на это слишком пристально. Потому что чем дольше делала это — тем ощутимее бегали мурашки по шее.

— Что это? — приглушенно спросила я сквозь маску, не выдержав гнетущего молчания.

— Понятия не имею. Но в мой прошлый визит щупалец у этой дряни было определенно меньше.

Мы дошли до середины двора, когда прямо из земли перед нами с тихим шипением выдвинулся металлический столб. На его вершине с лязгом открылась круглая заслонка, подозрительно похожая на механический глаз.

— Остановитесь, — скомандовал голос алхимика из

скрытого динамика. — Обработка.

Из мелких отверстий, вмонтированных в брусчатку вокруг нас, с оглушительным свистом вырвался густой белый пар. Вейл среагировал мгновенно, резко шагнул ко мне, обхватил за плечи и с силой прижал к груди, полностью закрывая своим широким телом от дымки неизвестного происхождения. Плотное марево окутало нас с головы до ног, оседая на одежде влажной и едкой испариной.

Через несколько секунд завеса рассеялась. Вейл разжал руки, отступая на шаг и настороженно оглядываясь.

— Дезинфекция, — самодовольно сообщил Борг сквозь помехи. — Не благодарите.

— В следующий раз предупреждайте до того, как нажмете кнопку! — прорычал тифлинг, стряхивая капли с рукавов.

— Я же предупредил… Не виноват, что у вас плохая реакция.

Я осмотрела маску Вейла, затем потрогала свои фильтры. Вроде бы ничего не испортилось. Так что мы подошли к массивной двери башни, постояли, переглянулись, постучали, подергали круглую ручку в виде морды какого-то монстра — и только потом тяжелые створки разъехались в стороны, явно управляемые механизмом безумного алхимика. Который продолжал искать пути отступления или же попросту тянул время.

Внутри башня оказалась еще более странной. За дверью начинался закругляющийся коридор, стены которого были

доверху покрыты переплетением труб разных калибров. Где-то в глубине стен постоянно что-то булькало, натужно скрипело и посвистывало, словно здание было огромным живым организмом, которому тоже требуется дышать и качать кровь.

Но самым примечательным был пол: прямо на камне были нарисованы три яркие толстые линии. Красная вела вверх по винтовой лестнице. Синяя уходила вниз — в подвальные помещения. А желтая тянулась вдоль коридора и внезапно упиралась прямо в глухую каменную стену.

Рядом висела медная табличка с пояснениями:

«Красная линия — лаборатория. Синяя — склад. Желтая — на случай паники».

Я остановилась и задумчиво уставилась на тупик.

— Стесняюсь спросить, а почему линия для паникующих ведет прямо в стену?

— Паника редко отличается здравым смыслом, — философски отозвался голос Борга из металлического раструба под потолком. — Зато об стену отлично тормозится.

Вейл достал из кармана ордер и поднял его вверх, показывая местной системе… Э-э-э… Наблюдения?

— Где вы? Мы идем оформлять взыскание.

— Я нахожусь в безопасном помещении. Изоляторе.

— Спускайтесь сюда.

— Не могу подвергать себя неоправданному риску!

— Вы находитесь в своей герметично закрытой башне.

— Именно поэтому и не могу! Я знаю, что у меня тут хранится.

Пока они препирались, я сняла перчатку и провела кончиком пальца по одной из труб, идущих вниз. Металл был ощутимо теплым и слегка вибрировал. Затем мой взгляд зацепился за каменный пол.

— Господин Борг, — громко сказала я, перебивая их диалог. — А вы точно соблюдаете строгий карантин и ни с кем не контактируете?

— Абсолютно!

— В таком случае, откуда у ворот свежие следы от тяжелой телеги, прорезавшие влажную после вчерашнего дождя грязь? И почему здесь, у двери, рассыпана синяя соль, мешки с которой явно тащили в подвал буквально пару часов назад? Вы ведете активную торговлю во время эпидемиологического локдауна?

В раструбе повисла напряженная тишина.

— Это старые следы... — неуверенно буркнул алхимик.

— Что вы продаете? — жестко спросил Вейл, уловив мою мысль.

— Ничего!

— Тогда позвольте нам осмотреть склад. Прямо сейчас. Синяя линия, верно?

— Нет! Склад временно недоступен! Там... Страшный беспорядок!

Вейл молча развернулся и решительно зашагал по синей

линии к лестнице, ведущей в подвал. Я поспешила за ним. Но едва мы приблизились к ступеням, с потолка с оглушительным лязгом рухнула тяжелая железная решетка, наглухо перекрывая спуск.

Тифлинг чудом остановился в дюйме от стальных прутьев, сжал кулаки и выкрикнул куда-то вверх:

— Борг, поднимите решетку!

— Безопасность прежде всего! Туда нельзя!

Я подошла к решетке и принялась внимательно изучать стену рядом с ней. В моей практике любая закрытая аудитория всегда имела запасной ключ на вахте. И здесь тоже должно было быть нечто подобное. Мой взгляд упал на неприметную медную пластину с гравировкой: *«Аварийный доступ для пожарной службы и лицензированных поставщиков реагентов»*. Ниже располагалась узкая щель магического замка.

— У тебя случайно нет в заначке отмычки пожарного? — спросила я, с сомнением разглядывая скважину.

Вместо ответа Вейл шагнул к стене, на ходу доставая из внутреннего кармана серебряный жетон коллектора. В его золотых глазах мелькнула мстительная искра.

— Отмычки нет. Но Казначейство не зря дерет с нас такие гигантские налоги за лицензию, — хмыкнул тифлинг. — Пожарные — это тоже муниципальная гильдия. Базовые аварийные протоколы доступа у нас пересекаются.

Он с силой припечатал жетон к замку, на что серебро ко-

ротко вспыхнуло синим. Внутри стены глухо щелкнуло, магический контур мигнул — и тяжелая решетка со скрежетом поползла вверх.

— Это незаконное проникновение со взломом! — истерично завопил Борг из динамика.

— Это служебная необходимость в условиях объявленного вами строгого карантина, — невозмутимо парировал Вейл, пролезая под поднимающейся решеткой и возвращая жетон на место. — Мы же идем спасать ваше имущество от вас самих. Шагай, Вика.

Мы спустились в прохладный подвал, в котором витали ароматы трав и сырости. Вдоль каменных стен идеальными рядами выстроились деревянные ящики, пузатые бочки и бесконечные стеллажи с сотнями одинаковых бутылок.

Я подошла к ближайшей полке и вчиталась в яркую этикетку: *«Универсальный нейтрализатор Борга». «Надежное средство от любого отравления». «Принимать строго до появления третьей головы».*

— Он продает противоядия?..

— Борг годами зарабатывает на этом, — кивнул Вейл, осматриваясь. — Иногда мне кажется, что половину городских ядов, от которых он продает лекарства, тоже производит он сам. Идеальная бизнес-модель, да?

В дальнем углу склада были аккуратно сложены пустые ящики с гербами Гильдии Аптекарей. На одном из них лежал прижатый камнем лист бумаги. Я подошла и развернула его.

Свежая накладная!

— Сегодня утром, ровно в шесть часов, отгружено сорок ящиков универсального нейтрализатора, — прочитала я вслух. — Неплохо для бедного больного человека, сидящего на карантине без гроша в кармане, правда? Доходы от текущих продаж могут быть квалифицированы как залоговое имущество?

— Именно так, — в голосе тифлинга зазвучало предвкушение.

Из очередного раструба, вмонтированного прямо над нашими головами, донесся громкий и отчаянный вздох:

— Это товар моих партнеров! Вы не имеете права его трогать!

— Документы на право собственности у вас имеются? — строго спросила я.

— Они наверху!

— Прекрасно, — Вейл сложил накладую и убрал в карман плаща. — Тогда мы идем наверх.

— Нельзя! Там еще опаснее! У меня нестабильные реактивы!

— Документа у меня в кармане уже достаточно, чтобы официально наложить арест на весь товар на этом складе в счет погашения долга, Борг.

Тифлинг вытащил жетон, готовясь приложить его к ближайшему ящику, чтобы наложить магическую печать изъятия.

В ту же секунду все медные трубы под потолком мелко и противно задрожали.

— Очень-очень не советую этого делать, — голос Борга вдруг потерял все свои истеричные нотки, стал холодным и абсолютно безжалостным.

Из клапанов на трубах с громким шипением вырвался едкий желтый дым. Он падал вниз тяжелым облаком, мгновенно заполняя пространство подвала.

Пока я глазела наверх, Вейл круто развернулся, схватил меня за руку и дернул в сторону лестницы:

— К выходу! Живо!

Мы бросились к ступеням. Маска сначала справлялась: воздух поступал с трудом, оставляя на языке жуткую горечь, но это не мешало дыханию. Я преодолела половину пролета, когда вдруг услышала пугающий треск прямо у своего уха. Один из металлических фильтров на моей маске — видимо, поврежденный еще во время нашей «дезинфекции» во дворе — не выдержал резкого перепада давления и агрессивной химической среды. По тонкому металлу поползла черная трещина, а внутрь маски мгновенно хлынул жгучий желтый газ.

Я задохнулась, инстинктивно вцепившись в горло. Глаза заслезились от дикой рези.

Вейл заметил трещину на моем фильтре и понял все в долю секунды. Не тратя времени на слова, он схватил меня за плечи, жестко развернул к себе и без колебаний сорвал со

своей собственной маски левый фильтр.

— Не двигайся!

— Что ты делаешь?! — попыталась крикнуть я, но из горла вырвался только сдавленный кашель.

Он грубо выкрутил поврежденный фильтр из маски и одним резким движением ввинтил на его место свой, защелкнув замок. Герметичность восстановилась — в мои легкие снова начал поступать очищенный воздух.

Но я с ужасом смотрела на тифлинга. Теперь у него остался только один фильтр, в открытое отверстие которого беспрепятственно вливался ядовитый желтый дым.

— Вейл, зачем?! — я вцепилась пальцами в рукав его плаща.

— Беги! — он с силой толкнул меня в спину, заставляя подниматься по лестнице.

Мы выскочили в основной коридор первого этажа. В ту же секунду железная решетка с грохотом упала за нашими спинами, отсекая нас от желтого облака, заполнившего подвал.

Я привалилась к стене, судорожно вдыхая чистый воздух. Вейл стоял в двух шагах от меня, опершись широкой ладонью о каменную кладку.

— Ты... В порядке? — хрипло спросил он, не поднимая головы.

— Да. Вейл, сними маску! Здесь чистый воздух, дыши!

— Сначала... Ты…

Он попытался сделать еще один шаг в мою сторону, но его

ноги внезапно подкосились, словно из них разом вытащили все кости. Тифлинг с глухим стуком рухнул на одно колено.

— Вейл!

Он попытался подняться, напряг руки, но его пальцы просто соскользнули с медной трубы. Все тело свело судорогой — мышцы больше не подчинялись ему.

Я дрожащими руками сорвала с его лица испорченную маску. Обычно темно-ежевичная кожа приобрела жуткий пепельно-серый оттенок, губы почти почернели. А золотые глаза смотрели на меня абсолютно осмысленно. В них билось понимание происходящего, но он физически не мог ничего сделать. Грудная клетка замерла.

— Что с тобой? Вейл, что мне делать? — я в панике обхватила его лицо ладонями.

Он попытался что-то сказать, но из его горла вырвался лишь страшный хрип. Из ближайшего динамика под потолком раздался издевательски-сочувствующий голос Борга:

— Ах, как неприятно… Должно быть, один из фильтров оказался неисправен? Какая трагическая случайность на производстве…

— Что за дрянь вы выпустили?! — закричала я, вскинув голову к черному раструбу динамика.

— Обычный паралитический состав для незваных гостей. Ничего смертельного, — голос Борга звучал так, будто он обсуждал погоду.

— Он не может дышать!

— Ну, тифлинги всегда немного острее реагируют на мою химию. Особенности инфернальной крови, знаете ли. Организм бурно сопротивляется чужеродным элементам.

Я бережно, стараясь не делать хуже, уложила его голову себе на колени, пока тело била крупная дрожь.

— Дайте противоядие! Немедленно!

— Разумеется, дорогая коллега. С огромным удовольствием, — в голосе алхимика послышалось злорадство. — Как только вы покинете пределы моей башни и подпишете отказ от любых финансовых претензий к моему бизнесу.

Прямо из стены рядом с нами с тихим щелчком выдвинулся небольшой металлический поднос, на котором лежали чистый бланк и перо. Я скосила глаза на текст, который едва успел проявиться на бумаге: *«Представители агентства официально подтверждают добровольный отказ от взыскания по контракту номер сто девяносто четыре...»*.

Вейл с трудом, превозмогая судорогу, шевельнул рукой и слабо ухватил меня за запястье. Его пальцы почти не сжимались, но послание было кристально ясным. Он смотрел на меня потемневшими, полными тяжелой тревоги золотыми глазами, и во взгляде этом читалось отчетливое: *«Не смей»*.

Даже в таком состоянии Вейл умудрялся мной конмадовать!

— Помолчи, — коротко шикнула я, но руку выдергивать не стала. Ощущение его холодных пальцев на запястье немного снижали градус паники.

— Не... Подписывай... — кое-как выдавил он сквозь почерневшие губы. — У-уходи...

— И в мыслях не было, — я резко подняла голову и крикнула в раструб: — Борг! Сколько у меня есть времени?

— До чего именно?

— До того момента, как он задохнется окончательно!

— Я же сказал, это паралитик, а не яд в чистом виде...

— Вы не предупреждали нас ни о каком газе! Если он умрет, это уже не статья о грабеже или незаконном проникновении.

Пауза в динамике затянулась.

— И что же это по вашей версии? — с сомнением протянул алхимик.

— Это будет умышленное убийство лицензированного сотрудника гильдии коллекторов с использованием специализированного расово направленного химического оружия, — я старалась вспомнить все юридические термины, которые успела подсмотреть в папках агентства. Перебирала их в своей голове, как банкомат, считающий купюры, чтобы озвучить нужные. — Насчет таких дел у Гильдии убийц и городского суда разговор короткий. Вас вздернут на первой же рейке без права на пересмотр приговора.

— Послушайте, он не умрет... — в голосе Борга впервые пробились нотки испуга.

— Тогда открывайте чертову лабораторию и докажите это!

Борг замолчал. А я отчетливо понимала: он блефует. Алхимик рассчитывал напугать меня умирающим напарником, чтобы я с испуга подписала отказ от долга и убиралась вон. Открывать дверь он не собирался.

Я опустила взгляд на Вейла, дыхание которого становилось все реже, а кожа холодела. Нужно действовать, причем срочно!

Мой взгляд упал на выпавшую у Вейла из кармана накладную со склада. На ней пестрели десятки названий реагентов, кодов и номеров партий. Я лихорадочно перевернула лист. В самом низу, в графе примечаний, значилось: *«В случае случайного вдыхания паров паралитика инфернальной группой использовать аварийный состав номер семь (формула 14)»* .

Номер семь, формула четырнадцать?..

— Не засыпай, — я слегка похлопала Вейла по щеке и вытащила на всякий случай его жетон. Вдруг меня снова закроет в какой-нибудь клетке? На мои фривольные действия тифлинг тяжело моргнул. — Вот и молодец. Лучше просто злись на меня. У тебя это всегда отлично получается.

Я аккуратно переложила его голову на свою сложенную в несколько слоев кофту, резко поднялась на ноги и бросилась к тому месту, где желтая линия упиралась в камень. Я начала ощупывать стену, уверенная, все это не просто так. Время шло на минуты, я боялась, что пока я тут изучаю пальцами каждый камушек на стене, Вейл умирает. Меня начало колотить так, что застучали зубы, но я продолжала исследовать

стены и пол.

Бинго! Нащупав под ковром спрятанный рычаг, я дернула его со всей силы. Часть каменной кладки с тихим шелестом отъехала в сторону, а передо мной открылся темный служебный проход, залитый тусклым светом.

— Проклятье! — взвизгнул из раструба Борг. — Откуда вы про него узнали?!

— Спасибо вашему безупречному дизайну интерьера, господин Борг, — бросила я через плечо и уверенно шагнула в темноту.

Держись, Вейл, я тебя обязательно вытащу!

Глава 16

Проход оказался настолько узким, что мне пришлось протискиваться боком, цепляясь плечами за шершавые каменные стены. Под ногами тускло светилась та самая желтая линия, служащая ориентиром в темноте.

Иногда я натыкалась на таблички с инструкциями, от которых становилось только тревожнее: *«При утечке зеленого дыма задержать дыхание. При утечке синего — не задерживать. При неопределенном цвете — молиться ближайшему божеству»*.

Наконец линия привела меня к массивной металлической двери, на которой красовалась крупная надпись: *«АВАРИЙНЫЙ ЗАПАС. Открывать только под угрозой смерти. Борг, это касается и тебя!»*.

Замок был сложным и наверняка магическим. Я судорожно вытащила из кармана серебряный жетон Вейла и прижала к скважине. Жетон вспыхнул, но дверь не поддалась — при всем моем желании медицинские тайны алхимика гильдейский пропуск не открывал.

— Личные аптечки не являются залоговым имуществом! — радостно заорал динамик где-то над ухом. — Вы не взломаете этот замок, девчонка! Сдавайтесь!

Я огляделась. Рядом в стеклянном коробе висел небольшой пожарный молоток, а на стекле красовалась надпись:

«Разбить при аварии».

— У вас тут вообще вся система безопасности построена на принципе «разбей меня»? — я усмехнулась и с размаху ударила локтем по стеклу. Видела когда-то, что так делают в фильмах, но не успела прикинуть шанс успеха — мной руководил инстинкт выживания, точнее, спасения одного рогатого напарника.

Но, к моему удивлению, осколки тут же звонко разлетелись по сторонам. Я схватила тяжелый молоток и со всей дури шарахнула по алхимическому замку. Потом еще раз, второй, третий... На четвертый удар механизм с противным скрежетом треснул — и дверь приоткрылась внутрь.

За ней обнаружилась крошечная комната, сплошь заставленная стеллажами с медикаментами. На полках ровными рядами красовались сотни разноцветных флаконов.

— Где же ты, седьмой номер... — лихорадочно бормотала я, читая надписи на этикетках.

Наконец, на средней полке нашлись три одинаковых стеклянных пузырька с цифрой «7» на крышке. Один был с красной жидкостью, второй — с прозрачной, третий — с абсолютно черной. Таблицы совместимости перед глазами не было, а времени на раздумья — и подавно.

Я вспомнила строчку из накладной в подвале: «*формула 14*». Судорожно схватив черный флакон, я перевернула его и на донышке разглядела выгравированное число: *14*.

— Есть!

Я со всех ног бросилась обратно, едва не падая в темноте. Тифлинг уже почти не дышал, его веки были плотно сомкнуты.

— Эй, не смей помирать, — я приподняла голову, выдернула пробку из черного пузырька и аккуратно влила густую черную жидкость ему в рот.

Пару секунд ничего не происходило. Я уже успела похолодеть от ужаса, подумав, что ошиблась флаконом, как вдруг тело Вейла судорожно выгнулось дугой. Он сделал глубокий и жадный судорожный вдох, закашлялся, зацепившись пальцами за мои плечи, и резко распахнул глаза.

Цвет его кожи начал стремительно возвращаться к привычному глубокому ежевичному оттенку.

— Живой? — выдохнула я, чувствуя, как отступает адреналиновый кошмар.

Вейл моргнул, сфокусировав на мне взгляд, и хрипло, едва слышно произнес:

— Ты... Снесла эту чертову дверь молотком?

— Только замок, — поправила я, чувствуя себя невероятно гордо. — Идти сможешь?

Он тяжело оперся о мой локоть, пытаясь подняться, и злобно посмотрел в сторону ближайшего динамика.

— Сначала мы разобьем лицо нашему милому химику. А потом я снесу всю оставшуюся башню.

— Сначала дойдем до верхней лаборатории, — поправила я его, жестко пресекая любые попытки убийства. — Бить

будем исключительно в рамках правового поля. То есть опираясь на свежеподписанные штрафы.

Вейл с трудом выпрямился. Ему приходилось держаться рядом и нехотя принимать от меня помощь, чтобы устоять на трясущихся ногах, но в его золотых глазах вместо недавнего тумана уже горел хищный огонь, который я видела впервые за все дни работы с ним.

— Ладно, — процедил он сквозь зубы и опасно хрустнул костяшками. — Сначала штрафы, а потом моральный ущерб за испорченный воздух.

Мы начали подъем по винтовой лестнице, следуя по ярко-красной линии, ведущей в святая святых алхимика. Каждый шаг давался тифлингу тяжело: отрава выходила медленно, оставляя после себя мышечную слабость, но его упрямство было способно сдвинуть с места гору.

На верхнем этаже нас встретила просторная и залитая ярким дневным светом лаборатория. Вдоль стен громоздились тяжелые медные котлы, стеклянные колонны дистилляторов, а по тонким трубочкам весело бежали разноцветные пузырящиеся жидкости.

Сам Борг метался по комнате, судорожно сгребая в дорожный сундук флаконы, свитки и редкие ингредиенты. Увидев нас в дверях — живого Вейла и меня, поигрывающую тем самым пожарным молотком, — алхимик икнул и уронил на пол увесистую склянку.

— Вы... Вы как выбрались?! — в ужасе задохнулся он,

отступая к панорамному окну. — Блокировка коридоров должна была держать вас внизу до утра!

— У вашего аварийного выхода потрясающая эргономика, господин Борг, — улыбнулась я самой устрашающей из своих натренированных улыбок. — А вот звукоизоляция хромает.

Вейл тяжело шагнул в центр лаборатории, на ходу вытаскивая из внутреннего кармана чистый бланк ордера и свой гильдейский жетон, который я судорожно сунула ему после того, как опоила неизвестной жидкостью. Металл в его руке нетерпеливо заискрил.

— Контракт номер сто девяносто четыре, — голос тифлинга отдавал интимной хрипотцой, но в целом напарник держался достаточно уверенно, чтобы не оставлять пространства для споров. — Пятьсот золотых основного долга. Сто двадцать пени за просрочку…

— Какое еще взыскание?! Вы только что незаконно проникли в служебное помещение, взломали дверь аварийного запаса и устроили дебош в муниципальной зоне ответственности! Я сам подам на вас в суд!

— Подавайте, — великодушно разрешила я, подходя к его рабочему столу и опуская рядом с чернильницей тяжелый молоток. — Но сначала давайте зафиксируем сопутствующие убытки. Умышленное применение яда выборочного действия против сотрудника гильдии при исполнении служебных обязанностей — это тянет на конфискацию всей ла-

боратории в пользу агентства. Плюс компенсация за моральный ущерб в размере трехсот золотых. И да, за сломанный замок аварийной двери вы тоже заплатите. Сами.

Гном вытаращил глаза на молоток, потом на Вейла, который уже прижал бланк ордера к его столу и занес над ним перо, готовое выжигать пугающие цифры.

— Вы грабители! Настоящие мародеры в строгих костюмах! — завыл Борг, падая на стул.

— Мы — лицензированные взыскатели, — поправил его Вейл, прикладывая жетон к бумаге. — И у вас ровно пять секунд на добровольную передачу средств из сундука, пока я не вспомнил, что за хранение незарегистрированных паралитических газов в черте города полагается тюремное заключение в казематах Казначейства.

Борг судорожно сглотнул, бросил панический взгляд на открытый сундук с деньгами и понял, что торговаться больше не с кем и не о чем.

Через десять минут мы вышли из башни, добившись своего.

В воздухе над крышами лаборатории больше не клубился разноцветный дым — систему принудительной вентиляции я предусмотрительно оставила включенной на максимум. В сумке лежал увесистый мешочек с честно отвоеванными восьмистами золотыми монетами и тихо позвякивали три драгоценных флакона с нейтрализатором.

Мы дошли до перекрестка, где быстро поймали случай-

ный экипаж.

Едва карета тронулась с места, сглатывая ухабы столичной брусчатки, Вейл откинулся на спинку сиденья, прикрыл глаза и тяжело выдохнул.

— Ты сегодня превзошла саму себя, аудитор, — тихо произнес он, не открывая глаз. — Я ожидал чего угодно, но не того, что ты разнесешь служебный коридор алхимика пожарным инвентарем.

— Ты бы сделал то же самое, — спокойно ответила я, глядя в окно на проплывающие мимо крыши.

Вейл хмыкнул, открыл один глаз и посмотрел на меня с едва уловимой полуулыбкой.

— Квота закрыта, — напомнил он. — Казначейство получит свои деньги.

— И у нас останется целый месяц на спокойную работу.

— Если, конечно, Аргенто не решит продолжить свою игру с ежедневными монетками.

Я машинально похлопала по карману, где пряталась теплая золотая чешуйка.

— Пусть попробует. В конце концов, у нас еще осталось много неисписанных бланков ордеров.

Вейл протянул руку, легко накрыл мои пальцы своими и переплел их, сжав чуть крепче, чем, как мне кажется, требовало простое товарищество.

Экипаж катил нас навстречу спокойному вечеру. Впервые за все время пребывания в этом безумном мире мне каза-

лось, что я способна справиться со всеми испытаниями, что приготовила для меня судьба.

На очередной колдобине, которыми славились окраины столицы, экипаж немилосердно тряхнуло. Вейл, чей организм все еще боролся с остатками паралитика, болезненно поморщился и едва не съехал с сидения.

Я вздохнула, высвободила свою руку из его пальцев и властно потянула тифлинга на себя.

— Иди сюда.

— Не надо, — попытался воспротивиться он, напрягая спину.

— Надо, Вейл. Обопрись.

Я заставила его придвинуться ближе и уложила тяжелую голову себе на плечо.

— Я не собираюсь спать, — проворчал он, но сопротивляться перестал.

— А я и не предлагала.

— И не нужно меня держать. Я не упаду.

Колесо снова угодило в глубокую яму. Вейл качнулся, а я крепче обхватила его за талию, прижимая к себе.

— Не очень-то ты убедительно врешь.

— Я вообще не вру, — хрипло отозвался он. Тяжело вздохнул, но больше не спорил.

Через несколько минут его дыхание выровнялось, став спокойным и глубоким.

Я глянула в окно на сгущающиеся сумерки, а затем сво-

бодной рукой достала из кармана носовой платок, внутри которого лежала золотая чешуйка. Теперь она была по-настоящему горячей, а витиеватый узор на ее поверхности слабо светился изнутри.

— Что это? — хрипло, не открывая глаз, спросил Вейл.

— Ты же спишь.

— Я думаю. С закрытыми глазами.

— Врун.

Тифлинг зевнул и приоткрыл глаза. Я убрала платок, показывая ему чешуйку. Вейл мгновенно выпрямился, напрочь забыв о своей слабости:

— Откуда она у тебя?

— Дал скелет-привратник на кладбище.

Он резким движением выхватил чешуйку из моих пальцев. В ту же секунду золотой свет вспыхнул ослепительно ярко, а по тесной кабине экипажа прокатился бархатистый мужской смех.

— Рад, что мой маленький подарок оказался полезен, — голос Аргенто зазвучал прямо из чешуйки, на которую мы уставились после вспышки. — Хотя вынужден заметить: в моем доме госпоже Вике не пришлось бы дышать второсортным ядом.

Вейл сжал чешуйку в кулаке и проворчал:

— Он нас слышал.

— Похоже на то…

— С самого кладбища?

— Получается, что так.

Вейл молча опустил стекло экипажа и с широким размахом вышвырнул золотую чешуйку в окно — прямо в грязную сточную канаву.

— Эй! — возмутилась я. — Это могла быть ценная улика! Или магический вещдок!

— Это была всего лишь его прослушка.

— Можно было запечатать ее в свинцовую коробку...

Вейл повернул ко мне голову и посмотрел своим фирменным убийственным взглядом, а потом откинулся на спинку и прикрыл глаза. Усталость навалилась на него с новой силой.

Когда мы наконец добрались до агентства и распахнули дверь, Хангри тут же бросила своим бумаги и вскочила из-за стола:

— Что случилось?!

— Ничего, — привычно буркнул Вейл. И в этот самый момент его колени подогнулись. Если бы он вовремя не вцепился мертвой хваткой в дверной косяк, то рухнул бы прямо на пороге.

— И это твое ничего?!

— Просто остаточное действие яда, — быстро пояснила я, подхватывая напарника под плечо. — Ничего серьезного, если Борг не соврал. А он вряд ли соврал.

— Борг отравил Вейла ядом?!

Орчиха подхватила Вейла под вторую руку, так что мы общими усилиями дотащили его до ближайшего стула. Мор-

тимер тут же метнулся к кувшину и притащил стакан воды.

— Я же говорил, — запричитал халфлинг, суетясь вокруг тифлинга. — Надо было послать к этому психу кого-нибудь другого!

— Кого? — рявкнула Хангри. — Тебя?

— Я имел в виду очень абстрактного, гипотетического другого человека! Которого не жалко!

Я подошла к столу и с глухим стуком опустила на него увесистый мешок. Две пары глаз сразу же уставились на него с любопытством.

— Восемьсот золотых. Основной долг, пеня, компенсация за испорченное здоровье и стоимость оборудования.

Хангри осеклась, посмотрела на пузатый мешок, на бледного Вейла и снова на мешок.

— Мы закрыли квоту, — почти благоговейно произнесла она.

В кабинете повисла оглушительная тишина. Мортимер первым понял весь смысл сказанного:

— Полностью?!

Хангри дрожащими пальцами развязала тесемки, заглянула внутрь, быстро прикинула что-то в уме и энергично закивала.

— Минимальный платеж, все пени Казначейства и гильдейская пошлина за продление лицензии. Нам хватит. Мы в расчете!

Мортимер издал победный оглушительный вопль и с раз-

бегу бросился обнимать орчиху. Хангри на секунду опешила, а затем расхохоталась и сама сгребла халфлинга в охапку, с легкостью отрывая его от пола. Вейл закрыл глаза, откинул голову на спинку стула и с невероятным облегчением выдохнул.

Внутри у меня разливалось давно забытое и щемящее чувство абсолютного тепла. Я знала этих нелюдей меньше недели, но их выстраданная победа почему-то ощущалась как моя собственная.

Хангри опустила Мортимера, шагнула ко мне и внезапно крепко обняла.

— Ты ведь тоже спасла наше агентство, Вика.

— Пока мы всего лишь получили отсрочку, — я мягко похлопала ее по широкой спине.

— На три месяца! — счастливо согласилась орчиха. — Но теперь у нас есть целых три месяца спокойной жизни! Жалко, что Эвелины нет с нами в этот момент…

Она тяжело вздохнула, но потом строго посмотрела на Вейла и нахмурилась.

— А тебя я сейчас лично отнесу на плече к целителю.

— Не нужно, — поморщился Вейл. — Я уже не отравлен.

— Не факт, — возразила я. — Лучше бы, конечно, провериться!

— Его кожа выглядит намного хуже обычного, — тут же подхватил Морти и цокнул языком.

— Вот-вот, — согласно закивала Хангри.

Тифлинг просто закрыл лицо ладонью, отказываясь участвовать в нашем балагане. Хангри, не слушая возражений, выписала командировочный лист и отправила Мортимера бежать за дежурным гильдейским целителем.

Я осталась стоять рядом со стулом Вейла.

— Ты можешь идти спать, аудитор, — тихо сказал он, убирая руку от лица.

— Могу.

— Но не пойдешь?

— Неа.

— Почему?

— Потому что я не доверяю Боргу и не уверена, что противоядие сработало на сто процентов.

— Сработало.

— Потому что Борг так сказал? Больно много он нам интересного говорил и не все это было правдой.

— Вика...

— Нет, не начинай, — я строго пригрозила ему пальцем. — Сегодня я уже спасла тебе жизнь, вытащив с того света. А значит, до полуночи имею полное юридическое право принимать решения за нас обоих.

— Откуда вообще взялось это право?

— Я его только что придумала.

— Я начинаю понимать, почему ты так пугающе легко ориентируешься в наших законах, — усмехнулся он.

Я придвинула второй стул и села вплотную к нему. Через

несколько минут напряжение в кабинете спало. Вейл, сморенный усталостью и перенесенным на свою жизнь покушением, снова притих. Его большая рука расслабленно лежала на подлокотнике.

Я немного помедлила, а затем осторожно положила свою ладонь поверх его. Ну так, просто чтобы убедиться, что с ним все нормально. Вейл ничего не сказал и не оттолкнул меня, сам перевернул руку и крепко переплел наши пальцы, как в карете экипажа.

— Это что за страховочная мера? — едва нарушая долгожданную тишину, спросила я.

— Чтобы ты не ушла к своему дракону, пока я сплю.

Я улыбнулась, глядя на его упрямый профиль.

— Спи спокойно, рогатый. До завтра я точно никому не продамся.

Вейл сжал мои пальцы чуть сильнее.

— Завтра, надеюсь, тоже.

Не было смысла продолжать этот разговор, поэтому я осталась сидеть рядом, вслушиваясь его мерное дыхание, пока за окнами агентства на столицу медленно опускалась ясная звездная ночь. И моя рука по-прежнему оставалась крепко зажатой в его руке.

Глава 17

Я проснулась от того, что у меня окончательно затекла шея. Жесткий деревянный стул явно не задумывался создателями как полноценное спальное место.

Открыв глаза, я обнаружила, что в кабинете уже стоит серо-синий предрассветный полумрак. Моя рука все еще была переплетена с пальцами Вейла. Он спал, откинув голову на спинку стула. Без привычной хмурой складки между бровей и жестко сжатых челюстей его лицо с этими резкими скулами казалось удивительно спокойным. И даже чуть более молодым.

Я позволила себе несколько секунд просто смотреть на него, а затем очень осторожно, миллиметр за миллиметром, начала высвобождать свою ладонь. Тифлинг тихо недовольно выдохнул сквозь зубы, в его груди зарокотало что-то похожее на глухое рычание, но он не проснулся. Вчерашний яд алхимика все-таки вымотал его сильнее, чем он пытался показать.

Я встала, поморщившись от хруста в пояснице, и на цыпочках прошла в небольшую умывальную комнату в конце коридора. Плеснула водой в лицо, мгновенно сбрасывая остатки сна, оперлась руками о края поцарапанной деревянной раковины и впервые за эти безумные дни остановилась перед чуть мутным зеркалом, чтобы посмотреть на себя по-

настоящему внимательно.

В прошлой жизни мои отношения с зеркалами закончились в тот день, когда болезнь начала высасывать из меня жизнь. Я ненавидела ту хрупкую, болезненно-угловатую, прозрачную женщину, которая смотрела на меня потухшим взглядом.

Но девушка, которая предстала передо мной сейчас, была совершенно другой.

Я расстегнула верхние пуговицы рубашки, оттягивая плотную ткань. В молодости у меня была фигура настоящей классической пышки: плавные изгибы крутых бедер, полная и тяжелая грудь, которую простая агентская рубашка едва сдерживала, и очаровательно округлый животик. Никакой утонченной или болезненной худобы. Это была сочная и дышащая здоровьем женственность.

В свои двадцать лет в той первой жизни я пыталась извести себя диетами до голодных обмороков, стеснялась своих объемов и пыталась втиснуться в модные журнальные стандарты. Но сейчас, с высоты своих прожитых шестидесяти лет, я смотрела на это мягкое и теплое тело с искренним глубоким восхищением. Быть живой — это уже чудо. А быть такой живой, здоровой и полной сил — это чудо вдвойне. Мне хотелось обнять каждую свою складочку, потому что в них пульсировала сама жизнь.

Я плеснула на шею еще воды, позволяя паре прохладных капель скатиться в ложбинку между грудей, пригладила

непослушные рыжие волосы и застегнула рубашку. Оставив, впрочем, одну пуговицу расстегнутой — просто потому, что теперь могла себе это позволить без всякого стеснения.

Когда я вернулась в кабинет, Вейл уже не спал.

Он сидел на своем стуле, откинувшись на спинку и опустив руки на подлокотники. И неотрывно смотрел на меня.

Утренний свет ложился на его лицо так, что я видела изменения в его золотых глазах. Они потемнели, зрачки расширились и почти полностью поглотили радужку. Этот взгляд медленно скользнул по моим влажным волосам, спустился к расстегнутому вороту рубашки, задержался на ткани, натянувшейся на груди, и медленно прочертил линию бедер.

Ох, я знала этот тип взглядов, раскрывающих первобытную мужскую суть — они ощущались на коже как физическое прикосновение. По моему молодому телу мгновенно пробежала электрическая искорка.

В прошлой жизни мужчины не смотрели на меня так очень-очень давно. Мое сердце, которое я считала надежно бронированным десятилетиями жизненного цинизма, вдруг замерло на пару коротких мгновений, а потом со всей юношеской дурости унеслось вскачь.

Я не стала одергивать подол рубашки, пытаясь спрятать фигуру. И не отвела глаз. В конце концов, я была взрослой женщиной и прекрасно понимала, что именно сейчас происходит между нами в утренней ленивой тишине кабинета.

Вейл чуть приоткрыл губы и шумно втянул воздух. Его грудная клетка тяжело поднялась и тут же опустилась обратно.

— Доброе утро, — мой голос предательски дрогнул и прозвучал куда более низко и хрипло, чем я планировала.

Тифлинг медленно и плавно, словно гигантская рогатая кошка, поднялся со стула, не разрывая нашего зрительного контакта, и шагнул в мою сторону.

— Утро, — выдохнул Вейл с низкой хрипотцой после сна, а у меня пересохло в горле и жар прокрался до самых скул, окрашивая лицо в оттенки спелого томата.

Вейл успел подобраться ко мне почти вплотную, но зародившуюся между нами атмосферу нарушил резкий стук.

Громкий.

Отчетливый.

Абсолютно бесцеремонный!

Вейл резко остановился, его ноздри хищно раздулись, а в глазах полыхнуло откровенное бешенство на самоубийцу, который посмел нас прервать. Я кашлянула и отступила на полшага назад, опираясь поясницей на край стола. Смотреть на коллегу отчего-то стало неловко.

Тифлинг цикнул, круто развернулся и тяжелым шагом подошел к двери. Распахнул ее так, словно собирался сорвать с петель и высказать непрошенному гостю все, что он о нем успел подумать за эти пару секунд…

На пороге стоял вчерашний лакей в ливрее с вышитым

золотым драконом. На его лице играла все та же безупречная вежливая полуулыбка, которая сейчас казалась особенно издевательской.

— Доброе утро, — учтиво произнес он, ничуть не смутившись убийственного взгляда тифлинга. — Послание для госпожи Вики. Лично в руки.

Он протянул уже знакомую нам черную визитную карточку и плотный свиток, перевязанный багровой шелковой лентой.

Вейл даже не дал мне подойти, грубо выхватил свиток и карточку из чужих рук.

— Передай своему хозяину... — начал было тифлинг, но лакей лишь коротко поклонился и, не дожидаясь продолжения, быстро зашагал прочь по улице, залитой утренним солнечным светом.

Вейл захлопнул дверь и опустил взгляд на карточку с таким выражением на лице, что я не сдержала тихий смешок.

— *«С нетерпением жду нашей встречи, которая теперь неизбежна. Аргенто»*, — вслух прочитал он.

— Какая самоуверенность, — я хмыкнула, хотя внутри заворочалось нехорошее предчувствие. — Дай сюда свиток. Что он там еще придумал? Ежедневную доставку цветов в счет уплаты долга?

Вейл сорвал ленту и развернул пергамент, чтобы прочесть содержимое послания. Чем больше он читал, тем стремительнее каменело его лицо: брови хмурились, а губы сжима-

лись в тонкую линию.

— Вейл? — позвала я с неприятным холодком в груди. — Что там, ну?

— Свидетельство о регистрации бесхозного имущества, — траурным тоном заявил тифлинг.

— Чего? Какого еще имущества?

Он медленно поднял на меня глаза, полные испепеляющей ярости, а потом со всей дури зарядил кулаком по ближайшей стене. Я вздрогнула и покосилась туда, где посыпалась штукатурка, если тут, конечно, она вообще была, и это не вековая пыль. Деревянная панель жалобно хрустнула от встречи с ежевичного цвета пальцами.

— Проклятье! Какой же я кретин! Как я мог это упустить?!

— Вейл, объясни нормально! Что он там зарегистрировал?

— Тебя, — выдохнул он и с силой скомкал край свитка. — Дракон нашел лазейку. Самую грязную и древнюю юридическую лазейку в этом проклятом мире.

Сказать, что я удивилась — это ничего не сказать. Я была в полном а… Шоке.

— Я не могу быть ничьим имуществом! Рабство по долгам оформляется только при наличии контракта с моей личной подписью… Я читала ваши законы!

— Ты читала гражданские кодексы гильдий, — Вейл запустил руку в волосы, растрепал их еще сильнее и начал нерв-

но мерить шагами кабинет, потряхивая свитком в воздухе. — А это — Теневой закон Высших. Ты помнишь слова того скелета на кладбище? «Не пустая». И помнишь, что Мортимер сказал в твой самый первый день? У тебя нет магической ауры. Ты не числишься ни в одном реестре. Юридически тебя в этом мире просто не существует как разумной гражданки!

Я начала понимать, к чему он клонит, и мне это категорически не нравилось.

— И что? Разве это не делает меня просто нелегалкой? В моем мире за такое грозил бы штраф и депортация, но уж точно не статус вещи!

— В глазах городской стражи — да, ты просто нелегалка, — горько усмехнулся Вейл. — Но в глазах Высших Сущностей, к которым относятся драконы... Существо без ауры, без рода и без печати гильдии классифицируется как «пустой сосуд». Как артефакт. Бесхозная находка, которую может присвоить любой, кто первым подаст заявку в Магический Трибунал.

Он швырнул свиток на стол Хангри.

— Аргенто официально оформил на тебя патент первооткрывателя. И по их законам для этого твое личное согласие не требуется. Ты же не спрашиваешь согласия у золотой монеты, когда поднимаешь ее с мостовой?

Я уставилась на пергамент. Мой мозг, привыкший к логике и справедливости (пусть даже бюрократической), напрочь

отказывался принимать этот абсурд. Меня, взрослую женщину с огромным жизненным опытом, просто взяли и запатентовали. Как новую модель швабры. Как удачный рецепт клея или как впервые открытую для науки технологию.

— И я... Я теперь его вещь?

Вейл посмотрел на меня с таким жгучим отчаянием и чувством вины, что у меня перехватило дыхание. Кажется, мы круто влипли…

— Я работаю с контрактами каждый день, Вика. Каждый проклятый день! — он снова сжал кулаки, словно хотел наказать себя за эту ошибку. — Я знаю все подвохи. Я должен был понять, почему он так легко тебя отпустил… Должен был сообразить, что твоя «пустота» делает тебя абсолютно беззащитной перед Теневым законом! Я не имел права даже близко подпускать тебя к его кабинету!

Он отвернулся к окну, тяжело опираясь обеими руками о подоконник.

— Я сам привел тебя к нему. И я сам, своими руками, вложил этому ящеру в руки идеальный козырь.

Я глубоко вздохнула и заставила себя мыслить рационально. Истерить было не в моих правилах. В прошлой жизни я читала о том, как людей лишали квартир, пенсий и даже базовых прав из-за одной помарки в документах. Так что паника — плохой советчик.

— Давай без лишнего драматизма, — я подошла к столу и посмотрела на злополучный свиток. — Патент на меня?

Как на новый сорт картошки? Очаровательно. Допустим. Но ведь любой патент можно оспорить?

Вейл перестал сверлить взглядом окно и повернулся ко мне. Его лицо все еще было напряженным, но моя деловитость немного сбила с него этот героический флер самобичевания. Мы знакомы всего неделю… И хоть между нами определенно проскакивали искры, сейчас было не время для трагичных признаний в стиле «я не уберег тебя». Мы были напарниками — и у нас была одна общая чешуйчатая проблема.

— В гражданском суде — да. Но это Теневой закон, Вика. Здесь работают другие правила. Чтобы аннулировать это свидетельство, нужно доказать, что ты принадлежишь себе. А у тебя нет ауры. Для местной магии ты пустота.

— Значит, мы докажем, что я не бесхозная, каким-то другим путем, — я уперла руки в бока. — Вейл, ты сам говорил: ты работаешь с безнадежными долгами каждый день. Неужели в этом вашем хваленом Инфернальном кодексе… Или как там его? Нет лазейки против драконьей наглости?

Вейл замер. Золотые глаза внезапно хищно сузились. Он глянул на меня, потом на контракт, а потом на его губах медленно расплылась очень нехорошая зубастая усмешка.

— Лазейка... Знаешь, аудитор, Аргенто привык иметь дело с людьми. Он забыл, что я не человек. И Теневой закон работает в обе стороны.

Он резко развернулся и целенаправленно зашагал к даль-

нему углу кабинета. Там стоял идеально чистый и пустующий рабочий стол с аккуратно сложенными папками, на который я раньше не обращала внимания. Вейл рывком выдвинул верхний ящик и достал оттуда массивный монокль в толстой серебряной оправе.

— Чей это стол? — машинально спросила я. Не то чтобы меня сильно волновала офисная рассадка, но идеальный порядок на чужом рабочем месте всегда вызывает подозрения.

По лестнице со второго этажа как раз спускалась Хангри, застегивая манжеты.

— Эвелины, — ответила орчиха, заметив, где копается Вейл. — Нашей лучшей сотрудницы. Она, кстати, должна со дня на день вернуться из командировки в северные провинции. Пора бы уже.

При имени «Эвелина» Вейл на долю секунды запнулся. Его пальцы, сжимающие монокль, чуть заметно напряглись, а челюсти сжались. Он промолчал, никак не прокомментировав возвращение «лучшей сотрудницы», и эта его внезапная скрытность неприятно царапнула мое любопытство. Но сейчас было не до расспросов.

Тифлинг вернулся к столу и надел монокль. Сквозь линзу, покрытую защитными символами, руны на пергаменте для него, видимо, перестали извиваться.

— Вексель о находке имеет абсолютную силу только в том случае, если у нашедшего нет активных непогашенных обязательств перед кредиторами, — Вейл достал из карма-

на свой серебряный жетон и небольшой ритуальный нож с темным лезвием. — Аргенто должен нашему агентству четыре тысячи девятьсот девяносто восемь золотых монет. А значит, мы имеем приоритетное право залога на любые его новые активы.

Я уважительно присвистнула.

— То есть, если я теперь его имущество, то вы можете забрать меня за долги?

— Именно, — глаза Вейла блеснули азартом игрока, поймавшего противника на блефе. — Человеческие законы тут не помогут. Но Инфернальный кодекс субординации кредиторов стоит выше патентов на находку.

Он без колебаний полоснул черным ножом по своей ладони, выпуская темную кровь. Прижал ее к серебряному жетону — и металл мгновенно вспыхнул багрово-черным пламенем.

Воздух в кабинете потяжелел и запах серой. Вейл заговорил на гортанном рычащем языке и впечатал пылающий жетон прямо в самый центр драконьего пергамента.

— Любое новое имущество, заявленное должником Аргенто, немедленно изымается в качестве обеспечительного залога в пользу кредитора! Контракт переподчинен! — выкрикнул он уже на всеобщем, перекрывая гул магии.

Пергамент на столе издал звук, похожий на змеиное шипение. Багровые чернила вскипели кровавой пеной, вспыхнули синим агентским пламенем и в одно мгновение рассы-

пались горсткой мелкого серого пепла.

Воздух в кабинете снова стал нормальным, запах серы улетучился.

Вейл вытер кровь с руки платком и победно посмотрел на меня.

— Вот и все. Аргенто потерял на тебя права, едва успев их заявить.

— Очаровательно, — я скрестила руки на груди, глядя на кучку пепла. — То есть полчаса назад я была собственностью Золотого Дракона, а теперь я официально — изъятое имущество вашего агентства? Какой стремительный карьерный рост.

Хангри, наблюдавшая за этим магическим представлением, хрипло рассмеялась.

— Добро пожаловать на баланс конторы, Вика. Могу поставить тебе инвентарный номер, если хочешь.

— Обойдусь, — фыркнула я. — Вейл, спасибо. Я оценила масштаб твоих талантов. Но мне эта ситуация со статусом «вещи» не нравится в корне. Как сделать так, чтобы дракон, или кто-то еще, снова не попытался меня запатентовать?

Тифлинг убрал монокль и посерьезнел.

— Есть только один способ, Вика. Мы не можем пришить тебе магическую ауру. Но если тебя внесут в официальный Реестр Гильдий как полноправного лицензированного специалиста, Теневой закон Высших потеряет над тобой силу. Гильдейская лицензия заменяет энергетический след в пра-

вовом поле.

— Отлично. Идем покупать лицензию?

— Лицензии не продаются, — Вейл смахнул пепел со стола в мусорную корзину. — Ее нужно заслужить. Тебе придется сдать официальный квалификационный экзамен в Центральной Ратуше.

Я удивленно моргнула. Экзамен? Мне? Женщине, которая тридцать лет писала методички для проверяющих комиссий, сидела в аккредитационных советах и сама принимала экзамены у сотен трясущихся студентов?

На моих губах расплылась широкая и абсолютно счастливая предвкушающая улыбка.

— Вейл, дорогой мой напарник... — я поправила воротник рубашки. — Ты даже не представляешь, какой праздник ты мне сейчас устроил. Идем в Ратушу. Покажем местной бюрократии, как выглядит настоящий апокалипсис.

Глава 18

Подготовка к экзамену на получение лицензии гильдейского взыскателя превратилась для нашего маленького агентства в настоящий филиал ада. Точнее, в предсессионную неделю на юридической кафедре, где я долгие годы была бессменным и самым безжалостным членом комиссии.

Мой крошечный чердак оброс схемами, графиками и таблицами, которые я чертила даже по ночам при свете свечи. Мортимер, пыхтя, таскал из городского архива пухлые тома уложений, Хангри взяла на себя роль строгого экзаменатора по гражданскому праву, а Вейл... Вейл оказался самым невыносимым, дотошным и гениальным преподавателем практических казусов.

— Статья сто сорок вторая, параграф третий, — монотонно диктовал он, сидя на единственном стуле и эффектно закинув ногу на ногу. — Должник забаррикадировался в храме Светлой Девы, прикрываясь правом религиозного убежища. Срок долга истек. Твои действия?

Я же заняла место на кровати, скрестив ноги по-турецки, и с упоением грызла верхушку местного аналога карандаша.

— Религиозное убежище неприкосновенно для коллекторов. Но! — я вскинула указательный палец вверх, привлекая внимание Вейла. Он лениво перевел взгляд с бумажного хаоса вокруг на меня. А я так некстати вспомнила момент

недавнего утра, когда нас прервал посыльный Аргенто, замялась на пару секунд и продолжила, но уже чуть менее энергичным тоном: — По статье восемьдесят девятой о санитарных нормах храмов, если должник находится внутри больше трех суток без справки о паломничестве, он приравнивается к незаконному сквоттеру. Вызываю муниципальную стражу за нарушение общественного порядка, они выводят его за ворота храма, а там я радостно жду его с ордером.

Вейл едва заметно и одобрительно хмыкнул:

— Жестоко. Но мне нравится.

Не знаю, почему, но от этой его фразы у меня потеплело в районе солнечного сплетения. Я как сохнущий цветок, который потянулся к спасительной влаге, восприняла этот комплимент на свой счет.

— Она не человек, она бюрократический монстр, — проворчал Мортимер, выглядывая из-за приоткрытой двери. Нет-нет, но он тоже заглядывал на огонек в мою берлогу, проверить, как у нас идут дела. — Вика, ты выучила кодексы быстрее, чем я успел протереть их от пыли!

— Когда тридцать лет проверяешь чужие кривые курсовые и заполняешь тонны бесполезных бумажек, местная правовая система кажется сборником детских сказок, — отмахнулась я. — Там столько логических дыр, что в них можно спрятать целое стадо Золотых Драконов. Я готова.

На следующее утро мы всем составом отправились в Центральную Ратушу, которая соответствовала своему названию

и статусу: мраморные колонны, позолота, снующие туда-сюда клерки с высокомерными лицами и атмосфера всеобщего превосходства над мнущимися на пороге “простолюдинами”.

Экзаменационная комиссия состояла из одного человека — ехидного чиновника по фамилии Кроу, который смотрел на нас из-под стекол своих очков так, будто мы задолжали лично ему еще задолго до нашей первой встречи.

Экзамен шел полтора часа. Кроу гонял меня по самым темным и пыльным закоулкам кодексов. Он спрашивал про пеню на некромантские артефакты в високосные годы, про правила конфискации летающих ковров и про прочие странные инциденты и прецеденты, которые, вероятно, когда-то тут уже происходили. Я щелкала его вопросы, как орешки, жонглировала статьями, параграфами и поправками с таким ледяным спокойствием, что к концу Кроу начал нервно промокать лоб платком.

— Что ж, — процедил он наконец, отодвигая экзаменационный лист. — Не могу не признать, ваши теоретические знания... Весьма удовлетворительны.

Я победно переглянулась с Вейлом, который молчаливой и хмурой статуей стоял у дверей кабинета, скрестив руки на груди.

— Однако, — чиновник торжествующе улыбнулся и сцепил тонкие пальцы в замок. — Вынужден отказать вам в выдаче лицензии, милочка.

Улыбка с треском сползла с моего лица. Вейл мгновенно напрягся, отлепившись от стены.

— На каком основании? — ледяным тоном спросил тифлинг. — Она ответила на все вопросы.

— На основании Главы Первой, Пункта Первого «Устава о лицензировании», — Кроу постучал сухим пальцем по столешнице. — Лицензия может быть выдана только гражданину, имеющему подтвержденное происхождение. Родовую печать, метку гильдии или клановое поручительство. А эта леди...

Он пренебрежительно скривился, кивая в мою сторону:

— Она иномирянка и пустота. У нее нет ни семьи, ни племени. Она юридически никто. А «никто» не может носить серебряный жетон.

— Вы придираетесь к формальностям! — возмутилась Хангри, выступая на мою защиту.

— Таков закон, — Кроу развел руками, наслаждаясь своей властью над нами, кучкой грязи под его башмаками. — Принесите мне подтверждение принадлежности к любому признанному клану или роду — и я выдам жетон. А до тех пор… Дверь находится во-о-он там, прошу на выход!

На улицу мы вывалились в состоянии мрачного и давящего молчания. Вейл был чернее тучи — он понимал, что пока у меня нет лицензии, дракон может в любой момент нанести новый удар. Я злилась так, что у меня дрожали руки.

Завалить меня на формальности!

Меня!

— Я разнесу эту ратушу, — процедила я, глядя на мраморный фасад. — Я найду прецедент. Я дойду до мэра...

— Подождите, — вдруг сказала Хангри. Орчиха остановилась посреди тротуара, поправила свои очки и задумчиво посмотрела на меня. — Подтверждение принадлежности к признанному клану? Любому?

— Хангри, о чем ты? — нахмурился Вейл.

— Идите в контору, — орчиха решительно развернулась в сторону почтового отделения. — Мне нужно отправить вестника отцу. Он мне кое-что должен.

Два дня мы жили как на иголках. Вейл не отходил от меня ни на шаг, провожая даже за хлебом и непременно ожидая подвоха от лакеев дракона. А на третье утро в двери агентства впорхнула огромная полярная сова. Она сбросила на стол Хангри тяжелый пергаментный тубус, запечатанный грубым куском зеленого воска с оттиском клыкастого кабана, и улетела, задорно порхая крылышками.

Орчиха разломала печать, пробежалась глазами по строчкам и раскатисто расхохоталась.

— Собирайтесь! — скомандовала она, размахивая свитком над головой. — Идем к Кроу!

Когда мы вчетвером снова ввалились в кабинет чиновника, тот лишь устало закатил глаза:

— Я же сказал, без подтверждения происхождения...

— Держите, — Хангри с размахом шлепнула перед ним

развернутый пергамент. — Заверено кровью Вождя.

Кроу надел очки и начал читать. Его глаза медленно, но верно полезли на лоб. Он перевел потрясенный взгляд с пергамента на меня.

— Вы... — он сглотнул. — Вы издеваетесь?

— Нисколько, — невозмутимо ответила я, хотя сама еще не знала, что там написано.

— Здесь сказано, — чиновник ткнул дрожащим пальцем в бумагу. — Что податель сего, Вика, является официально удочеренной сестрой по крови и полноправным членом Клана Зеленых Орков Северного Берега!

Вейл за моей спиной поперхнулся воздухом и закашлялся. Мортимер восторженно пискнул. Я моргнула, переваривая свой новый титул, но быстро взяла себя в руки и гордо вздернула подбородок.

— Именно так. Я Вика из Клана Зеленых Орков Северного Берега. Есть какие-то проблемы, господин инспектор? Или вы хотите оспорить подлинность печати Вождя?

— Но вы же человек! Кожа не зеленая… И у вас даже клыков нет! — возмутился Кроу, но замолчал, когда Вейл шагнул вперед, нависнув над столом и инспектором грозной тучей, и положил тяжелые ладони на столешницу.

— Вы подвергаете сомнению древнее право степных племен на кровное усыновление, Кроу? Это прямой дипломатический скандал. Я немедленно направлю жалобу в совет по делам меньшинств о расовой дискриминации.

Чиновник сдулся. Против дипломатического скандала с орками и жалобы от коллекторов у него не было ни единого аргумента. Он злобно выхватил из ящика стола тяжелую печать и с силой впечатал ее в мою экзаменационную ведомость:

— Одобрено! Забирайте свою лицензию и убирайтесь!

Мы вернулись в агентство героями. Хангри торжественно достала из сейфа небольшую бархатную коробочку и поставила ее на стол передо мной. Я открыла крышку — на черной ткани лежал серебряный жетон. Точно такой же, как у Вейла. Увесистый, холодный, покрытый вязью гильдейских рун. Теперь у меня было имя, племя и официальная защита, которую не мог пробить ни один драконий контракт. Я больше не была «пустотой».

Я с благоговением пялилась на этот, казалось бы, незначительный артефакт — и у меня внезапно защипало в носу. Теперь у меня есть почва под ногами…

У меня есть дом!

— Спасибо, — мой голос ожидаемо дрогнул.

Я повернулась и крепко обняла Мортимера, который радостно похлопал меня по лопаткам, потому что выше не дотягивался. Потом бросилась на шею Хангри. Орчиха — которая теперь была моей названной сестрой — сжала меня так, что у меня хрустнули ребра, но я только счастливо рассмеялась.

— За Клан Зеленых Орков! — пробасила она.

— Надо будет купить мне боевой топор для соответствия статусу, — хмыкнула я, отстраняясь.

А затем я повернулась к Вейлу, который стоял чуть в стороне. Он глубоко засунул руки в карманы брюк, всем своим видом пытаясь изобразить привычную отстраненность и безразличие к происходящему в нашей небольшой компании. Но его золотые глаза выдавали его настоящие эмоции, как бы он ни пытался их подавить. Вейл смотрел на меня с такой теплотой и облегчением, что у меня перехватило дыхание.

Я подошла к нему вплотную. Посмотрела снизу вверх на это красивое хищное лицо, и, не говоря ни слова, стиснула в объятиях. Прижалась щекой к его широкой груди, вдыхая уже ставший родным запах дыма. Он на секунду он замер, словно я застигла его врасплох своим неожиданным порывом. Но я не отстранилась — наоборот, обнимала его чуть дольше и чуть крепче, чем остальных, вкладывая в этот жест всю свою благодарность за ту ситуацию с ядом, за спасение от контракта Аргенто и за то, что он просто был рядом. Выражал поддержку, маскируя ее за выполнение долга…

Все остальные молчали, старательно отводя лукавые взгляды и пряча понимающие улыбки.

И вдруг я почувствовала, как Вейл выдохнул, а напряжение в его мышцах растаяло. Он медленно, будто не веря самому себе, вытащил руки из карманов. Большие и сильные ладони легли мне на спину, сначала бережно, а потом уже увереннее прижимая меня к теплому торсу. Тифлинг чуть

склонил голову и спрятал лицо в моих волосах, вдыхая их аромат.

В этот момент, стоя посреди заваленного бумагами кабинета агентства по взысканию безнадежных магических долгов, в объятиях хмурого тифлинга, я — Вика, отныне из Клана Зеленых Орков — уверенно поставила галочку напротив графы: эта новая и вторая жизнь мне определенно нравится.

Глава 19

Мое первое официальное утро в статусе лицензированного взыскателя началось с того, что я с гордостью прикрепила новенький серебряный жетон под воротником на манер броши. Он придавал мне такой солидный вид, что я даже поймала себя на мысли: а не потребовать ли у Хангри отдельный кабинет? Впрочем, стол, за которым я теперь сидела на законных основаниях, меня тоже вполне устраивал.

Идиллию нарушил до боли знакомый вежливый стук.

На пороге возник лакей Золотого Дракона. На этот раз он не стал проходить внутрь, словно нутром чуя исходящую от Вейла угрозу. Он просто положил на край стола Мортимера черный бархатный конверт, коротко поклонился и растворился в утреннем тумане.

Вейл, который до этого спокойно пил кофе, со стуком опустил кружку на стол. Его глаза недобро сузились.

— Если там опять какой-нибудь контракт на твою душу, я лично пойду и спалю его особняк, — процедил тифлинг.

— Спокойно, мой кровожадный напарник, — я подцепила конверт кончиками пальцев и вскрыла печать.

Внутри оказалась ровно одна золотая монета, изящно свернутый лист дорогого пергамента и еще одна плотная бумага с гербовой печатью. Я развернула письмо, прокашляясь и начала читать вслух:

— «Дорогая Вика из Клана Зеленых Орков. Снимаю шляпу перед вашей изобретательностью. Орки? У вас воистину изысканный вкус. Поздравляю с получением лицензии».

Мортимер на заднем фоне довольно хихикнул. Вейл лишь скрестил руки на груди, ожидая подвоха. Подвох не заставил себя ждать:

— «Вынужден признать поражение в нашей маленькой юридической дуэли, — мой голос дрогнул от возмущения, когда я вчиталась в следующие строки. *— По Инфернальному кодексу изъятое залоговое имущество подлежит строгой оценке. Я бы, не раздумывая, оценил вас во все золото этого мира, дорогая Вика. Но, увы, ваш суровый напарник заполнял акт изъятия. И, согласно стандартной тарифной сетке, господин Вейл оценил вас всего в 1200 золотых монет».*

Я оторвала взгляд от письма и с недобро посмотрела на тифлинга.

— Тысяча двести? Серьезно, Вейл? Я стою как старый ткацкий станок Кавендиша?

Вейл слегка поперхнулся воздухом. Его ежевичная кожа на скулах едва заметно потемнела.

— Это стандартная оценочная матрица Гильдии! — попытался оправдаться он, избегая моего взгляда. — Взрослая человеческая особь без доказанного магического дара, без боевых навыков... Я по закону не мог написать больше! Казначейство бы не пропустило акт!

— Мог бы накинуть пару сотен за богатый жизненный

опыт, — фыркнула я, возвращаясь к письму. — *«Таким образом, я списываю 1200 золотых из суммы моего долга. Плюс одна монета, которую доставили вам сегодня. Итого за мной остается ровно 3797 золотых монет. Мой бухгалтер в восторге от нашей сделки»*.

— Вот ублюдок, — искренне восхитилась Хангри, подсчитывая цифры в уме. — Он издевается над нами!

— Это еще не все, — я вытащила вторую бумагу из конверта. — *«P.S. Поскольку вы теперь полноправный взыскатель, я решил сделать вам небольшой выпускной подарок. Я выкупил один очень занятный долг и безвозмездно передаю права на его взыскание вашему агентству. Господин Маэль, иллюзионист и владелец "Зеркального Лабиринта". Долг — 500 золотых. Проверим, насколько хорошо серебряный жетон смотрится в ваших руках, Вика»*.

Вейл подошел ко мне и выхватил бумагу.

— Маэль? Дракон решил сыграть по-крупному. Это не просто должник. Это мошенник, который годами водит за нос половину столичных кредиторов.

— Иллюзионист?..

— На самом деле все намного хуже. Пространственный маг. Его заведение — это сеть зачарованных зеркал. Там магия жетона не работает напрямую, потому что ты никогда не знаешь, стоишь ли ты перед настоящим должником или перед его отражением.

Я задумчиво повертела в пальцах золотую монету Арген-

то. Дракон бросил мне вызов. Он хотел посмотреть, сломаюсь ли я на настоящей и сложной магической цели, где бумажки и статьи кодексов могут оказаться бессильны.

— Значит, мы идем в лабиринт, — я решительно засунула письмо в ящик стола. — Вейл, бери наручники, ордера и что там еще полагается. Пойдем доказывать наглому ящеру, что я стою гораздо больше тысячи двухсот золотых.

«Зеркальный Лабиринт» находился в развлекательном квартале и снаружи выглядел как огромный шатер, сотканный из переливающегося серебристого шелка.

Когда мы вошли внутрь, у меня мгновенно закружилась голова. Пространство дробилось на сотни коридоров. Потолок, пол, стены — все состояло из огромных и идеально отполированных зеркал. В каждом из них отражались мы с Вейлом. Сотни рыжеволосых девушек и высоких рогатых тифлингов уходили в бесконечность.

— Держись рядом, — тихо сказал Вейл и на всякий случай положил руку на рукоять кинжала. — Не верь даже своим глазам. Маэль может быть где угодно.

— Добро пожаловать, господа коллекторы! — звонкий насмешливый голос раздался отовсюду сразу. Эффект он произвел что надо — в голове как будто ударили в огромный колокол, посылая вибрацию по каждой клетке мозга и всем уголкам черепа разом.

В зеркалах впереди нас появились отражения высокого худощавого мужчины в расшитом золотом фраке. Он крутил

в руках трость и театрально кланялся. В одном зеркале он стоял спиной, в другом — лицом, в третьем — висел вверх ногами.

— Господин Маэль, — я достала ордер, стараясь смотреть прямо перед собой, чтобы не укачало от обилия иллюзий. — Как вы уже знаете, мы из агентства по взысканию безнадежных долгов… У вас есть долг в пятьсот золотых, переуступленный нам господином Аргенто.

— Ах, Аргенто! Любит он эти игры, — рассмеялся мужчина, а десятки его копий синхронно схватились за животы в приступе неудержимого хохота. — Я готов заплатить, конечно! Вот, берите!

Прямо из ближайшего зеркала на пол со звоном посыпалась гора золотых монет. Они задорно покатились по стеклянному полу, ударяясь о наши ботинки.

Вейл даже не шелохнулся.

— Иллюзия золота. Как банально, Маэль.

— Обижаете! — надул губы иллюзионист. — Потрогайте! Оно тяжелое!

Я наклонилась и подняла одну монету. Она действительно была тяжелой и холодной, но мой внутренний аудитор тут же включился в работу.

— Монета может быть осязаемой, — громко сказала я, обращаясь к зеркалам. — Но она не зарегистрирована в кадастре. Иллюзорное золото растворится за пределами вашего магического контура. Нам нужны настоящие налогообла-

гаемые деньги. И ваша личная подпись на акте приема-передачи.

— Какая скучная женщина, — вздохнули десятки отражений. Внезапно одно из них шагнуло прямо из стекла в коридор.

Маэль стоял в пяти метрах от нас, протягивая руку за документами.

— Давайте сюда ваш акт. Я подпишу.

Вейл напрягся, готовый в любой момент сорваться с места. Я достала бланк и перо, но не спешила отдавать их, внимательно глядя на мужчину. Мозг лихорадочно просчитывал варианты. Если мы дадим ему подписать документ, а он окажется качественной объемной иллюзией, подпись растворится, и мы останемся ни с чем. Магия жетона на него не сработает.

— Вейл, — тихо спросила я, не сводя глаз с Маэля. — Согласно закону о пространственной недвижимости, как измеряется коммерческая площадь таких заведений?

Тифлинг тоже не выпускал иллюзиониста из виду, но явно напрягся, не понимая, к чему я веду.

— По физическому фундаменту здания. Иллюзорные расширения пространства не облагаются налогом, так как не имеют несущих опор.

— Бинго, — я улыбнулась. — Иллюзии не имеют веса, который давит на фундамент.

Я шагнула вперед, держа в вытянутой руке бланк. Маэль

самодовольно потянулся за ним.

— Знаете, господин, в моем мире была одна отличная физическая константа. Называется «сила трения и пыль».

Мужчина нахмурился, а я резко опустила взгляд на идеально чистый зеркальный пол под его ногами. Вокруг него не было ни пылинки, ни намека, что кто-то действительно там есть. Массивная обувь не оставляла микроскопических следов от уличной грязи.

— Это фантом. Он не имеет физической массы. Вейл, ищи того, кто пачкает пол!

Иллюзионист злобно зашипел. Копия перед нами растаяла в дымке, а лабиринт пришел в движение. Зеркала начали вращаться вокруг нас с бешеной скоростью, создавая настоящий калейдоскоп из бликов и теней.

— Вы никогда не найдете оригинал! — хохотал голос.

Но я уже знала, что делать.

— Вейл! — я схватила тифлинга за рукав. — Человеческое зрение обмануть легко. Но архитектурный план здания обмануть нельзя! Мы же видели этот шатер снаружи. У него круглое основание и ровно одна центральная несущая колонна. Все эти коридоры — морок. Оригинал должен стоять в центре, чтобы контролировать контур!

Вейл не стал задавать вопросов. В этом была вся прелесть нашей новорожденной команды: мы доверяли компетенции друг друга.

Тифлинг закрыл глаза и прислушался к пространству, как

хищник. Его демоническая кровь чувствовала физическую плотность мира.

— Центр здания, говоришь…

Вейл резко распахнул глаза и выхватил из-за пояса свой кинжал. Проигнорировав десяток убегающих в разные стороны отражений Маэля, он бросился к ближайшему зеркалу и с размаху всадил в него клинок. Стекло лопнуло серебряными брызгами, но лабиринт и не подумал исчезать.

Я с замиранием сердца наблюдала за погромом. Тифлинг глухо зарычал и, не останавливаясь ни на секунду, обрушил удар на следующее зеркало. А затем еще на одно. Осколки дождем летели на пол, жалобно хрустели под его тяжелыми сапогами, множа искаженные яростью черты, но иллюзия держалась до последнего.

Наконец, круто развернувшись, он сделал резкий выпад и со всей своей нечеловеческой силы ударил в абсолютно пустое, казалось бы, зеркало справа от нас. Я рефлекторно прикрылась руками.

Раздался оглушительный звон, не похожий на предыдущие. Зеркало разлетелось, а вместе с ним со стоном и хрустальным перезвоном осыпался весь лабиринт. Наваждение спало.

Мы оказались в небольшом пыльном круглом зале. Прямо перед нами, прижатый спиной к массивной деревянной колонне, сидел на полу настоящий господин Маэль. Тяжелый сапог Вейла твердо стоял на его груди, а лезвие упиралось

иллюзионисту прямо в горло.

Обувь фокусника была покрыта обычной серой уличной пылью.

Я неспешно подошла к ним, стряхнула с бланка пару стеклянных крошек и протянула загнанному в угол должнику:

— Ваш автограф, господин Маэль. И настоящие пятьсот золотых. Желательно из сейфа, а не из воздуха.

Мужчина затравленно сглотнул, глядя на лезвие у своего горла, и покорно чиркнул пером по бумаге.

Я забрала подписанный акт. Вейл убрал нож, но тяжелый сапог с груди иллюзиониста снимать не стал. Тифлинг перевел взгляд на воротник моей рубашки, где поблескивал новенький серебряный жетон, и чуть заметно кивнул.

— Твой выход, аудитор, — его голос прозвучал низко и одобрительно. — Закрывай контракт. Сама.

Я сглотнула, внезапно почувствовав легкий мандраж. Одно дело — виртуозно жонглировать статьями кодексов и угрожать проверками, и совсем другое — впервые применить настоящую и осязаемую гильдейскую магию. Я отцепила жетон. В пальцах он казался прохладным, тяжелым и каким-то очень правильным.

Приложив серебряный кругляш к свежей подписи Маэля, я, как мысленно наставлял меня Вейл, потянулась к контуру долга, зафиксированному на бумаге.

Металл под моими пальцами мелко дрогнул и ослепительно вспыхнул синим агентским пламенем. По руке до само-

го плеча прокатилась прохладная волна чужой силы — строгой, упорядоченной, не терпящей никаких возражений. Это была магия абсолютного закона.

В тот же миг деревянная панель за спиной иллюзиониста, замаскированная под остатки зеркала, с щелчком откинулась. Оттуда, повинуясь притяжению жетона, вылетел тугой холщовый мешочек. Описав в воздухе изящную дугу, он с приятным и тяжелым звоном шлепнулся прямо в мою подставленную сумку. Пятьсот настоящих полновесных и прошедших магическую проверку золотых монет!

— Контракт закрыт, — с плохо скрываемой гордостью произнесла я. По телу еще гуляли отголоски магии взыскания, а я не смогла сдержать абсолютно счастливой улыбки, когда глянула на Вейла, крепко сжимая в руке потеплевший серебряный жетон. — А знаешь... Мне определенно начинает нравиться эта часть работы.

Вейл наконец убрал ногу с груди тихо стонущего иллюзиониста и спрятал кинжал за пояс. В его глазах искрилась разделенная со мной радость победы. Иллюзионист даже не пытался возмущаться или сыпать проклятиями нам вслед, смирившись со своей долей.

— Я же говорил. Бумага и чернила — это отлично, Вика, но магия взыскания добавляет процессу эстетики. Идем, полноценный сотрудник.

На улицу мы вышли победителями, хоть и устроили в шатре настоящий беспорядок. На лице моего напарника играла

легкая азартная улыбка: он явно был горд собой и тем, как эффектно разобрался с иллюзионистом.

— Искать несущую колонну в магическом лабиринте, — произнес Вейл спустя несколько минут, глядя на безоблачное небо. — Это самое антимагическое и самое гениальное решение из всех возможных.

— Я же говорю: физика и бюрократия побеждают любые чары, — я любовно погладила свой пристегнутый обратно жетон. — Как думаешь, дракон засчитает этот тест?

Вейл остановился и посмотрел на меня без пугающей инфернальной искринки, но с обволакивающей мужской заинтересованностью, которую было сложно спутать с чем-то другим. У меня опять, как у школьницы, затрепетало в груди.

— Засчитает. Но я собираюсь написать ему ответное письмо.

— И что ты там напишешь? — я прижала сумку с взысканным долгом к бедру и отвернулась, делая вид, что занята разглядыванием прохожих.

— Что я ошибся в оценке залогового имущества, — уверенно заявил Вейл, вынуждая меня покрыться предательским румянцем. Ну что же это такое-то… Соберись, Вика! — И что теперь, как твой полноправный напарник, я оцениваю тебя как… Абсолютно бесценную занозу.

Я рассмеялась, подступила ближе и легонько толкнула Вейла плечом. Вовсе не потому, что нам навстречу шел

огромный широкоплечий мужчина, занимающий массивную долю тротуара, отбивая копытами по вымощенным камням.

— Пошли в контору, оценщик. Нам еще нужно внести эти пятьсот золотых в гроссбух. И желательно проконтролировать, чтобы Мортимер снова не напутал и не вписал их в графу расходов на канцелярию.

Глава 20

Хангри сдержала свое обещание отпраздновать закрытие квоты с размахом. Вечером того же дня на дверях нашего агентства появилась кривоватая табличка «Закрыто по техническим причинам», и мы всем составом отправились в таверну «Сытый тролль».

Заведение находилось на границе торгового квартала и было под завязку набито рабочим людом, наемниками и мелкими клерками. В углу кто-то фальшиво, но с душой играл на лютне.

Я впервые была в таком месте и с удивлением смотрела на все вокруг. Да уж, это не было похоже на мою любимую кафешку дома, но определенно добавляло моей новой жизни красок.

Мы заняли большой стол у самого окна. Хангри заказала столько еды, что тарелки приходилось ставить едва ли не друг на друга. А в центр с гордостью водрузила пузатый бочонок лучшего темного эля.

— За нашего нового, официально зарегистрированного и сертифицированного аудитора! — орчиха подняла огромную деревянную кружку над нашими головами. — Вика из Клана Зеленых Орков, пусть твой серебряный жетон всегда бьет без промаха!

— За Вику! — радостно подхватил Мортимер, чокаясь с

ней.

Я со смешком вскинула свою — и мы все звонко стукнулись посудиной, едва не проливая напиток на еду. Эль оказался густым, горьковато-сладким и моментально ударил в голову.

— И за то, чтобы в нашем гроссбухе больше никогда не было долгов со сроком давности в три года! — добавила я свой тост на следующем заходе.

Вейл сидел рядом со мной и вел себя максимально прилично: не кричал тостов и не наводил суеты, в отличие от Хангри, но его кружка то и дела задевала мою. Или он клал ладонь поверх стола так, что мы касались мизинцами. В какой-то момент он снял свой плащ и остался в одной черной рубашке, верхние пуговицы которой были небрежно расстегнуты. От этого он казался менее официальным и куда более привлекательным моим захмелевшим глазам. Я старательно делала вид, что игнорирую сей факт.

Вечер набирал обороты. Мортимер, раскрасневшись щеками, навеселе начал показывать фокусы с монетами, заставляя их исчезать и появляться в пустых кружках соседнего столика, чем вызвал там бурный восторг и приглашение выпить. Хангри сцепилась в жарком споре о налоговых ставках с каким-то знакомым десятником городской стражи у барной стойки.

Каким-то неведомым образом мы с Вейлом остались за столом вдвоем.

В таверне было жарко. От обильной еды, хмельного эля и духоты у меня разрумянились щеки, а ворот рубашки казался слишком тесным. Я оттянула ткань от шеи, чувствуя, как по спине катятся капельки пота. Повернула голову и поймала на себе взгляд Вейла, который сидел вполоборота, закинув руку на спинку моей скамьи.

И смотрел он вовсе не на мой жетон — предмет всеобщего празднества и моей личной гордости. Его глаза нагло следили за тем, как тяжело вздымается моя грудь, стянутая светлой тканью, и как прядь рыжих волос прилипает к влажной шее.

— Пойду подышу воздухом, — я резко поднялась, потому что в моей голове четко оформилась мысль. Если просижу под этим прицелом еще минуту, то просто забуду, как работают легкие. — Здесь слишком шумно.

— Хорошо, только далеко не уходи, — хрипловато отозвался Вейл мне вслед.

Я протиснулась сквозь толпу и вышла на задний двор таверны. Здесь было тихо и спокойно, толстые стены глушили голоса внутри. Ночная прохлада приятно остудила горящие щеки. Я подошла к деревянным перилам невысокого крыльца, глубоко вдыхая свежий воздух, и закрыла глаза.

А ведь прошло-то всего ничего в этом мире и забытом для меня теле. Я получила работу, перехитрила дракона и некроманта... Жизнь била ключом, но справлялась я довольно неплохо.

Я вздрогнула от неожиданности, когда сзади бахнула тяжелая дверь, но быстро успокоилась — следом раздались знакомые шаги. Вейл подошел и встал рядом, опираясь локтями о перила, судя по раздавшемуся скрипу и движению потока воздуха рядом с моей ладонью.

— Не замерзла? — тихий голос с легкой хрипотцой мазнул недалеко от уха.

Я покачала головой, не открывая глаз, и сильнее стиснула дерево.

— Наоборот. Слишком жарко.

— Ты рисковала в зеркальном лабиринте, — Вейл решил, что вечер получился недостаточно томным, раз пришел сюда читать мне нотации? — Если бы Маэль оказался проворнее, его иллюзия могла бы стоить тебе работы…

Я вздохнула, нехотя разомкнула веки и оказалась нос к носу с занудой-тифлингом. Хотя бы сегодня можно было забыть про все нюансы? Нас разделяло всего несколько сантиметров. В подрагивающем свете фонаря, висящего над дверью, его лицо приобрело поистине потусторонние нотки. Однако меня больше интересовали виды в вырезе полурастегнутой рубашки.

О чем он там говорил? Ах, да, иллюзионист.

— Я знала, что делаю, — ответила я и сглотнула, прогоняя дурацкие пьяные мысли из головы. — И я знала, что у меня отличная страховка. Ты бы не дал ему лишить меня работы.

— Я не могу всегда быть рядом, Вика.

— Тогда я сама не дам себя в обиду.

Вейл издал нервный смешок, поднял руку и коснулся моего лица, еще хранящего остатки тепла из помещения. Его данные пальцы заправили выбившуюся рыжую прядь за ухо, один скользнул по скуле, очертил линию челюсти и, опустившись, замер на пульсирующей жилке на шее.

Я перестала дышать и вспомнила, что мне не чужды примитивные чувства и эмоции, которые вызывают другие люди, как бы я ни пыталась убедить себя в обратном. Правда в моем случае это скорее не совсем человек, а рогатый тифлинг… Мир вокруг сузился до размеров этого крыльца и тепла его ладони. Хангри, Мортимер, другие люди и проблемы остались на задворках моего уплывающего разума, который сейчас был сосредоточен на определенном экземпляре с золотыми глазами.

— Ты сводишь меня с ума, аудитор, — прошептал Вейл то, от чего у меня защемило сердце. В прошлой жизни я бы схватилась за корвалол, однако в этой… Мое тело было молодым и здоровым, просто немножечко откликалось на чужую симпатию. Никаких сердечных приступов!

Я

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.